

Мамалық *Санама*

ЭҚВЕЙ

трилеттік еудьбы

Катрину Бишоп ждало счастливое будущее — любовь, семья и дети. Но теперь впереди лишь забвение. Александр Переславцев мечтал только о смерти, но его вынудили жить. «Приди ко мне, и я отвечу на все твои вопросы», — сказала каждому из них Богиня. Теперь по её воле им придётся провести вместе пару недель, чтобы узнать друг друга с новой стороны и получить ответ на самый главный вопрос — Как жить дальше?

Татьяна Серганова

Эквей. Трилистник судьбы

Глава 1. Разбитые мечты

Трилистник — жизнь... смерть... возрождение...

Самая большая бальная зала княжеского дворца в тот день сияла, сверкала и искрилась от сотни ярких огней. Они отражались в светло-голубых каменных стенах, которые были покрыты специальным материалом. По составу он походил на твёрдое, очень крепкое и в тоже время тонкое, изящное стекло. Огни преломлялись под немыслимыми углами и сияли так ярко, что вверх долго смотреть было невозможно — начинали болеть глаза.

Мы украшали зал все вместе. Все девочки, с первого курса до последнего. Конечно, нам помогали слуги и специальные роботы. Но творческая составляющая лежала на наших хрупких плечах. Руководила всем этим ива Алексия, бывшая Княгиня Эквей. Бывшая, потому что этот титул вот уже 4 года носила Элизабет Бишоп — моя мама. Именно Алексия помогла нам найти золотую середину, не давая скатиться в безвкусицу.

На празднике было очень много цветов. Мама не пожадничала и позволила нам слегка разорить её княжескую оранжерею. Поэтому во всех углах, нишах и на каждом столике стояли вазы с букетами из натуральных цветов. Здесь были как земные цветы — белые розы, шикарные лилии, хрупкие тюльпаны, причудливые орхидеи и прочее, так и эквейские — синие марунты, белоснежные амарониусы, нежные петуллы и многое другое. Не знаю, как остальные, но я видела в этом знак соединения наших двух таких разных, но во многом схожих культур — земной и эквейской.

Обряд получения хиты — ежегодный Великий праздник для всех эквейтов, а не только для нас. Сотни гостей из высших правящих семей планеты, Княжеская чета, представители Альянса и мы, школьницы, которые стояли на пороге величайшего события в своей жизни.

На празднике также присутствовали родственники девушек с Земли, которые специально ради этого прилетели на Эквей. Всё это время я видела, как сучали девочки по родным, хотя и старались не показывать этого. И встреча с близкими спустя четыре года была самым лучшим подарком. Мне в этом плане легче, моя мама всегда была со мной. Хотя, признаться честно, иногда такая близость с родительницей нервировала и немного злила. Мне хотелось самостоятельности, а мама продолжала считать меня ребёнком.

Вчера были танцы, праздничный ужин, где Князь выступил с поздравительной речью, потом снова танцы. Как же я веселилась, сколько танцевала, кружась под высоким сводом бальной залы. И это чувство пьянящего ожидания нельзя просто ни с чем сравнить. Мою кровь будто наполнили сотней тысяч пузырьков, вроде тех, которые были в шампанском. Мне хотелось летать, петь и танцевать. Последним я и занималась, озаряя зал счастливым смехом и улыбками.

А потом после полуночи нас проводили к священному Озеру. Там четырнадцать девушек совершили омовение в благословенных водах, для того чтобы получить хиту и теперь официально стать частью этой удивительной планеты.

Я стремилась к этому столько лет. Не только эти четыре года, что прожила на Эквей. Гораздо больше.

Трудно сказать, когда я впервые стала грезить этой планетой. Мне кажется, мечта всегда жила в моём сердце. Или, может, всё произошло в тот момент, когда, ещё будучи ребёнком, я увидела изображение красивейших подводных пейзажей на огромных

рекламных мониторах в сети? Не знаю. Даже если бы я захотела, то всё равно не смогла бы сказать точную дату и время столь великого события, как моя влюблённость в чужую, недоступную простым смертным планету.

Можно было сказать, что всё из-за моей матери, которой была уготована судьба прилететь на Эквей и стать женой Князя. Может и так. Но я любила эту планету и мечтала когда-нибудь стать её частью.

И вот теперь всё рухнуло в одно мгновение.

Мне бы заподозрить неладное сразу после видения, которое посетило меня во время купания. Мама и Алексия рассказывали нам про это. Но одно дело рассказать, а совсем другое увидеть.

Мне показалось, что я заснула или задремала. Вроде только плавала, наслаждалась тёплыми водами, которые нежно ласкали обнажённую кожу, а вот внезапно всё перед глазами поплыло, и я увидела два крыла.

Они были невероятно красивого лазоревого цвета и состояли лишь из одних витиеватых полупрозрачных узоров. Я уже протянула руку, чтобы коснуться их, как внезапно этот чудесный цвет начал тускнеть, становиться более серым, узоры исчезали, да и сами крылья уменьшались в размерах. Пока не превратились в небольшой блестящий значок на куртке или рубашке... И в следующее мгновение всё пропало.

Распахнув глаза и с трудом переводя дыхание, я схватилась за каменный выступ и попыталась привести эмоции в порядок.

Крылья, значки... Глупость какая. Покачав голов, решила, что это сказалось волнение, и не придала этому значение. Как оказалось, зря.

И вот оно, утро нового судного дня. Я вскочила с постели и, не дожидаясь прихода матери, стараясь не разбудить подруг, ринулась в небольшую гостиную, что соединяла три наших комнаты.

Взглянула в большое зеркало, которое висело на стене, и решила, что у меня начались галлюцинации или что вчерашнее переутомление и нервозность сказалось. А бокал игристого серебряного вина мог слегка затуманить мозг. Потому что этого цвета просто не могло быть на мне.

— Невозможно, — прошептала я, касаясь подушечками пальцев изысканной лазоревой вязи на щеке. — Это неправда. Нет...

Ничего не видя перед собой, вбежала в ванную комнату, закрыла дверь и дрожащими руками принялась стягивать с себя пижаму. Здесь тоже было зеркало, еще больше, чем в гостиной, и, застыв перед ним в одних трусиках, расширенными от ужаса глазами принялась рассматривать себя со всех сторон.

Что ж, теперь я отлично понимала маму, что четыре года назад оказалась в такой же ситуации. Теперь и моё тело сплошь покрывала лазоревая хита, что красиво подчёркивала каждый изгиб тела и выглядела как древняя роспись — гжель, кажется.

Повернувшись к зеркалу спиной, увидела на лопатках узоры, что приняли форму двух небольших крыльев, а на самом копчике был изображен какой-то листочек. Мне понадобилась пара минут, чтобы понять, на что это похоже — что-то вроде клевера или трилистника. Интересно получается: у Алексии была бабочка, у мамы колибри, а у меня клевер. И всё лазоревое. Вот только у них были кандидаты в мужья, а у меня...

Следующей мыслью было — надо всё смыть. Немедленно! Пока девчонки спят, и никто ничего не видел. Уж лучше я предстану перед Князем и остальными совсем без хиты, чем с

ЭТИМ...

Это же... невозможно, чудовищно и глупо.

Но стоило мне надеть пижаму и подойти к двери, как я услышала радостные вопли подруг, затем непонятный грохот. Девчонки выскочили из комнат и, судя по всему, скакали по дивану в гостиной, оглашая всё вокруг радостными криками, то и дело перебивая друг друга:

— Аметист! Золото, Аметист и Сапфир! — кричала Жаклин. — Я знала! Знала, что Лиан не зря привлёк моё внимание!!! Дааааа!

— Изумруд, бирюза и хризолит!!! — вторила ей Би. — Аааа!!! Смотри, какая красота!

— Ты видишь, какой цветок? Видишь? Он фиолетовый!!!!..

— А у меня хризолитовый и изумрудные камушки!!

— ... Как глаза Лиана!

— ... Они так переливаются на свету.

— Я до сих пор не верю! — выдохнула Жаклин. — Никто не верил, что афроамериканка сможет получить узор, а я получила. Получила!!!! И Лиан!!!!.. О, Лиан... Мне так не терпится показать ему хиту!!! И мама!!!!.. Надо срочно с ней поговорить!

Да, Жаклин или Жи-Жи как мы её звали, действительно была героиней, которая смогла побороть все предрассудки и завоевать сердце молодого эквейта Лиана, наследника Аметистов. Все мы видели, как он смотрит на неё, и появление соответствующего цвета в хите могло означать только одно: меньше чем через год всем нам гулять на их свадьбе. Подруга точно не будет ждать выпуска, проверять чувства и так далее.

— Ты молодец! А где Кэтти?

Надо же, кто про меня вспомнил?

Я рефлекторно отшатнулась от двери, прижимая ладони к пылающим щекам.

Что же делать? Что же делать? Бежать? Куда?

Прятаться? Нет, скрыться не получится. Мне придётся рассказать. Хотя бы девочкам. Они поймут и не предадут.

— Кэтти? Ты тут? — осторожный стук в дверь и взволнованный голос Би, от которого мне захотелось сесть на пол и разреветься. — С тобой всё нормально?

— Может быть, хита на неё как-то иначе повлияла? — шепотом спросила Жаклин, но я всё равно услышала.

В нашем роду по женской линии передавались определённого рода особенности. Мой дар был в проектировании сознания и способности слышать то, что происходит в другой комнате. Причём спонтанно. Несмотря на все старания Князя, который регулярно со мной занимался, добиться стабильности нам не удалось.

— Или ей плохо от счастья стало? Наверняка там есть жемчуг, я же говорила, что между ней и Финором искра пробежала. Не зря она так краснела, когда слышала его имя.

Финор. Наследник Жемчуга.

Веселый, обаятельный и интересный молодой эквейт с невероятно светлыми, но не безликими глазами. Наоборот, от взгляда его глаз цвета серого жемчуга у меня в груди что-то теплело, а на губах сама собой возникала глупая улыбка. С ним никогда не было скучно, и у нас оказалось так много общего. Этот молодой мужчина мне действительно нравился.

Не знаю, случайной была наша первая встреча или Финор специально ко мне подошёл на одном из балов, который был устроен в школе. Я допускала, что, стремясь упрочить положение, эквейт решил приударить за падчерицей самого Князя. Даже в связи со своими

подозрениями, относилась к нему более чем насторожено.

Сначала мы просто разговаривали. Темы были самые разные — от книг по философии до историй из жизни. Я рассказывала ему о Земле, он мне об Эквей.

А всего неделю назад Финор меня впервые поцеловал.

На что похож первый поцелуй для неопытной семнадцатилетней девушки? Сложно описать всю феерию чувств, что охватила меня в тот момент: это жар и теснение в груди, легкое головокружение и бешеный стук сердца, дрожь в пальцах, что сами по себе запугались в его светлой косе, и сладкое послевкусие на губах.

Нам не стоило это делать. Церемонии обретения хиты еще не было, и неизвестно, какой цвет я могла получить, но устоять мы не смогли.

— Наверное, я должен попросить прощения, — прошептал Финор, нежно проведя пальцами вдоль линии скул и не отрывая от меня взгляда своих невероятных глаз, которые в тот момент сверкали, словно тысячи звёзд.

— Наверное, — прошептала в ответ, с трудом сдерживаясь, чтобы не коснуться подушечками пальцев пылающих огнём губ.

— Но я не буду, — улыбнулся он. — Потому что ни о чём не жалею... Знаешь, я никогда ни о чём не просил Богиню, у меня всё было. Но теперь схожу в Храм и попрошу.

— И о чём?

Этот вопрос вырвался сам собой. Я не должна была его задавать, но не смогла удержаться. Очень уж хотелось услышать его ответ.

— О жемчужной хите на одной юной землянке, — тихо ответил эквейт и вновь потянулся к моим губам.

Тогда я действительно верила, что всё будет хорошо. Ведь чаще всего землянка получала хиту того цвета, которая принадлежит роду эквейта, что нравится ей. Как в случае с Жаклин и другими девочками, что были до нас.

Наша последняя встреча с Финором состоялась на том самом балу, как раз перед отправкой к озеру.

Мы танцевали наш последний танец, эквейт крепко прижимал меня к своему телу, и я улыбалась, как дурочка, совершенно не думая о последствиях. Я видела, как мама смотрела на нас и знала, что на следующий день вопросов избежать не удастся. Но и прятаться больше не имело смысла. Ведь со своим выбором я вроде как определилась и теперь ждала лишь божественного подтверждения.

— Всё будет хорошо, Кэтти. Я знаю, что мы встретились неслучайно... Ты так дорога мне, — шептал он, проводя ладонью по спине с поясницы вверх к лопаткам.

И я верила. Действительно верила, что всё так и будет.

А теперь всё это не имело никакого смысла. Его цвета на мне нет. На мне вообще никакого цвета нет, кроме лазоревоего.

Я нажала блокировку и заторможено смотрела, как медленно отъезжает в сторону дверь.

— Кэтти! А мы уже... — радостно воскликнула Би, и в следующее мгновение её улыбка поблекла, после чего она тихо закончила: — Стали волноваться.

Тишина.

Никто из нас не мог проронить ни звука. Они изучали лазоревую вязь на моей щеке, а я изучала выражение их лиц — шок, неверие, снова шок и растерянность. Что ж, я прекрасно их понимала. Сама испытывала примерно то же самое.

— А другие цвета? — в конце концов выдохнула Жи-Жи, отступая на шаг назад.

— Нет. Других цветов на мне нет. Только лазоревый, — тихо ответила я, обогнула их и прошла в сторону своей комнатки. — И я совершенно не знаю, что с этим делать.

Девчонки двинулись за мной. В тот момент я не знала, чего хочу больше — их общества или полного одиночества. В душе царил такой раздрай, что словами не описать.

— Будешь смывать её? — усаживаясь на пол, спросила Би, и откинула назад длинную рыжую косу.

Хита в зелёно-бирюзовом цвете очень шла ей, и даже веснушки, что всегда были на её кругленьком личике, немного поблекли.

— Не знаю, — честно призналась подруге. — Сначала хотела. А теперь даже не знаю. Вы же слышали, что Богиня очень не любит, когда идут против её воли.

— Еще бы знать, что эта воля означает, — вздохнула Жи-Жи, которая сразу же села рядом со мной и ободряюще взяла за руку.

— Надо сказать твоей маме, — вставила Би.

— И Князю. Вдруг у них тут еще какие-нибудь таинственные родственники есть?

— Кроме Алекса. Сколько ему сейчас? — Беатрис нахмурилась, пытаясь вспомнить, сколько лет старшему племяннику Князя.

— Четырнадцать... почти, — ответила я и схватилась за голову, что уже раскалывалась от боли. — Я совершенно ничего не понимаю. Что Богиня хотела сказать этим выбором? Безумие какое-то.

— Может, к ней воззвать, обратиться как-нибудь? — с сомнением произнесла Жаклин.

— Как? Пойти в Храм? И как мне сделать это незамеченной? Нам сейчас надо собираться и готовиться идти в тронный зал. Будет малая церемония представления.

— Беда, — вздохнула рыжуля. — Но ведь всему должно быть объяснение. И тогда всё обязательно разрешится. И у нас есть неделя до официального представления.

— И все будут жить долго и счастливо, — фыркнула подруга. — Несмотря на невероятную красоту, Эквей не сказка. Я не забыла, как на Кэтти покушались и чуть не убили.

— И не только меня, — вздохнула в ответ.

Да, воспоминания о том моменте до сих пор иногда снятся мне в кошмарах.

— При чём здесь хита и те покушения? Виновных же нашли и Кассандру отправили назад на Землю, — возразила Би.

— С Богиней всё так запутанно. Кто знает, что она имела в виду, награждая Кэтти этим цветом.

Я повалилась на кровать и накрыла лицо подушкой. Как же мне хотелось упасть на дно морское и спрятаться за каким-нибудь булыжником. Ведь всё было так хорошо, я училась, развивала свой дар, влюбилась в ослепительно-красивого эквейта — и вот она, неприятность.

Нельзя мне было расслабляться. Совсем нельзя.

— Может, стоит позвать Княгиню? — предложила Би.

— Нет, — глухо ответила я. — Пусть всё идёт своим чередом.

Через час мы все собрались в зале.

Если вчера был большой праздник — с танцами, экзотическим ужином, куда была приглашена большая часть знати Эквей, то сейчас всё было иначе. В небольшом зале собрались лишь члены княжеской семьи, все ученицы школы и их родители. Сейчас нам

требовалось выслушать речь Князя, показать цвет своей хиты и разойтись, чтобы провести с семьями целую неделю. По истечении которой должен был состояться большой бал для официального представления нас членам общества Эквей.

Наверное, со стороны могло показаться, что нас используют как племенной скот. Противники данной программы, которые ежегодно во время Отбора устраивали масштабные пикеты по всей Земле, так обычно нас и называют — племенной скот. Обидное прозвище, но мы уже не обращаем внимания. Всё равно это не совсем так. Да, нас пригласили на Эквей ради улучшения демографической ситуации на подводной планете. Влить новую кровь. Но никто никогда нас не принуждал и не загонял в брак сразу со школьной скамьи.

У нас была девушка, которая вышла замуж через пять лет после выпуска. Всё никак не могла определиться с выбором между двумя молодыми эквейтами. Сейчас, насколько я знала, она мама двух очаровательных карапузов и вполне счастлива. Но свой выбор она сделала сама, с кем захотела и когда захотела.

И вообще, что бы кто ни говорил, условия у нас были замечательные. После выпуска нам давалось несколько вакансий на выбор. Также нам предоставлялась небольшая служебная квартирка, где мы могли жить в своё удовольствие. Не жизнь, а сказка. Правда, мама уже неоднократно намекала на то, чтобы я рассмотрела вариант с проживанием во дворце.

Наша группа выпускниц собралась кучкой в центре зала. Девушки-сокурсницы смеялись, хохотали, а я старательно прятала лицо за волосами, отвечая невпопад на все вопросы. Жаклин и Беатрис не отходили от меня ни на шаг, помогая маскироваться. Наверное, со стороны это выглядело странно и глупо. Но мне хотелось продлить это ощущение безопасности. Я нутром чувствовала, что стоит им всем увидеть цвет моей хиты, как всё сразу изменится. Не ошиблась.

— Итак, поздравляю, — Князь поднялся со своего трона, что стоял на небольшой возвышенности. — Вы шли к этому долгих четыре года. Это был трудный путь. Вам пришлось оставить свой дом, планету и прилететь в чужой мир для того, чтобы учить чужой язык, культуру, правила и нормы. Но вы со всем справились. Мы гордимся вами и надеемся, что путь, который открылся перед каждой из вас, будет легким, интересным и очень счастливым.

Я вышла к Князю последней, когда остальные уже успели покрасоваться и получить свою долю комплиментов.

— Кэтти! — ахнула мама, поднимаясь со своего трона и делая шаг в мою сторону.

Дальше она не продвинулась, лишь прижала руку ко рту и недоверчиво покачала головой. В её голубых глазах я отчётливо видела страх. Князь никогда особо мимикой не отличался. Вот и теперь лишь нахмурился, слегка склонил голову набок и впился взглядом в лазоревую вязь на щеке. Обычно холодное и бесстрастное выражение на его лице сменилось удивлением и недоверием. Словно Правитель не мог поверить собственным глазам.

О, я бы много отдала, чтобы узнать, что за мысли были в его голове в тот момент. Жаль, что так далеко мои способности не распространялись.

— Ха, — нарушил тишину Алекс. Подросток несколько напряженно хмыкнул со своего места, нервно поправил жилетку, и только потом произнёс. — Я польщён, но мне ещё рано вступать в брак.

Наверное, он хотел разрядить обстановку, пошутить.

Не получилось. Все ещё больше нахмурились и посмотрели на меня так, словно я

собиралась заняться растлением малолетнего мальчика прямо здесь и сейчас.

Больно, обидно, и в глазах защипало так сильно, словно туда насыпали песка. С трудом мне удалось проглотить противный ком в горле, прогнать подступающие слёзы и еще больше выпрямиться. К черту их всех вместе взятых, я не собиралась реветь и жаловаться на судьбу.

В тот момент я ждала лишь ответа от Князя. Этот эквейт просто обязан был знать, что всё это значит. Он же Князь, правитель целой планеты. Но отчим молчал, погрузившись в собственные мысли, и ни на что не реагировал.

Я кожей чувствовала все взгляды, что были устремлены на меня, слышала, как тихо шушукались девочки за спиной. Это было отвратительное ощущение. Словно я совершила что-то мерзкое и неприятное и теперь ждала неминуемого наказания.

Но ведь всё было совсем не так! Я ничего не делала и совершенно не хотела этого цвета! Почему они не понимали таких простых вещей, почему осуждали? Обиды не было, наоборот, появились злость и отчаянье.

— Хм, — в конце концов произнёс Князь. — Всех еще раз поздравляю с приобретением хиты. Вчера был очень насыщенный день. Думаю, вам стоит вернуться в свои комнаты и как следует отдохнуть со своими близкими и родными.

Я всё ждала, что он остановит меня, попросит остаться, но ничего этого не произошло. Словно и он отказался от меня. Это было обидно и страшно. Ведь что может быть хуже неизвестности?

Оставалось только одно: запереться в своей комнате и предаться самобичеванию или просто начать жалеть себя. Выходить в город в таком виде я не могла, поэтому другого выхода не видела.

Ко мне пытались пробиться мама, девочки, но я никого не хотела видеть. Правда, подружки, занятые общением с родственниками практически всё время проводили вне комнаты. Но когда возвращались, стучались и пытались вызвать на разговор.

Еще мне постоянно звонил Финор. Планшет разрывался от его звонков и сообщений. Ровно до тех пор, пока я его не отключила. У меня так и не хватило сил ответить эквейту и признаться во всём. Может быть, это трусость, но я не смогла.

Рассказать о том, что все наши мечты и надежды рухнули. Что великая Богиня решила по-другому... Причинить ему боль, что сжигала и сжирала меня саму изнутри. Нет, к этому я не была готова.

Кстати, эта интриганка так и не появилась. Может, я её плохо звала — не знаю. Но эта божественная дамочка отказалась внять моим мольбам и явить свой сиятельный лик скромной земной девушке.

— Кэтти! Кэтти! — неожиданно громко воскликнула Би и забарабанила в дверь. — Кэтти! Ты слышишь меня?

«Ну что еще?»

— Говорят, Александр Переславцев вернулся.

От неожиданности я чуть с кровати не свалилась и быстро спросила, забыв, что в данный момент ни с кем не разговариваю:

— Что?

— Брат ивы Алексии вернулся.

Я хорошо помнила этого мужчину, хотя с момента нашей последней встречи прошло уже более трёх лет. Не только потому что он был братом бывшей Княгини и мы часто пересекались, а потому что господин Переславцев и моя мама когда-то встречались. Еще до

того, как она поняла, что любит Князя и хочет стать его женой. И до того, как получила лазоревую хиту.

Так вот, они вроде как встречались. Не знаю, как далеко продвинулись их отношения, но он был симпатичным и выгодно отличался от светловолосых и светлокожих эквейтов. Высокий, смуглый с короткими русыми волосами и смеющимися тёмно-кариими глазами. Потом он решил попытать счастье в космосе, улетел и пропал.

А теперь случилось невероятное: когда остальные перестали надеяться, Александр вернулся. И это была та самая причина, чтобы выбраться из своей клетки и выйти в свет.

Глава 2. Дань Богине

Наверное, именно это и требовалось мне сейчас — переключиться с одной проблемы на другую. Переакцентировать внимание для того, чтобы после взглянуть на всё с иной стороны. Может, в этом случае я смогу найти правильное решение?

— Откуда знаешь? — распахнув дверь, спросила у подруги.

— По новостям сообщили, и столица гудит, — ответила та, внимательно меня осмотрев, словно пыталась найти признаки суицида. — Его же все так любили и искренне переживали. Когда он пропал.

— А мама где?

— Говорят, они полетели в порт... По новостям сказали, что Александр ранен, — уже совсем тихо закончила она.

— Ранен? Серьёзно?

— Это всего лишь слухи. Чудо, что он вообще вернулся спустя столько лет. Уже и верить перестали.

— Главное, что он жив, — кивнула я.

Выйти из комнаты, что стала моим временным убежищем, было несложно. Нет, самым трудным оказалось спрятать хиту. Может, то и не имело никакого смысла, и все в школе давно знали о её цвете. Но мне предстояло идти во дворец, а там могли и не знать.

Маме в этом плане было легче. Её хита располагалась на теле и отлично скрывалась под одеждой. Водолазка и длинная юбка помогли, но узор на щеке никуда не делся.

Подойдя к зеркалу, я в который раз впилась взглядом в лазоревую вязь, что начиналась на виске и, плавно увеличиваясь, занимала почти всю щеку. Мне вдруг показалось, что её линии заскользили и сложились в каком-то определённом порядке... Словно это был знак или печать.

Тряхнув головой, отступила назад, прижимая ладонь к пылающей щеке.

Чего только не привидится от долгого сидения в четырёх стенах.

Надо было вернуться к более насущным проблемам: как спрятать эту вязь? Маску я носить не могла. Поэтому оставалось только одно — распустила волосы и расчесала их так, чтобы они закрыли всю левую сторону лица.

— Что скажешь? — я повернулась к Би, которая всё еще оставалась в гостиной для моральной поддержки и любой другой помощи.

— Непривычно, — улыбнулась подруга — Ты обычно волосы убираешь в хвост и очень редко распускаешь.

— Потому что они мешаются, — тяжело вздохнув, ответила ей и вновь взглянула на себя в зеркало. — Всё время лезут в глаза. А еще из-за высокой влажности пушатся, делая меня похожей на взбесившийся одуванчик.

Да, отражение было непривычным. Но ничего страшного и отталкивающего я не увидела. Главное, что узор спрятан. Просто темноволосая голубоглазая девушка со светлой кожей и слегка припухлыми губами.

Признаться честно, я была немного недовольна своей фигурой. Роста я среднего, а на фоне высоченных эквейтов вообще выглядела коротышкой. При этом у меня очень... хм, аппетитная фигура, что на Земле называется песочные часы. Большая грудь, которую сейчас очень чётко подчеркивала стрейчевая ткань водолазки, тоненькая талия и округлые бёдра.

Девчонки называли меня статуэткой, а я не знала, куда себя деть от внимания. Особенно раздражала грудь... И куда она так выросла? Меня не покидало ощущение, что при разговоре со мной все особи мужского пола косятся именно на неё, и это совершенно не прибавляло уверенности.

— Может, жакет надеть? — с сомнением произнесла я.

— Там плюс 25 по Цельсию, не меньше. Какой жакет? И так в водолажке запаришься.

— Чувствую себя коровой.

— По-моему, всего пару минут назад тебя волновала хита, и как её спрятать, а не кое-что другое, — фыркнула подруга.

— Ты права, — вздохнула я, поправляя волосы, что щекотали чувствительную кожу лица и нос. Того и гляди, не выдержу и чихну. — Давно они уехали в порт?

— По идее, должны уже скоро вернуться.

— Значит, скорее всего, сразу отправятся в медицинский блок.

После случая, произошедшего четыре года назад, я ненавидела эту часть дворца. Там всё напоминало о том, что когда-то я как никогда была близка к смерти. И если бы не Князь, нас с мамой сейчас бы не было. А с другой стороны, если бы Князь не флиртовал со студентками, на нас бы, может, и не покушались.

Будучи тринадцатилетним подростком, я была уверена в своей неуязвимости. В том, что со мной никогда ничего не случится, а опасность и смерть — это что-то далекое и эфемерное. Но когда одна из выпускниц под воздействием гипноза похитила меня и попыталась убить нас с мамой, использовав сильнодействующий ядовитый газ, мои жизненные позиции резко поменялись. Трудно быть невинной девочкой после того, как взглянула в лицо смерти.

Мама пыталась уговорить меня пообщаться с психологом, разобраться с проблемами, которые возникли, и прочее. Но я отказалась. Мне совершенно не улыбалось позволить какому-то чужаку копаться в моей голове, выискивая в ней тайные знаки. В такие моменты я чувствовала себя лягушкой, что препарировали на столе.

— Пойти с тобой? — предложила рыжуля, вставая с дивана.

— Нет, спасибо. Тебя родные заждались. Лучше проведи это время с ними.

— Ты уверена?

— Конечно. Я сама отлично доберусь до медблока.

Сначала мне везло. На нашем этаже никого не было. Девочки ушли с родственниками в город развлекаться и отдыхать. Поэтому я могла нормально и совершенно спокойно выйти, не привлекая к себе лишнего внимания.

Но удача длилась недолго.

Когда я была на середине лестницы, мне навстречу поднимались две первокурсницы. Сбежать всё равно бы не получилось, да и выглядело бы это глупо. Поэтому единственное, что мне оставалось, это поправить челку и с независимым видом продолжить спуск.

— Привет, — первой со мной поздоровалась кареглазая Альбина.

— Здравствуй, — промямлила вслед за ней сублильная и высокая Марго.

Девушка слегка покраснела и поспешно отвела взгляд.

— Доброе утро, — не сбавляя скорости, произнесла я и бегло улыбнулась.

И мы разошлись, спеша каждый по своим делам.

«Всё будет хорошо, всё будет хорошо», — мысленно повторяла я себе, из последних сил сдерживаясь, чтобы не побежать.

Мне просто надо научиться жить с этим.

Дар сработал на последних ступенях лестницы. Единственное, что я успела сделать, прежде чем меня накрыло — это ухватиться за перила и глубоко дышать, чтобы не грохнуть в обморок. Привычно загудела голова, и слегка заложило уши.

— Бедная, тяжело ей, наверное, — услышала я тихий голос Марго.

— Преувеличиваешь. Всем бы так везло, как ей.

— Ты просто сама влюблена в Алекса. Но представь, каково ей.

Вот оно что. Что ж, Альбину можно понять. Наследник был симпатичным парнем и когда-нибудь вырастет в красивого мужчину, что разобьёт еще не одно женское сердце.

— А ты будто нет, — буркнула Альбина. — Он же такой хорошенький. А то, что младше её на пару лет, так это ерунда.

— Глупая, не Алекс ей предназначен, — горестно вздохнула Марго. — Мама говорит, что это Князь.

— Что Князь?

Я сама чуть не произнесла этот вопрос в слух. При чём тут Князь и моя хита? Что здесь общего, ну, кроме цвета?

— Ну что тут непонятного, — продолжала девчонка. — Княгиня оказалась неспособной произвести ему на свет нормального наследника. Она дочь едва смогла выносить. А он Князь, значит, ему нужен сын. Вот Богиня и решила заменить мать на дочь. Кэтти молодая, красивая, думаю, сына они с Князем быстро сделают.

На фантазию я никогда не жаловалась. Перед глазами тут же возникла чудовищная картина — я и Князь в его постели на шелковом покрывале... обнаженные. Сильные руки на моём теле, которые сжимают, гладят, ласкают каждую клеточку тела. Его губы, которые до боли сминают мои.

От увиденного затошнило так сильно, что мне пришлось буквально согнуться пополам, чтобы сдержать рвотные позывы и прижать ладонь ко рту.

«Нет... Нет! НЕТ!!!»

Да, не спорю, что когда-то, еще при прилёте, он мне нравился. Но сейчас...

Нет, уж лучше Алекс.

А голоса в голове всё не утихали, сводя с ума.

— Ох, бедная Княгиня. Отдать мужа собственной дочери... это так чудовищно, — вздохнула Альбина.

— Что поделаешь, политика... Ну сама подумай, это же очевидно. Других вариантов просто не может быть. Алекс слишком мал, близнецы еще меньше. Ив Дерион — отец трёх сыновей. Остаётся лишь Князь, а вот у него как раз с деторождением проблемы.

— Слушай, а может, ему будет позволено завести двух жён?

— Ты еще скажи, что они будут втроем спать в одной постели.

— Фу, Марго!

«О, Боже, — мысленно простонала я, плюхаясь на ступеньку и прижимая ко рту уже обе руки. — Хватит... пожалуйста... хватит... я не могу... остановите их кто-нибудь»

И, словно сжалившись, голоса стали стихать, оставив меня в одиночестве. Опустошенную, потрясённую и вздрагивающую от отвращения и шока.

— Этого не может быть, — зарываясь пальцами в волосы, прохрипела я. — Просто не может. Неправда. Это лишь бред малолетних интриганок.

Слёзы застили глаза, горячими дорожками сбегая вниз. Я уже ничего не видела перед

собой, трясущимися руками пыталась их стереть с лица. А они всё не кончались. Мысли набегали одна на другую, мешая сосредоточиться и понять, что же делать дальше.

А если это правда?

Может, поэтому Князь так смотрел на меня? Я же видела в его глазах жалость, обречённость и затаённый страх. Видела, но отказывалась поверить. Получается, он всё прекрасно понял, но не знал, как сказать?

А мама? Она знает, что я должна увести у неё любимого мужчину? Как же мне теперь смотреть ей в глаза? Как смотреть в глаза всем?... А Индин?

Как же мне хотелось сейчас закричать. Громко с надрывом, но не могла. Чёртовы правила, чёртова планета и Богиня!

По мере того, как начинала приходить в себя, включался мозг.

Неправда. Это всё неправда. Он не может развестись с мамой. Они прошли Обряд Воссоединения, а это навсегда... Эти дурочки ошибаются, и матери их тоже, все они ошибаются. Лишь бы языком чесать.

— Нет, — прошептала я сама себе. — Должно быть другое объяснение... обязано быть...

Вставать было тяжело — ноги подкашивались, голова кружилась, а любое неосторожное движение вызывало новый приступ тошноты.

Кое-как доковыляла до небольшой кушетки, что стояла у стены недалеко от лестницы, и с наслаждением вытянулась на ней, рассматривая потолок над головой.

— Ты попала, Кэтти. Как же ты попала, — прохрипела сама себе и принялась массировать виски. Это должно было помочь прийти в себя, восстановить кровообращение и успокоиться.

Самое главное, чтобы сейчас никто не пришёл. А то нового проблеска дара я просто не переживу.

Секунды складывались в минуты, время текло медленно, но в холле так никто и не появился. Тишина была оглушающей.

Передо мной встала дилемма: вернуться в комнату или продолжить путь в медблок? Но встречаться с мамой, а тем более с Князем, не хотелось. Пока ситуация не прояснилась, видеть Правителя я была немного не в состоянии. Не могла представить, как буду смотреть ему в глаза? Да и вряд ли я смогу дойти до медблока в таком состоянии. Так что единственное, что оставалось, это собрать остатки сил и вернуться в комнату.

Приняв вертикальное положение, некоторое время сидела, прислушиваясь к организму и рассматривая качающееся передо мной пространство. Да, меня еще никогда так не сшибало даром.

Но состояние стабилизировалось, и можно было возвращаться в своё убежище.

Но и тут везение вновь оставило меня. Стоило мне встать и сделать пару шагов в сторону лестницы, как сзади раздался крик:

— Кэтти? Кэтти, подожди!

Да что же это такое!!! Зачем я вообще вылезла из своей норы? Сидела бы и сидела. Нет, решила выйти. А теперь расхлёбывай.

Его сейчас я точно не была готова видеть.

— Кэтти!

Я прибавила шаг, но Финор был гораздо выше меня, следовательно, и шаг у него был шире. Поэтому догнать меня эквейту не составило особого труда, особенно если учесть, что

я еще толком не пришла в себя. Он схватил меня за плечо, разворачивая к себе, и быстро произнёс:

— Ты с самого обряда не отвечаешь на мои звонки. И от твоих подруг я не сумел ничего добиться... Не надо быть гением, чтобы понять, что моего цвета на хите нет, но... почему ты прячешься от меня? Ведь есть выход... я точно знаю. Мы еще можем всё изменить.

Я опустила голову, и вязь на щеке он увидеть не мог. Но так долго продолжаться просто не могло. Рано или поздно мне пришлось бы сказать Финору правду. И уж лучше сейчас.

Поэтому я подняла вверх лицо и откинула тёмные волосы с лица, предоставляя ему отличную возможность рассмотреть всё самому.

Молодой мужчина побелел, его светло-серые глаза широко распахнулись, и он быстро отпустил мою руку.

— Нет, этого просто не может быть, — прохрипел он и слегка покачал головой. — Это невозможно. Только не ты.

— Та-да-дам, — криво усмехнулась в ответ и развела руки в стороны. — Сюрприз! Она полностью лазоревая. Осталось только дожждаться, пока Алекс вырастет или близнецы. Хотя, как оказалось, если верить последним слухам, то мне всего лишь надо сместить мою мать с трона.

— Что? — нахмурился он.

А меня уже было не остановить. Вся накопленная горечь стремилась вырваться наружу. И может, если я разозлю его, если заставлю ненавидеть, ему будет легче меня забыть?

— А ты не слышал последние сплетни? Оказывается, что Богиня ошиблась, моя мама вышла не слишком хорошей Княгиней. Она не смогла подарить Князю сына, и поэтому мне стоит занять её место. Правда прелесть? — ядовито закончила я.

— Богиня никогда не ошибается, — пробормотал тот в ответ. — И этот знак... Удивительно, как Князю удалось договориться со Жрецами.

Вот теперь я совсем запуталась. И вид Финора стал совершенно безумным. Таким странным я его не видела никогда.

— При чём тут Жрецы?

Я помнила этих жутких лысых старцев с белыми глазами и отсутствующим взглядом. Один взгляд на которых вызывал панику и страх. Они словно в душу смотрели, подмечая каждую деталь.

— Ты не знаешь? Ах да, ты же землянка.

— Не знаю, чего? Подожди, ты сказал, что мы сможем всё изменить, — я вцепилась в его руку, заглядывая в глаза, и видела в них только боль. — Что есть шанс убрать хиту.

Мужчина закрыл на мгновение глаза, выдохнул, а потом тихо произнёс:

— Нет. Не в этом случае. Только не с этим знаком.

— Я не понимаю, каким знаком? — нахмурилась в ответ и слегка тряхнула головой.

— Лазоревый цвет еще не означает, что ты должна стать невестой кого-то из княжеского рода.

Вот это уже интересно.

— А что еще? Есть какая другая трактовка? Я могу пойти против воли Богини или нет?

— Ты теперь принадлежишь ей, — безжизненно ответил он.

Что-то мне совершенно не понравилось, как прозвучала эта фраза. И её смысл... Это ведь не могло быть то, что я подумала. Но тусклый взгляд Финора говорил о другом.

— В каком смысле? — уточнила у него, отпуская руку и отступая на шаг.

— Раз в пятьдесят-сто лет она отмечает одну из девушек специальным узором — меткой Богини... Это означает, что девушка теперь принадлежит ей и обязана в ближайшие дни уплыть в Дальние Пещеры.

— Что? — я недоверчиво покачала головой, делая еще один шаг. Словно была готова в любой момент броситься бежать. — Это неправда... Этого не может быть... Скажи, что ты ошибся...

— Знаешь, — тихо закончил Финор, — будь у тебя другие цвета и сложились всё иначе, я бы поборолся... попытался пойти против системы... целого мира. Но это... я не могу... И никто не сможет. Твоя отправка в Пещеры — лишь дело времени... Мне жаль, Кэтти. Мне так жаль.

Эквейт в последний раз жадно скользнул по мне взглядом, вздохнул и ушел, оставив меня безвольной статуей стоять посреди холла. Смысл еще не дошел до моего сознания. Я слышала, но не смогла осознать и до конца поверить в это.

Как в Пещеры? Какие Пещеры? И почему я? Неужели Богиня вытасила меня с Земли лишь для того, чтобы получить новую игрушку?

Как сомнамбула, ничего не видя перед собой, я поднялась по лестнице, вернулась в комнату и заперла дверь.

Мне надо было подумать. Но после всего произошедшего мозг совершенно отказывался реагировать и просто отключился. В голове друг за другом проносились обрывки слов, чужие лица... вся моя жизнь до этого судного дня. Я пыталась найти хоть какой-то намёк, подтверждающий слова Финора. Пыталась и не находила.

Всё теперь казалось бессмысленным. Весь мир стал серым, в одно мгновение утратив краски и желание жить дальше.

Зачем было идти на такие крайности и привозить меня сюда? Учить все эти годы... спасать. Только лишь для того, чтобы получить новую игрушку?

Друзья, муж, семья, дети... Если всё сказанное Финором правда, то у меня этого не будет. Уже ничего не будет.

Провести остаток жизни в одиночестве, развлекая Богиню. Умереть, так и не узнав, что такое настоящее женское счастье.

От страха и ужаса перехватило дыхание и закружилась голова. Мне не хватало воздуха. Казалось, еще чуть-чуть, еще немного — и я задохнусь. Воздух с хрипом вырывался из лёгких, а перед глазами уже начали мелькать разноцветные огоньки.

— Дыши, Кэтти, дыши, — внезапно произнёс мелодичный голос у меня за спиной.

Резко обернувшись, я увидела её.

— Вы? — ахнула я, недоверчиво глядя на сияющую красивую эквейтину с огромными лазоревыми глазами и длинными белоснежными волосами.

— Здравствуй, Кэтти.

Если она рассчитывала на радужный приём и слёзы восторга, то ошиблась. Даже во сне, когда я ее звала, моя злость никуда не пропадала, скорее, наоборот, с тех пор возросла в несколько раз. Я ведь ждала её, а она не пришла. А теперь...

— Что вам надо от меня? Пришли посмеяться? Или мне уже надо приступать к выполнению своих обязанностей?

— Ты зла, обижена. Я понимаю, это трудно принять, — улыбнулась она.

И эта ее улыбка — такая мягкая, такая ласковая — взбесила еще больше. Издевается? Строит из себя такую заботливую и любящую. Лицемерка!

— Так это правда? Я ваша игрушка. Привезённая с планеты Земля? — не желая больше играть в игры, спросила её. — Жалкий экзотический зверёк.

— Ты слишком критично настроена. Ты не игрушка, а очаровательная девушка.

«Комплименты рассыпала, а на вопрос так и не ответила. Как это на неё похоже».

— Которая должна остаток жизни провести, развлекая вас в Пещерах. Скажите, всё — мой приезд, обучение, покушение Кассандры — это всё было лишь для того, чтобы...

Я так и не смогла закончить фразу. Было больно. Так больно, что я не смогла дальше говорить из-за слёз, что подступили к горлу.

— Князь хочет договориться со Жрецами, чтобы оставить тебя и отменить мою волю, — продолжила Богиня как ни в чём не бывало, усаживаясь в кресло и расправляя складки воздушного платья.

Надежда яркой звездой вспыхнула внутри. Не может быть... Неужели ещё не всё потеряно... И у меня есть шанс на нормальную жизнь?

— А вы что думаете по этому поводу?

— Он может договориться... Князь умный мальчик. Но вот только он не знает, что я потребую взамен. Кого заберу вместо тебя.

Я ведь знала, что так просто это не может закончиться. У неё никогда не может быть просто, всё с каким-нибудь вывертом. А в следующее мгновение до меня дошла конечная фраза. Заберёт вместо меня? Но кого?

— И кого вы потребуете? — пересохшими губами прошептала я.

— Индин, — мило улыбнулась она.

А мне казалось, что хуже быть не может.

И вновь ошиблась.

Может, ещё как может.

Маленькое светловолосое чудо с огромными лазоревыми глазами, которые с восторгом смотрели на все вокруг. Крохотный деспот, который строил всех во дворце, даже своего венценосного отца. Любимая сестра, которая только начинает свой путь.

— Она же ещё совсем ребёнок.

— Да, но когда-нибудь Индин вырастет. Это для вас время течет долго, для меня же оно протекает быстро, сменяются люди, поколения. Я дождусь её взросления. Твоя сестра станет истинной наследницей своего отца и с радостью займёт место подле меня.

— Нет, — прошептала я и покачала головой. — Вы не можете.

— Могу.

— Но это... это подло.

Снова этот издевательский смех, от которого кровь стыла в жилах.

— Подлость? Что есть подлость, Кэтти? Вы, люди, такие смешные... Эквейты в этом плане другие. Они понимают мою волю и принимают её как дар. Вам же обязательно надо воспротивиться, показать свою независимость. И что в итоге? Вы поступаете, как я и говорила, только перед этим изрядно помучаетесь и пострадаете... Иногда мне кажется, что вам нравится страдать.

В последних словах проскользнула издёвка.

— У всех должна быть свобода выбора.

— Как у твоей матери? — усмеялась Богиня. — Много лет назад Элизабет пошла против моей воли. Продала билет, который я ей вручила, осталась жить на Земле. А ведь поступи она, как было предначертано, всё могло сложиться по-другому. У них с Князем

родился бы сын, Альянс не достиг бы таких высот, и покушения на тебя бы не было.

— Вы не можете этого знать.

— Могу. Будущее изменчиво, Кэтти, и полностью зависит от вашего выбора. Я лишь могу указать путь, а решение принимаете вы. Но я могу видеть варианты развития события. И знаю, что будет, если ты откажешься выполнить мою волю. Да, я позволю Жрецам и Князю всё изменить и оставить тебя здесь. Что ты там хотела? Жемчужный цвет в хите? Тебе так понравился Финор. Ты ему, кстати, тоже не безразлична. У вас будут дети, очаровательные малыши. Всё, как ты мечтала, — от её улыбки у меня внутри всё сжалось от страха, уж слишком она напоминала хищный оскал. — Но ты будешь каждую секунду помнить о том, что проживаешь чужую судьбу. Судьбу, которую отняла у своей младшей сестры.

— Хватит! Не надо, — взмолилась я, а слёзы вновь побежали по щекам.

— Но ведь это правда, Кэтти. А от правды не стоит отворачиваться. Принимай решение, моя дорогая. Ведь именно от тебя зависят сейчас столько жизней. Ответ передашь в Храме завтра вечером.

И исчезла, осыпавшись сотней тысяч блесков.

Разрыдавшись, я упала на кровать, утыкаясь лицом в подушку и сотрясаясь всем телом.

Сейчас я как никогда отчётливо осознавала, что моя жизнь кончена.

Глава 3. Разговоры по душам

Итак, мы начали с того, на чём закончили пару часов назад.

Я снова одна в своей комнате предаюсь тоскливым размышлениям о смысле жизни. За единственным исключением: раньше у меня была хоть какая-то надежда на благополучный исход. Сейчас надежды не было. Ничего не было. Но положенного смирения я не ощущала. Что-то внутри меня продолжало упираться руками и ногами, отказываясь принять и осознать действительность.

Может, Богиня права — всему виной врождённое упрямство, свойственное всем землянкам? Индин землянка наполовину — будет ли она упираться, когда Богиня придёт за ней... вместо меня?

Не будет. Воспитание-то у неё другое. А вот отдаст ли Князь единственного ребёнка...

— Эквей — это маленький рай. Поскорее прилетай! — писклявым голосом пропела я рекламный слоган и уже нормальным закончила: — Вранье! Прилетай, и тебя ждут неприятности, завистники, убийцы, предатели и чокнутая Богиня, стремящаяся заполучить тебя в лучшие подружки! Ха! Своих дурочек ей мало... Чертова божественная шантажистка. А еще говорят, что Богам не свойственны человеческие слабости. Безбожно врут!

— Кэтти!!! — раздался вопль, дверь распахнулась сама собой, а на пороге появилась Княгиня.

И вид у неё был такой воинственно-решительный, словно она готовилась к какому-то важному сражению.

— Мама? — растерянно пробормотала я, прижимая руку к груди.

Сердце билось как ошалелое. Казалось, еще чуть-чуть — и оно выпрыгнет из груди.

Я же точно помню, что закрыла дверь, в сложившихся обстоятельствах я просто не могла оставить её открытой. Тогда как?... Она что, всегда могла войти? Но почему не входила?

«Потому что понимала, что мне надо побыть одной», — подсказало собственное сознание.

Следующей мыслью было — она всё знает.

И что мне теперь делать? Как быть? Я сама еще не разобралась в произошедшем и к разговору с ней совершенно не готова.

— Ты прости, милая, — произнесла тем временем мама, входя внутрь и закрывая за собой дверь на замок. — Но я так больше не могу. Я дала тебе достаточно времени, чтобы побыть одной.

— Что?

В следующее мгновение она села на кровать рядом со мной и неожиданно крепко обняла, после чего жалобно всхлипнула:

— Маленькая моя... девочка, — мама гладила меня по волосам и сбивчиво шептала. — Всё будет хорошо... Слышишь? У тебя есть я, есть Князь и Индин... А Шан обещал, что всё уладит... Он, правда, ничего мне толком не говорит. Опять всё скрывает... Знает ведь, что через его блок мне не пробраться... Чертов ментал. Надо было подойти к тебе сразу после церемонии, но он не дал... И вообще велел мне тебя не беспокоить... Пока сам не разберется... Узнает, что не послушалась, ругаться будет... Ну и пусть. Я просто больше не могла ждать. Ох, Кэтти... Сколько же времени я провела у этих дверей... пыталась хоть

чуть-чуть оттянуть твою боль. Совсем немного... Это ведь так сложно — вовремя остановиться. Есть риск утянуть что-то лишнее... Девочка моя, я так хотела, чтобы ты была счастлива. Чтобы горе и беда обошли тебя стороной... Я ведь всё чувствовала... Твою злость, отчаянье... И понимала, что меня ты видеть не захочешь... Ты же у нас такая гордая... Но я не злюсь, правда... Но и стоять в стороне больше не могла. Тебе же сейчас так плохо...

— Мамочка, — прошептала я и неожиданно разревелась. — Мама...

— Кэтти... Всё будет хорошо, слышишь? Я не знаю, что задумала эта Богиня, но я не дам тебя в обиду и никому не позволю...

Как же мне хотелось ей рассказать обо всём, поделиться. Но не могла.

Не зря Князь запретил ей общаться со мной. Хотел отгородить от тревог и забот, боялся, что мама каким-то образом узнает о планах Богини. Наверное, он собирался рассказать ей позже, когда решит вопрос со Жрецами и опасность минует.

Внезапно она выпрямилась. Ладонями стёрла слёзы с моего лица и всмотрелась в глаза.

— Ты боишься, — прошептала мама.

И в этот момент я увидела, как слегка расширились её зрачки.

— Страх, — продолжила она. — Ты очень сильно боишься... Я не понимаю... Кэтти, что-то случилось? Раньше такого не было...

— Ничего, — прохрипела в ответ и замотала головой. — Ничего... просто эта скрытность меня немного нервирует, вот и надумала всяких глупостей... Ты знаешь, какая у меня богатая фантазия.

— Да, — с сомнением ответила мама и еще больше нахмурилась. — Но ты ведь знаешь, что всегда можешь мне всё рассказать.

— Знаю, — улыбнулась сквозь слёзы и быстро увела разговор в сторону. — Мам... я так тебя люблю. Очень-очень.

— И я тебя люблю, милая. Ты моя принцесса... Стала такая большая, красивая. И я увидела твоего эквейта, — неожиданно хитро улыбнулась она. — Он ведь из Жемчуга, не так ли?

— Уже успела узнать, — понимающе хмыкнула в ответ.

Странно, но воспоминания о Финоре сейчас не приносили боли. Наоборот, я была даже рада поговорить о нём, рассказать о тех чувствах, что испытывала.

— Конечно. Должна же я знать, кто привлёк внимание моей старшей девочки и претендует на роль моего зятя... Ты прости, но я знаю о нём с вашей первой встречи. Милая, ты так старалась скрыть, что я... я не рискнула рассказать тебе о том, что всё знаю. Но после бала я поняла, что ты влюблена.

— Мам, мы просто танцевали.

— Я увидела, как вы смотрели друг другу в глаза. Это был не просто танец. Не хочешь мне о нём рассказать?

Еще два-три дня назад я бы сказала твёрдое «нет».

Но не сейчас.

А вдруг эта наш последний разговор по душам?

— Хочу, — улыбнулась я. — Очень хочу.

— Правда? Ты не будешь шуметь, закатывать глаза и тяжело вздыхать? Неужели моя девочка выросла? — притворно ахнула она, а голубые глаза словно светились изнутри.

Раньше я никогда не видела маму такой счастливой. Только здесь, на Эквей, она по-настоящему ожила. Её глаза сияли ярким светом, с губ не сходила улыбка. Мама любила, и

Князь любил её. Иногда я случайно перехватывала их взгляды, обращенные друг на друга. Да, ради такого стоило пройти все испытания. А крошка Индин стала венцом их брака, маленьким комочком счастья...

Я просто не могла отнять её у них.

Мы долго с ней проговорили. Сначала у меня в комнате, потом я согласилась выйти погулять и не заметила, как добрались до дворца. Там-то и я вспомнила об Александре.

— Мам, а как ив Переславцев себя чувствует?

— Саша? — вздохнув, она отвела взгляд. — Не очень хорошо. Я бы даже сказала, что совсем плохо. Кэтти, его невозможно узнать. Если бы мы не были уверены, что это он, то... Словно это не Александр, а его страшная копия.

— Он ранен? — сердце ойкнуло от жалости.

Несмотря на то, что близко знакомы мы не были, этот мужчина мне нравился. Переславцев всегда шутил, поднимал девушкам настроение и улыбался.

— Ранен... Но не физически, хотя шрамы на теле у него имеются. Очень много шрамов... Александр разбит эмоционально. Его глаза... Ты же помнишь, какой он был, Кэтти. Весёлый, озорной, вечно улыбающийся и довольный жизнью. А теперь его глаза мертвы. Он словно не хочет жить, и сделать мы ничего не можем. Шан сканировал его сознание, пытался... Не знаю, что Князь там увидел, он мне не сказал... Но это просто страшно.

— Как ива Алексия?

— Плачет. Не знает, как сказать родителям... Саша вообще отказался с ними встречаться. Сказал, что это бессмысленная трата времени.

— Неужели ничего нельзя сделать? Ведь он же как-то вернулся, добрался сюда. Это что-то должно значить.

— Вернулся... Но это уже не наш Александр... Кэтти, — мама взяла меня за руку и слегка потянула в сторону входа. — Индин так по тебе соскучилась. Всё время спрашивает: где Кити?

Я не смогла сдержать улыбки, услышав знакомое обращение. Так меня называла только она. Маленькая крошка, солнечное чудо, любимая сестра.

— Я тоже скучала. Но... — видеть её я сейчас была не готова. — Давай в следующий раз.

— Никаких «но». Не вынуждай её сбегать к тебе. А она может.

— Мам, ей всего год, — рассмеялась я.

— Иногда мне кажется, что больше. Знаешь, мне уже жалко её мужа, — вздохнув, добавила Княгиня и лукаво подмигнула мне.

— Тебе вдвойне надо его жалеть, потому как ему прежде надо пережить встречу с Князем.

Мама тихо рассмеялась:

— Да. Это будет весело. Шана уже сейчас трести начинает при мысли, что к его девочке кто-то может протянуть свои загребущие ручонки.

— Наверное, это удел всех пап.

Мысль пришла о собственном отце, которого я никогда не видела. Но так же, как пришла, она быстро ушла. Ведь не зря говорят, что не тот отец, кто родил, а тот, кто воспитал. А мамочка мне была и за маму, и за папу.

— Открою тебе маленький секрет. Только ты никому, хорошо? — она приобняла меня

за плечи и наклонилась к уху. — Шан тоже видел, как ты танцевала с Финором.

— И что?

— Князь собирался... собирается, когда всё закончится... Твой отчим проведёт беседу с этим молодым человеком. Очень длительную беседу.

Я на мгновение закрыла глаза, чтобы проглотить ком, подступающий к горлу.

— Это не обязательно, — прошептала едва слышно.

Господи, почему они такие?

— Еще как обязательно. Ты тоже ему очень дорога. И отдавать кому попало свою старшую дочь Князь не собирается.

— Но я не его дочь.

Мама вздохнула:

— Знаешь, Кэтти. То, что вы не называете друг друга папа и доча, еще не значит, что не испытываете чувств. Поверь, я знаю, о чём говорю. И сейчас Шан разбирается со Жрецами не ради меня. А ради тебя.

— Спасибо.

— Мы же семья, милая.

Я всё-таки поддалась на уговоры мамы и пошла в детскую.

Индин встретила меня громко. Сестрёнка запищала, залопотала — Кити, Кити — притопала ко мне, забралась на ручки и обмазала слюнями, печеньем и пюре.

Прижимая к себе её крохотное тельце, заглядывая в лазоревые глазки и глядя золотистые волосики, я всё больше понимала, что сделала правильный выбор.

Я не могла позволить отнять у этой малышки её жизнь. Просто не могла.

— Кити, — хихикала она, обхватывая меня за шею. — Я тялю.

— И я тебя люблю, — прошептала в ответ. — Пообещай, что будешь хорошей девочкой. А я буду за тобой присматривать. Надеюсь, она мне позволит... И хоть иногда вспоминай обо мне. Хорошо?

— Дя...качь — качь.

— Ты хочешь кататься? — улыбнулась я и встала на корточки, позволяя малышке залезть себе на плечи.

После Индин раскрутила меня на сказку, потом на игру, затем снова на сказку.

Мы бегали, играли, валялись на мягком крове, и малышка так устала, что уснула прямо на полу.

— Пойду, отнесу её, — мама аккуратно подняла сестренку с пола и понесла в спальню.

— Мам, я зайду к Князю?

Она застыла в дверях и недоуменно нахмурилась.

— Конечно, он должен быть в своём кабинете.

— Спасибо.

Ноги сами принесли меня к знакомой деревянной двери.

— Ваше высочество, — я слегка склонила голову, приветствуя правителя Эквей.

Несмотря на то, что он фактически являлся моим отчимом и отцом моей сестры, обращаться к Князю как-то иначе я не могла. Для меня он навсегда остался неприступным высшим эквейтом, властителем чужих судеб, и обращаться к нему «папа» было неправильно. Мне казалось это кощунственным.

Слава Богу, мама в наши отношения не влезала и с просьбами подобного рода не обращалась.

— Кэтти? — он встал из-за стола и нахмурился. — Ты почему здесь? Что-то случилось?

— Ничего особенного. Просто мне надо с вами поговорить, — я нерешительно потопталась у двери, не зная, что делать дальше. И стоит ли мне вообще затевать весь этот разговор. — Я могу войти?

— Да, конечно.

Я аккуратно прикрыла дверь и, не поднимая головы, шагнула к столу.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Это я уже понял. Присаживайся, — после пары секунд тягостного молчания произнёс он.

Кресло было большим, мягким и почему-то неудобным. Или дело не в нём, а во мне. Я так нервничала, что не знала, куда себя деть.

— Я знаю, что означает знак на моей щеке, — без всяких предисловий произнесла и рискнула поднять взгляд.

Князь смотрел прямо в упор. На его совершенном лице не дрогнул ни один мускул, только в лазоревых глазах мелькнуло сожаление.

— Богиня. Я знал, что она стоять в стороне не будет.

— И она тоже. Так это правда?

— Да, — откидываясь на спинку кресла, произнёс эквейт. — Это правда. Иногда Богиня ставит свою отметку на эквейтине... Редко, но ставит. Особый знак принадлежности к ней.

— И эта девушка должна последовать в Пещеры, — понимающе закончила я.

— Ты не эквейтина, Кэтти... И данное обстоятельство сейчас только нам на руку. Не переживай, я сделаю всё возможное для того, чтобы этого не случилось. Мне почти удалось договориться со Жрецами...

— Какой ценой, — пробормотала в ответ.

Значит, и тут не солгала. Князь действительно пытался решить проблему.

— Это неважно. Ты не должна жертвовать всем. И ты землянка. Значит, на тебя её прихоти не распространяются. И Жрецы это понимают. Уверен, они пойдут мне навстречу, и сегодня-завтра я получу ответ. До праздника представления времени еще очень много.

Он всё-таки заботится обо мне. Может быть, только ради мамы, но всё равно заботится. А для меня это так много значило. Своего биологического отца я никогда не знала, мама со своими прошлыми ухажёрами меня не знакомила, так что Князь являлся, по сути, единственным мужчиной на эту роль.

И чем больше я его узнавала, тем больше он мне нравился. Уверена, эквейт сможет помочь маме перенести боль утраты.

— Она заберёт Индин, — обреченно ответила Князю. — Обменяет её на меня.

Эквейт изменился в лице — побледнел, в лазоревых глазах вспыхнуло пламя и тут же погасло. Я успела разглядеть — неверие, принятие, боль и злость. Князь терпеть не мог, когда им помыкают, даже Богиня.

— Этому не бывать, — резко и чётко проговорил он. — Я не позволю.

— Индин — эквейтина, принцесса. Разве дочь Князя может пойти против воли Богини? Что скажут её подданные? Вы же понимаете, что она будет вынуждена уплыть в Дальние Пещеры. Думаю, лет через пятнадцать Индин воспримет это как высшую честь. Ведь находиться подле Богини — это очень почётно, не так ли?

— Кэтти, это ничего не значит...

— Я не хочу, чтобы вы выбирали между нами, — перебила его, до боли цепляясь

пальцами за подлокотники. — Ни вы, ни мама... Это слишком жестоко и больно. И не хочу жить, зная, какой ценой получила это право на счастье. Я не могу лишить сестру всего. Это неправильно.

Я говорила спокойно и уверенно, но слезинка всё равно медленно скатилась по щеке, а за ней другая, третья... У меня так и не получилось их контролировать. Но стыдно не было. Сейчас с Князем мы как никогда хорошо понимали друг друга.

— Не надо никаких переговоров. Я поплыву в Пещеры как можно скорее. Как того требует долг... Это моё решение.

— Кэтти..., - попытался возразить Правитель.

— Вы только маме пока не говорите, хорошо? Ей нельзя волноваться... Я сама ей расскажу... Перед отъездом... Индин заслуживает счастья... Вы же будете рассказывать ей обо мне?

— Конечно, — кивнул, а в лазоревых глазах была такая жалость, что я, не удержавшись, громко всхлипнула.

— Спасибо. Берегите их с мамой.

— Ты еще можешь передумать.

Я в ответ лишь покачала головой и улыбнулась:

— Вы же знаете, что это невозможно... Но спасибо. Я пойду. Попробую лечь спать.

* * *

В палате было тихо и темно. Лишь в дальнем углу горел ночник, но его свет был столь тусклым и невыразительным, что почти ничего не освещал. Князь замер в дверном проёме, пытаясь привыкнуть к освещению и стараясь хоть что-то разглядеть. Свет из коридора бил ему в спину, и в палате стало чуть светлее.

Кровать была пуста. На мгновение его сердце охватила тревога. Но пациента он почти сразу нашёл у окна.

Мужчина сидел на широком подоконнике, опираясь спиной о раму, и смотрел перед собой.

— Не помешал?

Едва заметное движение головой.

Отрицание.

Он даже не повернулся.

— Не передумал?

— Нет.

— Хорошо. Я позволю тебе отправиться к ней.

— Думаешь, мне нужно твоё позволение? — Александр всё-таки взглянул на него. Свет от светильника отразился в мёртвых карих глазах. — Мне нужен лишь транспорт.

— А об Алексии ты подумал? О родителях?

— Ты сказал, что я смогу отправиться к ней, — проигнорировав вопросы, произнёс мужчина.

Князь вздохнул. Что бы Эли ни говорила, чувство вины не проходило, наоборот, оно только усиливалось. Если бы он тогда не поддался на уговоры, если бы... Александр бы не улетел и не превратился в ходячий труп.

— Да. Послезавтра утром в Пещеры отправляется корабль с... послушницей. Его поведёшь ты. Устройство там несложное. Почти полностью повторяющее корабли, на которых ты плавал, когда служил у меня четыре года назад... Только тебе я могу доверить её сопровождение.

— Хорошо, — безразлично ответил тот и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Ты еще можешь отказаться... Сащ, я же могу тебе помочь. Тебе надо лишь открыться, позволить заглянуть в мысли.

— Нет, — его тон не изменился. Всё то же равнодушие и безжизненность.

— Что бы с тобой ни случилось, всё можно исправить.

Мужчина всё-таки повернулся. И жуткая кривая улыбка исказила его когда-то красивое лицо.

— Я мёртв, Князь. Уже давно мёртв. А сейчас мне надо лишь выиграть спор.

Глава 4. Прощание

Князь пришел ко мне следующим утром.

Конечно, для девочек это было полной неожиданностью. Они были такие сонные, в смешных и нелепых пижамах. Жи-Жи к тому же решила сделать тонизирующую маску из какого-то местного растения, из-за чего её лицо было похоже на переспелый фрукт жуткого болотного цвета. В общем, к появлению Правителя Эквей они готовы не были.

Я тоже не ожидала, что он явится так рано, но особо не удивилась.

— Доброе утро, девушки, — лучезарно улыбнулся он, когда наша дверь сама собой раскрылась, впуская его внутрь.

— Ой, — пискнула Би, хватая с диванчика подушку и пытаясь ей прикрыть глубокий вырез топа.

— Здрасьте, — только и смогла ошарашенно пробормотать Жаклин и медленно попятилась в сторону ванной комнаты.

Князь некоторое время рассматривал её лицо, а после серьёзно добавил:

— Попробуйте использовать масло адии, оно более эффективно, чем сок борэ. И цвет не такой яркий и... зелёный.

— Спасибо, — совсем тихо пробормотала подруга и шмыгнула в ванную.

— Я... мне... надо, — пробормотала Беатрис и скрылась за дверью в свою комнату.

— Доброе утро, — я встала с кресла, где сидела, читая историю Эквей, и пыталась найти хоть какую-то информацию о Дальних Пещерах.

Её почти не было. Лишь мифы, легенды. В какой-то момент у меня возникла мысль обратиться к иву Дериону. Ведь он там был много лет назад. Может, он сможет рассказать о том, что именно мне стоит ждать в самом таинственном месте Эквей.

На мне тоже были широкие штаны и тёмная футболка с оскалившимся черепом. Девчонки называли её депрессивной, потому как я надевала её только по определённым случаям. Но в отличие от подруг стеснения и смущения не чувствовала.

Я сейчас почти ничего не чувствовала.

— Доброе, Кэтти. Как спалось?

— Спасибо, хорошо... Всё остальное тоже... без изменений, — слегка развела руки в стороны и вновь скрестила их на груди.

Как ни старалась я выглядеть храброй и сильной, меня немного трясло.

— Понятно.

— Откуда вы знаете про маску? — вопрос вырвался сам собой, но я ничего не могла с этим поделать.

Сама мысль о том, что Князь использует её, нанося на своё совершенное лицо, казалась абсурдной и такой смешной, что меня начинал разбирать смех.

— Твоя мама её делает. Только не говори, что я её сдал, пожалуйста. Она так стремится быть идеальной.

Мы понимающе улыбнулись друг другу, а в следующее мгновение вспомнили причину, по которой Князь оказался здесь.

— Вы хотели мне что-то сказать?

— Да. Завтра утром отплывает корабль.

— Завтра, — тихо повторила я.

Уже завтра.

— Да. Кэтти, — я видела по его лицу, что он вновь собирается меня переубедить, но выслушивать больше этого не могла.

— Я поняла. Мне надо собрать вещи или..? Я так ничего не нашла, никакой информации, — оглянулась и кивнула в сторону планшета, что лежал на диване.

— Могла бы спросить у меня, — предложил эквейт.

— А вы бы сказали?

— Сказал. Только знаю я немногим больше, чем написано в источниках.

— А ив Дерион? Он же был там.

— Об этом тебе лучше поговорить с ним. Если ты действительно хочешь знать.

Вздохнула, не зная, что лучше — ничего не знать и переживать или знать и сходить с ума от страха.

— Не знаю, — в конце концов тихо призналась ему.

— Решай сама. Ты сказала? — он слегка кивнул в сторону закрытых дверей.

Покачала головой.

— Нет. Потом... И лучше, если это будете вы.

— А Элизабет? С ней ты поговорить не хочешь?

Его взгляда я выдержать не могла, отвернулась и закрыла глаза.

— Я поговорю... Сама.

И тут же вздрогнула, когда сильные мужские ладони бережно коснулись моих плеч, а дыхание потревожило волосы на макушке, вызывая легкую дрожь по телу.

— Катрин, никто не смеет тебя принуждать. Ты землянка, и на тебя правила не распространяются, — тихо произнёс эквейт.

— Я знаю, — от его рук шло тепло.

В какой-то момент я почувствовала легкое давление на сознание. Князь пытался успокоить меня. Не давил своими силами, а действительно пытался мне помочь, справиться с чувствами и эмоциями, что волнами накатывали, мешая думать.

— Элизабет сейчас у себя. Не оттягивай этот разговор.

— Хорошо, спасибо.

Я так и не повернулась, даже когда услышала звук закрывающейся двери, продолжая смотреть перед собой и пытаюсь продумать разговор. К Дериону или маме? Как мне надо преподнести столь потрясающую новость маме? Как успокоить и заставить понять?

— Кэтти? — из ванны выглянула Жи-Жи.

Подруга уже смыла свою маску и теперь огромными от удивления глазами смотрела на меня.

— Это правда?

— Что правда? — я недоуменно моргнула, пытаюсь вернуться в действительность.

От меня как-то ускользнуло, что они могут слышать наш разговор.

— Ты и Князь, — пробормотала Би, что в этот момент выглянула из комнаты. — Вы вместе?

— Что?

— Мы всё слышали, — пробормотала рыжуля. — Ты не подумай, мы тебя не виним. Это всё Богиня. Ты лишь подчиняешься её воле.

— Мы всё понимаем и готовы тебя поддержать, — вторила Жаклин.

Обе они смотрели на меня с таким непередаваемым решительным выражением на

лицах, что я не знала, смеяться мне или плакать.

— Господи, — только и смогла выдохнуть, переводя взгляд с одной на другую. — Я так больше не могу... Это слишком. И вы... вы тоже.

И, развернувшись на сто восемьдесят градусов, выбежала в коридор.

Князь сказал, что мама у себя, так что я знала, куда бежать. Ничего не видя перед собой, игнорируя учениц и их родственников, быстрым шагом, едва не срываясь на бег, спешила в княжескую резиденцию.

Надо с ней поговорить. Прямо сейчас. Пока остальные доброжелатели не донесли до неё мысль о том, что старшая дочь стремится занять место Княгини. Уж лучше сказать правду — горькую и тяжелую — чем позволить думать о себе такое. А Дерион подождёт.

— Княгиня у себя? — тяжело дыша, спросила я у Рейины, что быстро вскочила со своего места, стоило мне только войти в приёмную.

— Да.

— Я могу зайти?

— Конечно... Кэтти, — начала она, но я отмахнулась.

Лишние разговоры мне были ни к чему.

Интересно, с ней Князь тоже провёл беседу, что не стоит сообщать маме информацию о знаке на моей щеке? Это был, скорее, риторический вопрос. Я чувствовала, что — да. Князь слишком любил маму и всячески старался отгородить от любых потрясений.

— Кэтти? — мама удивленно подняла на меня взгляд и нахмурилась.

— Привет, мама. Есть минутка? — закрыв за собой дверь, спросила у неё.

— Да, конечно, что случилось?

— Мне нужно тебе кое-что рассказать, — нарочито громко и бодро произнесла я, подходя к её столу. Спина прямая, плечи развёрнуты, а подбородок поднят. Я готовилась к этому разговору как к экзамену.

— Хорошо. Я тебя слушаю, — она отложила в сторону документы и взглянула на меня.

— Дело касается моей хиты, — набрав полную грудь воздуха, начала я и тут же была перебита.

— Я знаю.

— Знаешь?

Такого поворота я точно не ожидала.

Мама быстро встала со своего места, обогнула стол и подошла совсем близко, беря за руки и ласково улыбаясь.

— Да, я знаю.

Либо мы знаем с ней разные вещи, либо я что-то не понимаю.

— Мам, — начала я, но она вновь не дала мне продолжить.

— Кэтти, давай сядем, — она указала жестом на диван и повела меня к нему.

«Может, Князь ей уже промыл мозг? Ну не может моя мама ТАК реагировать на новость о том, что её старшая дочь должна попасть в историю, становясь девочкой на побегушках у Богини».

— Я знаю обо всём со вчерашнего дня, — поглаживая мою ладонь, произнесла она. — Собственно, именно поэтому я решила с тобой встретиться. Поэтому пошла против просьбы Князя. Тебе была нужна поддержка, моя любовь.

— Понимаю, — совершенно озадаченно произнесла в ответ.

На самом деле я ничего не понимала. Совершенно.

«Может, это сон, и я сплю? Страшный кошмар, вызванный купанием в озере. Вот сейчас я очнусь, и всё будет иначе».

— Признаюсь честно, что-то подобное я ожидала. Мы, земляне, обожаем делать из мухи слона, додумывая и придумывая иногда такое, что страшно становится. Конечно, мне было неприятно услышать такое. Но я ни на секунду не усомнилась в тебе или Князе. Богиня, конечно, могла сделать что-то подобное, но это было бы слишком даже для неё.

— Мама, ты сейчас о чём?

— Разумеется, о слухах, которыми гудит вся школа, — вновь ласковая и понимающая улыбка, а в голубых глазах, такая нежность, что у меня стали наворачиваться слёзы. — Шан, когда впервые услышал о них, расхохотался. И я его прекрасно понимаю. Это же такая глупость, Кэтти. И тебе не стоит обращать на это внимание. Третья себе нервы, думать, переживать. Завистники найдутся всегда.

Кажется, до меня стало доходить, о чём сейчас мама пыталась мне сказать.

— Мама, это неправда.

— Я знаю. И всегда знала. Неужели ты могла подумать, что я поверю в этот бред? Уверена, скоро Князь всё решит, и жизнь вернётся в привычное русло.

«Без меня...»

— Я завтра уплываю... утром.

— Куда? — теперь она недоуменно нахмурилась, явно чувствуя напряжение, что исходило от меня.

— Дело не в цвете хиты, мама... Точнее, не только в ней.

Тишина была такая, что я слышала стук собственно сердца.

— Не понимаю.

— Иногда Богиня оставляет на эквейтине лазоревый знак... Он означает, что девушка выбрана в послушницы и должна отправиться в Дальние Пещеры, чтобы до конца своей жизни служить Богине.

— Нет, — едва слышно прошептала мама, белея буквально на глазах.

— Вот этот знак, — я коснулась пальчиками вязи на щеке.

— Нет, — уже громче произнесла мама, и я услышала боль и гнев в её голосе.

— Так что Алексу ничего не грозит. Я не его невеста... а послушница Богини.

В следующее мгновение она резко схватила меня за плечи и слегка встряхнула.

— Не смей даже думать об этом! Никогда!!! Я не позволю тебе уплыть! Слышишь?! — прокричала Княгиня, а глаза буквально метали молнии. — Ты землянка, на тебя подобные правила не распространяются!! Князь всё решит! Он обещал! Чертов правитель, — отшатнувшись, прошептала она и вскочила на ноги. — Шан опять от меня всё скрыл.... Как он мог? Это же не рядовой случай, дело касается тебя. Князь должен был сразу сообщить мне.

— Он думал, что сможет всё исправить, — я попыталась встать на защиту высшего эквейта.

На маму сейчас было страшно смотреть. Её лицо скривилось от гнева. Широкими шагами она мерила комнату, не останавливаясь ни на мгновение.

— Думал! Ха! Он всё исправит! И никаких «если» и «может быть»! Ты не достанешься этой интриганке, я не позволю! Я разнесу здесь всё, но не позволю...

— Она заберёт Индин, — тихо сказала я.

Эта фраза была словно удар для мамы. Она дернулась и застыла, став белой как

полотно. Казалось, еще немного, и она просто потеряет сознание.

— Мама! — подскочила к ней, помогая сесть на диван. — Я сейчас принесу воды.

— Стой, — прохрипев, она схватила меня за руку и покачала головой. — Всё нормально.

Сейчас мама казалась постаревшей на десять лет. Черты лица заострились, скорбно опустились уголки губ, появились морщинки в уголках глаз. Моя красивая, очаровательная мамочка в одно мгновение стала похожа на старуху.

— Кэтти... не надо, — две слезинки скатились по щекам, оставляя после себя блестящие дорожки.

Две близняшки, что так похожи были на мои, что я не смогла сдержать.

— Её жизнь в обмен на мою... Мама, прости, но я не могу иначе.

— Мы найдём выход. Обязательно найдём. У нас впереди годы...

Как бы я хотела думать так же. Верить, что мы всеильны и добро обязательно победит зло. Но жизнь не белая и не черная, она серая.

— Нет. Богиня не простит. А я не могу обречь Индин на такую жизнь.

— А себя? Себя ты можешь?... Это ведь твоё решение, не так ли? Ты решила. Не посоветовалась со мной, с Шаном. Но так нельзя, милая. Мы же семья.

— Я не хочу, чтобы вы выбирали. Это жестоко — заставлять вас делать выбор.

— Выбора не будет. Ни ты, ни Индин не поплывут в Пещеры.

— И что ты сделаешь? Вывезешь нас с Эквей? Дочь Князя? Да, её будут рады видеть в Альянсе. Или попытаешься скрыть ото всех? Постоянные переезды? Жизнь в страхе, что рано или поздно нас обнаружат... Ты хочешь для нас такой жизни?

Вздрогнула и отвела взгляд.

— Должен быть выход. Всё не может закончиться так.

— Это не конец, мам. Мы же не знаем, что там, в Пещерах. А вдруг меня ждут райские кущи и обнаженные красавцы, — попыталась пошутить я, но не получилось.

— Нам не стоило сюда прилетать, — она провела ладонью по моей щеке, убрала непослушную прядь, что опять упала на глаза. — Нет, не так. Мне не надо было покупать тот билет.

— Тогда бы у тебя не было Князя и Индин. Разве они не стоят всех мучений?

— Но я не хочу терять тебя, Кэтти, — пошептала мама и притянула меня к себе, зарываясь лицом в волосы и заливая слезами. — Ты же моя девочка, моя маленькая девочка. Как же я буду без тебя, Кэтти? Как я буду жить, зная, что никогда больше тебя не увижу.

Её тело сотряслось от рыдания. И я больше не могла сдерживаться, позволяя тоске и боли выплеснуться наружу.

Не знаю, сколько мы так проплакали, прижимаясь друг к другу, страшая раскрыть объятия и отпустить. Как утопающие хватались друг за друга, как за соломинку.

— Не приходи завтра меня провожать, — пробормотала я, когда мы более-менее успокоились и слёзный поток закончился.

— Кэтти, — всхлипнула мама.

— Мам, пожалуйста. Мне и так очень тяжело. Я... я не смогу еще и завтра проходить через всё это. И девочкам расскажи... я не смогу.

— Хорошо, я постараюсь.

— Спасибо. Я просто не могу переживать эти эмоции каждый раз. Мне и так трудно сдерживаться...

— Может, не стоит сдерживать себя? Кэтти, я тебя не узнаю. Ты борец. Ты не должна идти на поводу у Богини, — вновь попыталась воззвать к разуму мама.

Как она не понимает, что выхода нет.

Нет, он есть, но уж лучше в Пещеры.

— А я борюсь... За маленькую сестру.

Её реакция была немного не такой, как я ожидала.

Мама вновь всхлипнула и зарыдала, пряча лицо в ладонях.

— Прости меня, дочка. Если можешь, прости...

— Ты чего? Не вини себя.

— Я должна была защищать и оберегать тебя. А не смогла... Прости меня, девочка моя... прости.

— Не смей брать на себя чужую вину.

Не знаю, сколько бы еще продолжался наш разговор, что ходил по кругу, но вмешался Князь. Молча вошёл, закрыл за собой дверь и, подойдя к нам, обнял жену.

— Ты? — охнула та и неожиданно со всей силы стукнула его по груди, потом еще раз и еще. — Это ты во всем виноват! Ты не смог её сберечь. Почему именно моя дочь? Почему она не оставит нас в покое?... Почему?... Шан... как же теперь быть... это же Кэтти...

Удары быстро сошли на нет, и в конце она просто уткнулась ему в грудь и зарыдала. Эквейт ласково провёл рукой по золотистым волосам и взглянул на меня.

— Ты в порядке?

— Драться не собираюсь, — хмыкнула в ответ.

— Кэтти... — новь начал он.

— Нет! — вскрикнула я, вскочив с дивана и выставляя руки вперёд. — Хватит! Не надо больше. Я не могу это слышать! Вы что, не понимаете, как мне тяжело?... Но я держусь! Я разговариваю, хожу, улыбаюсь! А внутри так больно, что невозможно дышать!.. А вы вместо того, чтобы поддержать... вы... Я приняла решение. Сама! Так извольте уважать его!

В конце я просто сорвалась на крик.

— Мы уважаем. Но ты не даёшь нам шанса всё исправить. Попытаться помочь тебе, — мягко произнёс он.

Мама выпрямилась, быстро вытерла слёзы и взглянула на меня с надеждой.

— Да, милая. Позволь, нам просто попытаться. Один единственный шанс.

— Вы что, не понимаете?... Именно она подарила вам дочь. Но она её и отнимет. А если не будет этих 15–16 лет? Если она заберёт её раньше? И не в Пещеры, а просто...

Произнести это слово я не могла. Меня снова начало трясти.

— А она может... Тогда на моих руках будет не жизнь, а смерть Индин... Она же ваша малышка. Почему вы рискуете её жизнью?

— Потому что ты тоже наша дочь, — ответил Князь. — И мы не можем рисковать твоей жизнью.

А всего минуту назад мне казалось, что больнее быть просто не может. Ошиблась. В который раз.

— Вы и не рискуете. Своей жизнью распоряжаюсь я сама, — прошептала в ответ. — И своё решение я уже приняла... Мне надо собрать вещи.

— Кэтти! — мама, бросилась ко мне и крепко обняла. — Пожалуйста, не уходи. Я больше... я ничего не скажу. Просто не уходи. Позволь провести этот день с тобой. Пожалуйста.

Конечно, я не смогла отказать ей.

Мама сдержала своё слово и больше разговоров об отъезде не заводила, только тихо плакала, украдкой стирая льющиеся слёзы. Индин чувствовала, что что-то не так, и капризничала, практически всё время проводя у нас на руках.

Меня отказались выпускать и вечером, так что с Дерионом поговорить не удалось. Князь тоже оставил нас, позволяя побыть вместе. Мы так и уснули на большой княжеской кровати втроём — мама, я и Индин.

Утром меня разбудил Князь. Уставший, бледный, с тёмными кругами под глазами.

— Пора, — прошептал он, помогая мне выбраться из постели.

— А они, — я глянула на маму с сестрёнкой, что продолжали мирно спать.

— Ты же не хотела прощаний. Они спят и проспят ровно до твоего отплытия.

— Спасибо, — прошептала и, не удержавшись, крепко обняла эквейта. — За всё спасибо. Я так благодарна... папа.

Вздрагнул и прижал к себе.

— Прости, что не уберёг тебя, Кэтти.

— Всё хорошо. Берегите их. Они самые лучшие, — едва сдерживая слёзы, прошептала, уткнувшись в его грудь.

— Что бы ни задумала Богиня, она никогда ничего не делает просто так. Всегда есть смысл. Не знаю, в чём он здесь, но он есть... Быть может, мы ещё увидимся.

— Я буду молить её об этом каждый день. Мои вещи...?

— Твои подруги всё собрали.

— Вы им сказали?

— Да.

Кивнула и вновь взглянула на кровать, где спали самые дорогие мне люди.

— Передайте, что я люблю их.

— Хорошо.

Мне выдали большой тёмно-синий плащ с капюшоном, который полностью скрыл мою фигуру и лицо.

Было раннее утро. Столица спала. Лишь редкие жители могли лицезреть княжеский мобиль, что быстро мчался по воздуху в сторону порта.

Корабль я разглядеть не успела. Из мобиля сразу поднялась по ступенькам и быстро вошла в одну из двух кают, где уже стояли чемоданы с моими вещами.

Почти сразу загудели винты корабля, сигнализирующие о том, что мы совсем скоро отплывём. Скинув плащ, подошла к одному из иллюминаторов, что как раз выходил на пристань.

Там стоял Князь. Таким разбитым я его не видела никогда, с поникшими плечами и опущенной головой. А рядом с ним... Я глазам своим поверить не могла, когда узнала в эквейте, что стоял возле Князя, Финора. Он, словно почувствовав мой взгляд, взмахнул рукой, а после приложил её к сердцу. Что он здесь делает? Зачем пришёл?

И в этот момент корабль тронулся, быстро набирая скорость.

Лишь только знакомые очертания Аквали скрылись из глаз, я позволила себе отойти от иллюминатора и упасть на кровать, чтобы выплакать всю ту боль, что старательно прятала внутри, стараясь быть сильной.

Теперь притворяться и прятаться смысла не было.

Глава 5. Неслучайные пассажиры

Слёзы. Лишь капельки солёной воды...

...Или осколки разбитой души...

Душа плачет. Теперь я четко понимала смысл этой фразы. Моя в этот момент рыдала, обливаясь кровавыми слезами.

Как много я выплакала слёз за эти дни — не сосчитать и не измерить. Даже пытаться не стану. Мне казалось, что больше плакать просто физически невозможно. Но они все лились из глаз, щекоча горло и нос. Еще немного — и я просто растворилась бы в них, сама став такой вот прозрачной солёной капелькой.

Мне всё-таки удалось уснуть, забыться беспокойным сном, застыв между миражом и явью, вздрагивая от кошмаров, которые никуда не делись. Наоборот, выбравшись из потаённых уголков сознания, они решили добить и без того расшатанную психику несчастной девушки.

Снова Бал и праздник. Всё сверкало сотней ярких огней. Было так ошеломляюще прекрасно, что захватывало дух. На мне невероятной красоты платье. Легкая невесомая ткань нежно-голубого цвета красиво обрисовывала грудь и талию, падая вниз широкими складками. Сияющая россыпь драгоценных камней на лифе делала наряд ещё более праздничным и торжественным.

Внутри меня всё пело от счастья, я кружилась, разведя руки в стороны, и улыбалась. Знакомые и такие родные лица близких и друзей. Они счастливы, и я тоже.

Но внезапно всё изменилось.

В какой определённый момент я поняла, что никто из них меня не видит. Словно была призраком, бестелесным духом. Они все проходили мимо и не замечали.

Я кричала, пытаюсь коснуться каждого, но не смогла. Руки будто проходили сквозь них. Снова и снова кричала, билась, пытаюсь дозваться хоть кого-то. Но всё было бесполезно. Меня не было на этом празднике жизни.

А потом вдруг всё неожиданно изменилось. Я обрела тело и голос, вновь почувствовала себя живой и материальной.

— Финор, — бросилась со всех ног к эквейту, который что-то рассказывал симпатичной девушке.

— Да? — молодой мужчина повернулся и недоуменно нахмурился. Он был всё так же красив, этот жемчужный эквейт. — Мы знакомы?

— Это я, Кэтти, — пробормотала, не понимая, что здесь происходит.

Как такое вообще возможно? Я же здесь, я живая. Зачем они так?

— Кэтти?... Простите, но я вас не знаю, — и отвернулся.

Уж лучше бы он меня ударил.

Отшатнувшись, я прижала руку к груди и чуть не налетела на кого-то.

Обернувшись, увидела встревоженную Жи-Жи.

— Жаклин! — вскричала я, хватая её за руки. — Это же я!

— Кто — я? — удивилась подруга и попыталась вырвать свои ладони из моего захвата. — Мы разве знакомы?

Внутри меня будто всё умерло.

Как? Почему? Этого просто не может быть.

— Ты не узнаешь меня? — всё еще не веря в то, что происходит, прошептала я.

— Нет, — девушка внимательно взгляделась в моё лицо и неловко улыбнулась. — Я вас знаю?

«Тебя больше нет... Ты умерла для них...» — шептал голос в моей голове... вокруг меня.

Он эхом отзывался во вмиг опустевшем зале. Здесь больше никого не было. Лишь я одна.

— Неправда! — закружившись на одном месте и лихорадочно оглядываясь, прокричала в ответ.

«Правда».

— Нет!!! — с этим криком на губах я и проснулась, резко садясь в кровати.

Гулко стучало сердце, кожа на лице от слёз болезненно натянулась.

— Кошмар... это лишь кошмар. Он ничего не имеет общего с реальностью, — прохрипела сама себе, и в следующий момент меня со страшной силой замутило.

С трудом удалось добежать до ванной, где живот скрутило от рвотных позывов. Так как ела я только вчера вечером, желудок был почти пустой, но спазмы всё равно были очень болезненными, вызывая очередные слёзы на глазах.

Умывшись, некоторое время изучала своё отражение в зеркале. Куда делась та яркая, жизнерадостная девушка, что я знала? Голубые глаза словно потухли, утратив жизнь, лицо припухло от слёз, а когда-то розовые губы побелели и потрескались. Словно это была уже не я, а моя потрёпанная, изрядно поношенная копия.

— Хватит, — прошептала своему отражению. — Хватит. Надо жить дальше. Иначе ты просто сойдёшь с ума. А этого допускать нельзя. Мы справимся... со всем справимся. Что бы Богиня ни задумала, ей нас не сломать. Так что, Катрин Бишоп, бери себя в руки, подними нос кверху и покажи этой божественной заразе, кто такие настоящие землянки.

Еще раз ополоснув лицо водой, я вернулась в спальню и подошла к иллюминатору, коснувшись толстого стекла рукой.

Мимо проносился морской пейзаж. Скорость была небольшая, и я могла рассмотреть серо-синие рифы и камни, золотисто-рыжий песок внизу, разнообразные растения и водоросли и невероятное количество самых разных рыб.

Мы выезжали классом, а иногда и всей школой на прогулки по океану, но нечасто. Временами, живя в столице, я забывала, что мы находимся на дне океана. Лишь отсутствие звёзд на небе напоминало о том, что над нами тонны воды. Временами я скучала по звездам, поэтому сделала у себя в спальне звездный потолок из нескольких сотен мелких лампочек. Да, мне не хватало Земли, но Эквей манил своими тайнами и загадками.

Вообще, Эквей был удивительной планетой. Полностью лишенный суши, с бескрайним океаном и двумя десятками городов, что были окружены специальными непробиваемыми энерго-куполами. Другого такого не было в Альянсе, и это делало его еще более значимым и притягательным. Несмотря на то, что Эквей вот уже столетие входил в Альянс, загадочности у него это не отнимало. Сколько тайн и секретов скрывали эквейты от всего мира. Как берегли свою культуру, обряды и знания, отказываясь подчиняться технике, прогрессу.

Земля со своими мегаполисами и искусственными парками на верхних этажах сильно уступала реальному и живому водному миру.

А какая здесь была уникальная флора и фауна.

Даже песок был уникальным. Казалось бы, на такой глубине должно было быть темно.

Но нет, днем здесь было так же светло, как если бы мы находились на суше. А всё благодаря разнообразиям моллюсков, чьи раковины светились, как небольшие лампочки. Их свет отражался в кристаллах зеркального песка, и было светло. Ночью моллюски засыпали, и свет потухал вместе с ними.

Я очень любила уроки по разнообразиям Эквей. Сколько ж здесь было невероятных и необычных растений. Например, фарус. С виду неказистое и неприметное такое растение, чем-то похожее на наш земной мох, только жуткого грязно-серого цвета. И ценности особой не представляет, пока не зацветет. Это происходит один раз в год. Появляется огромный бутон, размером с мою голову, который распускается лишь на одни сутки. Очень необычный цветок лавандового цвета с желтым центром. Фарус не только невероятно красивое, но и очень полезное растение. Из его лепестков делают множество самых различных целебных мазей.

Количество моллюсков, млекопитающих и рыб, что обитают в бесконечном океане Эквей, невозможно перечислить и запомнить, столь многообразным оно было.

Что ж, плюс во всём этом был — я могла попасть в запретную зону планеты. Туда, куда нельзя ступить никому, кроме избранных и Жрецов.

Кстати, о Жрецах — пора бы мне выйти и познакомиться с одним из них. Пригладив волосы, поправив платье и накинув на голову легкий палантин, я вышла из каюты.

Было тихо, лишь едва слышно гудели моторы.

Корабль для Богини был особенным и по форме отличался от обычных, что плавали между городами Эквей или поднимались в космос. Это было небольшое двухуровневое судно. На верхнем ярусе располагалась командная рубка, на нижнем было две каюты, небольшая кухня-столовая и что-то вроде зала-гостиной.

Подобрав юбку, я быстро поднялась по лестнице на второй ярус и огляделась.

Здесь было просторно и светло. Множество непонятных приборов и огромный иллюминатор впереди.

— Добрый день, — прокашлявшись, произнесла я.

Одно из кресел у штурвала медленно повернулось, и мне навстречу поднялся высокий мужчина.

Я сразу его узнала, вот только не смогла проверить, что глаза меня не подводят. Или решила, что это очередной кошмар. Просто этого мужчины никак не могло быть здесь. Это был не Жрец, мало того, этот мужчина был не эквейтом, а землянином. Крепкий, стройный, с широкими плечами и узкими бедрами. Короткие русые волосы и холодные карие глаза, которые совершенно равнодушно и безэмоционально смотрели на меня.

— Добрый день, — тихо произнёс он, слегка склонив голову. — Меня зовут Александр Переславцев, и мне выпала честь сопровождать вас в Дальние Пещеры.

— Дядя Саша, — перебила его я, недоверчиво покачав головой.

Если бы не шок, то я бы точно никогда к нему так не обратилась. Но я была слишком удивлена его присутствием, чтобы здраво мыслить. Так я его называла лишь однажды. Когда четыре года назад нас познакомила мама.

Но это действительно был он и в то же время совсем другой человек. Постаревший на добрый десяток лет, с мертвым взглядом карих глаз и опущенными уголками губ. Теперь я понимала, о чём мне говорила тогда мама. Это был не тот Александр Переславцев, которого мы все знали. И пусть внешне он изменился мало, но внутри у него всё умерло. Для того чтобы это понять, не надо было быть эмпатом или менталом. Всё читалось в его

безжизненным взгляде.

Услышав мое обращение, он недоумённо нахмурился.

— Кэтти? Кэтти, это ты? Но как? — в конце концов удивлённо произнёс Александр.

— Да, это я, — улыбнулась в ответ, чувствуя, как всё дрожит внутри, и стащила с головы палантин. — Вот как-то так получилось.

— Мне сказали, что я должен сопроводить в Пещеры послушницу, — и в этот момент он увидел лазоревую вязь на щеке.

Александр еще больше нахмурился, опасно сузив глаза.

— Совершенно верно. Это я, — ответила ему и неловко улыбнулась.

— Вот стерва, — буквально прорычал он, и я невольно отступила на шаг.

В первое мгновение мне даже показалось, что это он меня так назвал.

— Прощу прощения?

— Богиня, — пояснил он, продолжая изучать вязь. — Она опять играет чужими жизнями. Тебя не должно быть здесь.

— Вас тоже, — парировала в ответ и скрестила руки на груди. — И тем не менее. Мы оба на этом корабле, плывём в Пещеры.

Но успокаиваться мужчина не желал.

— Как Князь вообще допустил это?

Терпеть не могла оправдываться и оправдывать других. А этот допрос уже начал раздражать.

— Это было моё решение.

Не поверил, еще больше нахмурился и тихо спросил:

— Она что, решила сделать тебя второй женой Князя? Поэтому тебя отправили сюда?

«И этот туда же. Неужели других вариантов нет?»

— Нет, — процедила сквозь зубы. — Лазоревая вязь в моём случае означает принадлежность Богине. А не княжескому роду Эквей.

— Решила завести себе новую игрушку.

— Можно и так сказать.

Еще раз скользнул взглядом по фигуре.

— Ты выросла.

С таким же успехом он мог выбирать продукты в интернет-магазине. Его голос был равнодушным, а взгляд пустым. Мне даже на мгновение стало обидно. Я, может, и не красавица, но такое пренебрежительное отношение слегка расстроило.

— Спасибо. Вы тоже... изменились.

И темы для разговора у нас кончились.

Новый господин Переславцев меня нервировал. Было в нём что-то жуткое и непонятное. И еще я совершенно не понимала, как он мог тут оказаться. Может, пришиб Жреца, а сам встал на его место? Но зачем? Александр же не знал, что именно меня будет сопровождать. Значит, дело не во мне.

Захотел увидеть Богиню? Точнее, место, где она скрывается от мирских забот столько столетий? Это только кажется, что Богиню найти легко. На самом деле, никто до сих пор не знал, где именно находятся Пещеры. Жрецы тщательно оберегали эти сведения от посторонних. Альянс неоднократно делал тайные вылазки с целью обнаружения этого священного места, но у них так ничего и не получилось.

Казалось бы, подобное в наши времена просто невозможно. Привлечь дорогостоящую

технику, задействовать огромное количество народу, перешерстить километры морского дна, обследовать уйму пещер и подводных скал и ничего не найти. Но именно так всё и было. У них ничего не получилось. А самое интересное, что Князь совершенно не возражал против таких «тайных» операций, словно знал, что они ничего там не найдут.

Поэтому мне было еще интереснее узнать, где же именно находятся эти Пещеры.

Мы как-то разговаривали с мамой по этому поводу. Уже не помню, каким образом у нас зашёл разговор на эту тему.

— Знаешь, Богиня не так глупа. Она отлично понимает, что её будут искать. Всегда найдутся фанатики, что наплюют на приказы и попытаются проникнуть на запретную территорию. И дело не только в людях, ты же знаешь, насколько мы любопытны. Думаю, и среди эквейтов встречались смельчаки, что пробовали встретиться с ней.

— И что?

— А то, что не всё так просто, милая. Уверена, Пещеры лишь прикрытие.

— Для чего?

— Кто его знает, — мама пожала плечами. — Но я на её месте поступила бы так же. Свой покой надо охранять от всякого рода фанатиков.

— А ив Дерион? Он что-нибудь рассказывал?

— Нет. Дерион вообще не любит об этом вспоминать. Понимаешь, Кэтти, ему заново отрастили душу, а это... — она слегка запнулась. — Болезненная процедура. Очень болезненная.

А мне еще казалось, что Дерион молчал и по другой причине — охранял покой этой интриганки. Ведь как бы сильно она его ни ломала, что бы ни делала, он всё равно остался верен ей до конца. Как и Князь.

Слегка тряхнула головой, прогоняя непрошенные мысли и воспоминания.

— Автопилот? — спросила у Александра, кивнув в сторону штурвала.

— Да. В данный момент скорость минимальная, участок ровный, поэтому автопилот включить можно. Но ненадолго. Это современное оборудование. В Альянсе оно называется искусственный разум.

— А как же ночью?

— Ночью мы будем останавливаться в определённых местах. Они отмечены на карте. То же самое касается перерывов на еду.

— Но разве у вас не должно быть сменного пилота? — слегка нахмурилась. Меня такая ситуация немного нервировала. А что, если он заснёт за штурвалом? — Плыть столько дней без подмены трудно и небезопасно.

— На ровных участках будет включен автопилот, — ответил Александр равнодушно. — Не переживай, мне не привыкать к подобного рода нагрузкам.

Я смерила его подозрительным взглядом.

— А не вы ли совсем недавно вышли из больницы?

— Я здоров, — спокойно парировал он.

Моё замешательство не вызвало у него ровно никаких эмоций. С таким же успехом я могла разговаривать со статуей.

— Если вам понадобится помощь...

— Ты умеешь управлять кораблями подобного вида? — надо сказать, что моё заявление его удивило. Мужчина приподнял бровь и слегка склонил голову, а в глазах промелькнули эмоции.

— Не совсем такого, — я смущенно улыбнулась. — Год назад мне удалось уговорить Князя разрешить пройти ускоренный курс пилотирования. Так что определённого рода знания у меня есть. Мне все равно непонятно. Почему именно вы ведете этот корабль, да еще в одиночестве. Как же техника безопасности?

— Понимаешь, в чём дело, Кэтти, сопровождать избранных в Пещеры имеют право лишь два Жреца. В данный момент они еще не вернулись из... командировки. Поэтому я здесь.

Надо же, сколько сознательности и самопожертвования. Но я сердцем чувствовала, что что-то тут не так. Переславцев явно скрывал от меня правду.

— Вы всего несколько дней назад вернулись на Эквей. Где не были более трёх лет... И снова в бой, — красноречиво произнесла я, вновь пытаюсь подловить его.

— Не люблю сидеть на одном месте.

Мне только и оставалось, как глубокомысленно кивнуть. Что ж, если Переславцев не говорит мне правду, то на это есть определённые причины. И лучше мне их не знать. И так своих проблем хватает.

— Отлично. Когда у нас обед?

— Через час, — взглянув на часы, ответил он. — Но ты можешь пообедать раньше. В морозильной камере много продуктов. Надо лишь разогреть.

— Вы что-то желаете?

— Нет, благодарю, — и вернулся на своё место.

Я некоторое время еще рассматривала его стриженный затылок, после чего кивнула и спустилась на нижний уровень. Удивительно, но присутствие здесь на корабле Александра вселяло определённого рода уверенность и спокойствие.

Глава 6. Хищник

Несмотря на все старания Александра попробовать запереть меня в комнате на всё время нашего пути с редкими визитами на кухню, дабы не умереть с голоду, я категорически отказывалась подчиняться. Не знаю, о чём он думал в тот момент. Наверное, считал, что я, как верная послушница, должна была проводить дни и ночи, стоя на коленях в молитвах и песнопениях, готовя себя к столь важной миссии.

Может, и надо было. Не знаю. При отправлении никто никаких указаний не давал, томиков со священными текстами не вручал и наказания не делал. А сидеть в своей каюте, смотря на потолок или в иллюминатор, я не могла. От безделья готова была просто на стену лезть. Мне нужно было отвлечься от горестных мыслей. И только одно могло помочь мне это сделать — человеческое общение. А единственным спутником здесь был лишь Переславцев. Вот ему-то и придётся терпеть меня.

Конечно, Александру это не понравилось.

Вопреки его распоряжению, я не стала есть одна и не пошла в свою каюту. А решила подождать его, прибегнув к женской хитрости и вековой мудрости. Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. На сердце Переславцева я не претендовала (больно надо), но вот на дружественные отношения — очень даже.

Поэтому к его приходу подготовилась.

Морозильная камера была до отказа наполнена множеством самых разных продуктов. Тут были как готовые блюда, так и замороженные полуфабрикаты. А большой холодильник набит свежими фруктами, овощами и многим другим. Здесь даже были яйца. Не куриные, а одной пернатой птички, что выводили на Эквей. Они называли её хохи. Птица была размером с земную индюшку, с красивыми и длинными перьями серо-голубого цвета и желтым клювом. Глаза у неё были круглые и красные. Яйца, которые хохи приносила, были в два раза больше куриных и имели ярко-красный желток. Но по вкусу практически не отличались от привычных.

Готовить я умела. Конечно, до профессионального повара мне было далеко. Но у нас были уроки кулинарии в школе, и по ним я была стабильным середнячком. То есть, отравить никого не отравлю, но и особого шедевра от меня ждать не стоило. Но для того, чтобы накормить здорового мужчину, сил и знаний, а также продуктов мне должно было хватить.

Мама всегда говорила, что настоящий мужчина всегда ест много и желательно мясо. Остальное всё мелочи жизни. С мясом на Эквей, в отличие от колоссального разнообразия рыбы, была напряжёнка. Но в холодильнике нашлось место и для парочки пластиковых контейнеров с огромными кусками вырезки. Чьё именно мясо, я не знала, но, самое главное, оно было съедобно.

Достав из контейнера, я поставила вырезку размораживаться, а сама принялась готовить гарнир.

Когда через час Александр спустился с рубки, его ждал богато накрытый стол и немного взмыленная землянка. Устала я, конечно, жутко, чуть не спалила рагу и едва не опрокинула на себя кипяток. Но все мои страдания увенчались успехом.

— Кэтти? — Александр замер в дверях столовой. — А что здесь происходит?

Взгляд карих глаз быстро скользнул по накрытому столу (я даже нашла свечку и зажгла её, сама не знаю для чего), а потом вернулся ко мне.

— Обед, — улыбнулась я, сдувая черный локон, который выбился из хвоста и всё норовил упасть на глаза.

— Я же сказал, что мне ничего не нужно.

Довольным мужчина не выглядел.

«Может, он вегетарианец? А я тут с мясом ему на нервы капаю?»

— Мне не сложно, — улыбнулась я, сцепив руки перед собой. — Не выкидывать же всё это... за борт. Рыбки, конечно, обрадуются. Но... Хотя, если вам не нравится, то заставлять не буду.

И сделала несчастные глаза. Обычно мой глубоко тоскливый взгляд срабатывал, и сердца жертв таяли. С Переславцевым было сложнее. Мужчина нахмурился, покачал головой и вздохнул, сдаваясь.

— Выкидывать ничего не надо. Но в дальнейшем попрошу больше самостоятельностью не заниматься.

— Конечно, конечно, — засуетилась я, а мысленно добавила:

«Это мы еще посмотрим на ваше поведение».

Я дала ему десять минут на утоление первого голода. Ел Александр медленно, тщательно пережёвывая каждый кусочек.

— Скажите, а сколько будет длиться наше путешествие? — размазывая овощи по тарелке, спросила у него.

Аппетит у меня был неважный. Да и наелась я, пока готовила. Там кусочек, тут кусочек — и уже сыта.

— А ты разве не знаешь?

«Вот интересно, если бы я знала, я бы стала спрашивать?»

Но в ответ я лишь улыбнулась и покачала головой.

— Нет. Всё случилось так быстро. Я даже не успела толком понять, как всё произошло.

— Почему ты не отказалась?

— От этого? — я коснулась пальцем щеки, где была вязь.

Кивнул, продолжив внимательно меня осматривать:

— Да. Ты же землянка. На тебя сумасбродные пожелания Богини не распространяются.

— На меня нет, — пожав плечами, ответила ему и подняла взгляд от тарелки. — А на Индин — да.

Александр задумался, после чего произнёс:

— Индин — это твоя сестра? Дочь Князя и Элизы?

Я и забыла, что его не было на Эквей более трёх лет, и многого он просто не знает.

— Да. Индин — это моя младшая сестра. Вы, наверное, не знаете всей истории. Мама с Князем очень долго ждали её. И беременность была сложная. Мама чуть не умерла, пришлось делать экстренное кесарево, — вздрогнула, вспоминая те страшные часы ожидания, что провела за дверью операционной, и долгие дни реабилитации, когда врачи не могли сказать, выживет она или нет. Самое страшное время в моей жизни.

— Богиня угрожала ребёнку? — процедил сквозь зубы Александр и сильно сжал вилку, так, что она закрипела и слегка погнулась.

Вот это сила.

— Нет. Она угрожала лишь мне.

— Жизнью сестры?

Изуродованный столовый прибор, звякнув, упал на поверхность стола, когда мужчина

бросил его в сторону, после чего Александр откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди.

— Её будущим, — поправила его, отчаянно пытаясь найти способ перевести разговор в другое русло. Вспоминать об этом было тяжело и очень больно.

— Твоя свобода на её свободу, — между тем произнёс он, задумчиво сверля меня странным взглядом.

Он словно прожигал насквозь, заставляя нервничать и вертеться на кресле, словно уж на сковородке.

— Вы так и не сказали, сколько дней будет длиться наше путешествие, — вспомнила я.

— До Пещер неделя пути.

Неделя. Всего лишь семь дней.

Аппетит пропал окончательно, а съеденное комом встало у горла, вызывая тошноту.

— Быстрее двигаться мы не можем. Под водой нельзя включать гиперскорость. Но это, скорее всего, не конец нашего путешествия.

— В каком смысле? — нахмурилась в ответ, не понимая, что он имеет в виду.

— Князь сказал, после прибытия на место мне надо будет ждать новых указаний.

— Каких указаний? — совсем растерялась я.

— Это мы узнаем через неделю.

Эта цифра колоколом билась у меня в голове. А следом пришла и другая мысль — что своё восемнадцатилетие отметить не удастся. Со всей этой нервотрёпкой я и забыла, что через десять дней у меня день рождения. Интересно, там, в пещерах, время течет как-то по-особенному, или мне позволят отпраздновать? Вот только какой праздник без семьи и друзей? Не представляла я Богиню, которая будет меня поздравлять и желать долгих лет счастья. Это же пахнет лицемерием.

— Спасибо за вкусный обед, — промокнув губы салфеткой, произнёс мужчина и встал.

— Подождите, — я вскочила следом. — Позвольте помогать вам.

— Кэтти...

— Пожалуйста, — быстро произнесла, не давая ему возможности отказать. — Я не могу сидеть в четырёх стенах. Я же просто с ума сойду. Обещаю, что не буду мешаться, отвлекать разговорами.

Вздыхнул и слегка покачал головой.

— Кэтти, из меня собеседник неважный.

Как же он не понимает, что для меня важны не разговоры.

— Вы человек. Может, последний человек, которого я вижу в своей жизни. Я не прошу вас разговаривать со мной, просто разрешите побыть рядом, — совсем тихо закончила я и опустила глаза.

Главное — не расплакаться. Это будет лишним и может привести к обратному результату.

— Хорошо, — спустя минуту, согласился он. — Будешь мне помогать. Штурман никогда не помешает на корабле.

— Спасибо, — вскинув голову, улыбнулась я. — Большое спасибо.

— Не стоит, — кивнул Переславцев и, круто развернувшись, вышел из столовой.

Следующие три дня были обычными.

Просто плыли вперёд, навстречу моей судьбе. Я готовила еду, хотя Александр каждый раз говорил, что это не обязательно, но мне отчего-то хотелось за ним поухаживать. Мы

много времени проводили в рубке. Мужчина совершенно неожиданно начал рассказывать мне о корабле и о приборах. Даже пару раз дал порулить. Наш путь проходил по равнине, поэтому мы часто включали автопилот и могли немного отдохнуть.

Ночами всё было сложнее. Я долго не могла уснуть, ворочалась с одного бока на другой, а когда всё-таки засыпала, меня вновь и вновь мучали кошмары. Поэтому, проснувшись, я чувствовала себя еще более уставшей и разбитой, чем раньше.

На четвёртый день нашего пути мы сидели в гостиной, каждый в своём уголке, и читали. Тихо играла музыка, создавая ощущение покоя и уюта. Не знаю, что читал Переславцев, но у меня была книга по устройству кораблей. Я как раз дошла до детального описания двигателя. Знала, что эти знания совершенно бесполезны, но удержаться не могла.

Именно тогда-то всё и произошло.

Тишину внезапно нарушил резкий звук сирены, и свет резко потух. Почти сразу включились красные тревожные лампы, освещая всё кругом кровавым светом.

— Какого..! — только и успел произнести Александр, бросаясь в сторону двери.

— Что произошло? — отшвырнув в сторону планшет, я бросилась следом за ним.

В рубке сирена выла еще громче.

— Твою мать, — замерев у штурвала, прорычал мужчина и бросился к пульту управления.

— Что...? — снова произнесла я и замерла, увидев причину сработавшей защиты в огромном иллюминаторе.

Сердце буквально ушло в пятки. Отшатнувшись, схватилась за поручень. В голове билась только одна мысль: бежать и как можно быстрее.

Вот только куда? Мы на корабле.

— Алги, — с трудом шевеля губами, прошептала я.

Самый опасный и в то же время ценный хищник на Эквей. Из его шкуры делали дорогую обувь, жир использовался в медицине, а из мяса готовили вкусные блюда. Правда, для этого его надо было поймать.

Алги был не только хищником. Это животное было самым большим созданием в океане планеты. Размером практически с нашего кита, голова у него была плоской, морда удлинённой. Картину дополняли зубастая пасть, выпуклые глаза и четыре плавника по бокам массивного светло-бежевого тела.

И эта махина на полной скорости шла на нас.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Страх и паника ушли, и я даже немного успокоилась. Насколько это было возможно в данной ситуации. Хотя дрожь осталась.

Подумаешь, алги. У нас же есть защита, её обязательно ставят на все корабли Эквей. И пусть в данной местности эта тварь редко встречалась, корабль выстоит. Должен выстоять. Надо лишь включить защиту.

А хищник всё приближался, раскрыв огромную пасть.

— Александр, — жалобно выдохнула я, не в силах оторвать взгляда от ужасающего зрелища.

Мужчина, ничего не замечая, продолжал нажимать кнопки, стоя у приборной панели. Краем глаза я видела его напряжённую спину, нервные и быстрые движения. Мне казалось, что прошла уже как минимум минута, а то и две. На самом деле, с момента нашего прихода в рубку прошло лишь секунд тридцать.

И вот когда до столкновения оставалось всего ничего, пространство вокруг корабля вспыхнуло ярким голубым цветом. Смотреть на происходящее мне не хватило сил и мужества.

Зажмурившись, закрыла лицо руками и стала ждать конца.

В следующее мгновение раздался скрежет, потом грохот, и корабль слегка тряхнуло. Вздвогнув, вновь схватилась за поручни, отказываясь открывать глаза. Сердцем чувствовала, что это еще не всё.

Следующий удар был намного сильнее, меня как куклу швырнуло сначала в одну сторону, потом в другую. Закрыться я не успела.

Глухой удар и темнота.

* * *

Сознание возвращалось медленно. Болело всё тело. Но он привык к боли и отстранился, загоня все чувства в уголок сознания.

Истошно выла сирена. Так громко, что закладывало уши.

Сев, Александр обхватил голову руками, пытаясь прийти в себя. После чего открыл глаза. В рубке было темно, лишь блекло горели красным светом тревожные фонари. Какие-то вещи валялись на полу. Но его внимание привлек столп ярких искр, что вылетали от одного из приборов.

«Прибор связи», — отстраненно подумал он и внимательно осмотрелся. И только тогда увидел у перил неподвижное тело девушки.

— Чёрт, Кэтти! — Переславцев попытался встать, но сил не хватило.

— Помощь нужна? — неожиданно раздался совсем рядом женский голос.

— Ты! — прорычал мужчина, с ненавистью глядя на красивую девушку с длинными белоснежными волосами, что стояла над ним. — Опять ты!

Улыбнулась и покачала головой:

— Я не собираюсь тебя спасти. Не в этот раз. Выбор за тобой, Александр. Только ты можешь решить, что произойдёт дальше... Всё, как ты хотел. За одним исключением. Умрешь ты, умрёт и она, — Богиня кивком указала на неподвижное тело Кэтти. — Решай.

Приподнявшись, мужчина подполз к девушке и перевернул её на спину. На лбу вздулась большая шишка, на скуле алел синяк, но она была жива.

Переславцев осторожно провёл подушечками пальцев её щеке и вновь взглянул на Богиню.

— Спаси её.

— Это можешь сделать только ты. Ну же, — усмехнулась она. — Сделай выбор, Александр. Готов ли ты сейчас уйти?... Или останешься?

— Это и есть та самая причина?

— Нет. Это просто девушка, жизнь которой зависит лишь от тебя. Знакомая ситуация, не правда ли? Решать тебе. Жизнь или смерть для вас двоих.

И исчезла, осыпавшись сотней ярких блёсток.

Мужчина вновь перевёл взгляд на бледное лицо Кэтти. Жизнь или смерть? Разве он имеет право решать, что лучше, за неё. Это удел Богинь.

Глава 7. Вынужденная остановка

Я была русалкой со всеми необходимыми для этого образа атрибутами — голая грудь, прикрываемая лишь волосами, которые стали в два раза гуще и длиннее, а вместо ног был настоящий хвост. Он был аквамаринового цвета с блестящими, переливающимися на свету чешуйками и красивыми зелёными плавниками, тонкими и прозрачными, как паутинка. Я кружилась и вертелась, раскинув руки и наслаждаясь ощущением полёта и свободы.

Реальность же, которая пришла на смену этому замечательному сну, была совершенно иной.

Легкости не было и в помине. Наоборот, тело казалось неповоротливым и каким-то чужим. Словно оно принадлежало не мне, а кому-то совершенно другому.

Тихо застонав, коснулась рукой лба и тут же с шипением одернула её, нащупав огромную шишку.

Еще что-то очень сильно шумело и визжало. Словно я забыла выключить будильник, и он теперь истошно вопил. Звук был такой же противный и пронзительный. Хотелось спрятаться под подушку, лишь бы его не слышать. В этот момент пришло осознание того, что, оказывается, я лежала не на кровати, а на чём-то очень твёрдом и холодном.

Глаза пришлось открыть. Пара секунд мне понадобилась для того, чтобы сфокусировать взгляд и разобраться, что же такое я в данный момент видела. Надо мной был тёмный потолок с какими-то проводами и трубами. Отчего-то всё виделось в красном цвете.

И тут же поморщилась от неприятного запаха палёного пластика или горелых проводов. Запах был резкий и удушающий. От него перехватывало дыхание и щекотало в носу.

Нахмурившись еще больше, я попыталась повернуть голову. Кожа на скуле болезненно натянулась и вспыхнула болью.

— Очнулась? — словно из ниоткуда возник Александр.

Мужчина сел рядом со мной на колени и заботливо убрал волосы, которые от неосторожного движения упали на глаза.

— Голова болит? Тошнота?

— Болит, — прохрипела я и скривилась. Горло саднило так, словно я песка наглоталась. — Не тошнит.

— Пить хочешь? — спросил он, внимательно меня осматривая.

«А глаза у него карие, — внезапно поняла я. — Причём не просто карие, а того редкого цвета, так похожего на молочный шоколад. А я и не знала».

— Да.

Александр пододвинулся ближе, осторожно приподнял мою голову и поднёс прозрачный стакан к пересохшим губам.

Живительная влага обожгла горло огнем, и я раскашлялась, едва не поперхнувшись. Стакан тут же был убран.

— Тихо, тихо, — пробормотал Переславцев, поднимая меня и прижимая к себе, слегка похлопав по спине. — Дыши.

От него пахло дымом и еще немного потом. Запах не был противным, наоборот, мне отчего-то захотелось пододвинуться еще ближе. Наверное, мне просто не хватало дружеского общения и маминого тепла.

— Что произошло? — отдышавшись, просипела я и слегка отодвинулась от него. Такая

близость с Переславцевым отчего-то страшно смущала и нервировала. Особенно теперь, когда он вдруг стал таким любезным.

— Ты что-нибудь помнишь?

Пришлось поднапрячься, пытаясь пробраться сквозь черный занавес, который словно пологом накрыл воспоминания.

Но я вспомнила. Зубы. Много зубов, и они были большие. А следом жуткий страх и ожидание неминуемой гибели.

— Алги. Он напал на нас, — закрыв на мгновение глаза, прошептала я. — Защита не сработала?

— Сработала. Только хищнику это сильно не понравилось, и он одним ударом отправил нас на дно. По всей видимости, мы задели один из рифов.

— Это серьёзно?

От мысли о возможном затоплении мне стало дурно. Как бы тяжела ни была моя доля, умирать я не собиралась. Тем более таким жутким способом.

— Нет, — поспешил успокоить меня мужчина. — Пробоин нет.

— Это хорошо. Ты вызвал помощь?

Как-то незаметно я стала обращаться к нему на «ты». Это вышло случайно и непреднамеренно, но показалось таким естественным, что исправляться я не стала.

— А вот с этим у нас проблемы, — быстро убирая руки и отсаживаясь в сторону, ответил Александр. — Во время удара была повреждена антенна. Произошло короткое замыкание, из-за которого сгорел центр связи.

Так вот откуда запах гари и горелого пластика.

— И как теперь быть? Ждать помощи?

— По этому маршруту не ходят корабли, Кэтти. Сомневаюсь, что нас скоро бросятся искать. А сами выйти на связь мы не можем.

Всё интереснее и интереснее. А я уже думала, что с приобретением лазерной связи закончились мои приключения на Эквей. Как же я ошиблась.

— А где ОН?

— Уплыл. Защита отлично сработала... Знаешь, а я ведь никогда не видел алги так близко. Они по понятным причинам сторонятся городов и популярных маршрутов.

— Возвращаемся на Аквали? — с надеждой спросила его.

— Не знаю. Надо посмотреть, не повредили ли при падении еще что-нибудь кроме антенны, — задумчиво произнёс он и вновь взглянул на меня. — Тебе легче?

— Еще не знаю, — честно призналась я.

— Встать сможешь?

— Не уверена. Я бы еще посидела немного.

— Хорошо, — Переславцев резко встал. — Если хочешь, я могу отнести тебя в твою каюту.

— Нет, я лучше тут посижу. Можно?

Сидеть в тёмной каюте в одиночестве мне совершенно не хотелось. Уж лучше здесь, на холодном полу, но рядом с Александром.

— Хорошо. Иди сюда, — неожиданно произнёс мужчина и, наклонившись, поднял меня на руки.

— Что ты делаешь? — ахнула я, цепляясь за его рубашку и невольно краснея.

— Переносу тебя на кресло. Нечего сидеть на холодном полу, — невозмутимо ответил

тот, сажая меня. — Сиди. Мне надо проверить приборы.

Вот таким образом и началась наша неожиданная задержка. Лично я считала, что нам хватит дня, максимум двух, для того, чтобы справиться с последствиями удара, выяснить, что именно пришло в негодность, починить и отправиться в дальнейшее путешествие. На самый крайний случай мы должны были починить передатчик и отправить сигнал о бедствии.

Я была в этом совершенно уверена, забывая о технических составляющих данного процесса. А ведь нас было лишь двое. Точнее, полтора человека, потому что помощник был из меня не ахти какой. Чего еще ждать от вчерашней школьницы? И еще я как-то не подумала о том, может ли Александр что-то сделать. В моём представлении этот мужчина мог всё и никак иначе.

А ведь он, и правда, очень многое умел. Пока я сидела, пытаюсь не свалиться со стула, мужчина приступил к выявлению неисправностей. Голова продолжала гудеть, слабость периодически накатывала, и глаза закрывались сами собой. Приходилось прикладывать усилия, чтобы держаться прямо. Для того чтобы хоть как-то сконцентрироваться, смотрела на мужчину.

Александр снял защитную стенку внизу приборной панели, лег на спину и практически по грудь залез внутрь. Наружу полезли целые пучки проводов, какие-то микросхемы.

— Ну и что там? — не выдержала я.

— Еще не знаю, — глухо ответил тот и вытащил очередную порцию проводов. — Несколько плат перегорело, парочка оплавилась.

— Это серьезно?

— Надо кое-что проверить. Пока я всё не поменяю, плыть мы не можем. Опасно.

Мы и проверяли. Уже пять дней.

Чего только не произошло за это время. Каждый день какое-нибудь приключение и обязательно с моим участием. Мне даже кажется, что Александр начал меня побаиваться. Но я же не специально. На самом деле, со стороны может и выглядело попыткой отсрочить поездку, я не самоубийца, чтобы такое творить.

В первый день я чуть не сожгла проводку. Честное слово, произошло всё случайно. Придя в себя, я решила, что нам надо подкрепиться. Перенесённый стресс плюс волнения, выброс адреналина и небольшое ранение требовали хорошего питания. Хватаясь за поручни, по стеночке добралась до кухни, где сразу же соорудила бутерброд. Не знаю, кому как, а меня жевание успокоило. Хотя челюсть ныла, скула болела, а шишка зудела, но я продолжала упорно жевать. В голове сразу прояснилось, и жизнь стала не такой грустной. Мы же живы, здоровы, а это самое главное.

Поэтому, водрузив на прозрачный поднос еду и, два стакана с соком, я направилась в рубку. Нести свет в сознание Переславцева.

И, конечно, споткнулась о провода. Пока меня не было, он накидал их по всему полу, продолжая вытаскивать новые, а я зацепилась. Случайно же.

Громко охнув, упала на колени, а поднос полетел дальше. Прямо на приборную панель.

— Ох! — только и могла прошептать, словно в замедленной съемке смотря, как стакан падает и переворачивается, заливая всё вокруг.

Что-то громко треснуло, щелкнуло, и пошел небольшой дымок.

— Какого! — рывкнул Александр, выползая и недоверчиво смотря на последствия моего падения. — Это что?

— Авария, — тяжело вздохнув, созналась я.

На второй день мы пытались счобрать и засунуть провода и кабели ноазад под приборную панель. Парочку сжогевших плат мужчина поменял. Хорошо, что кое-какие запасные детали и ремонтные инструменты нашлись в кладовой. Переславцев оказался опытным ремонтником, который всё делал чётко, верно и без лишних телодвижений. Я вдруг подумала, что, скорее всего, он приобрел очень богатый опыт за те три года, что отсутствовал на Эквей.

Александр опять залез внутрь и называл, какие провода надо подать. Какого цвета, размера и прочие отличительные черты. И вот он просит подать синий. Я знала, что мужчины не разделяют цвета на лазурный, васильковый, сапфировый, темно-синий, сизый, небесный и множество других оттенков, но не думала, что это так критично. Так что, когда Переславцев попросил подать синий, я его и подала. Кто же знал, что он имел в виду другой синий, который мне казался тёмно-голубым. И надо было ему не посмотреть, а сразу подсоединить. И, конечно, опять была виновата я. Зато кое-кто стал более внимательным.

Третьего дня наших злоключений я чуть не сломала себе шею. А произошло это так. Надо было залезть наверх в технический короб для того, чтобы посмотреть, как обстоят дела с проводами там. Так как проём был очень узкий, лезть пришлось мне. Александр поставил лестницу и страховал внизу. Кряхтя и извиваясь всем телом, я кое-как вползла в узкое пространство, фонарик, что крепился на лбу, тускло освещал тёмные длинные коробки с толстыми проводами.

— Ну, как дела?

— Запаха гари не чувствую, — крикнула в ответ и чихнула.

До чего же много здесь было пыли. Потерев нос, я внимательно осмотрелась и на всякий случай потрогала кабели. Мало того, что пыльно, здесь еще было душно, и я моментально покрылась потом.

— Вроде всё нормально.

— Ты уверена?

После четвёртого внимательного осмотра, я удовлетворительно кивнула.

— Да, всё нормально.

— Тогда слезай.

Виляя попой и стиснув зубы, начала двигаться назад, пока не нащупала ногой ступеньку. Еще немного и вторая нога нашла опору.

Конечно же, я опять начудила. Где-то на середине пути у меня сполз со лба фонарик, больно щелкнув по носу. И, естественно, я тут же попыталась его поймать, рефлекторно откидываясь назад. Понятное дело, что в этот момент ноги соскользнули, я еще сильнее откинулась и полетела вниз. Единственное, что я успела сделать, это вскрикнуть и зажмуриться. Сжимая в ладонях распроклятый фонарик, падая прямо в объятия Александра. Надо отдать должное, Переславцев меня поймал и даже не покачнулся. Быстро прижал к себе и ругаться не стал. Наоборот, неожиданно хмыкнул и тихо произнёс:

— Жива?

Открыв глаза, взглянула на него и нерешительно кивнула. Было стыдно. Ну почему это происходит только со мной?

Он был очень близко и сжимал так крепко, что кожа на щеках загорелась предательским румянцем. А ведь Александр был красивым и притягательным мужчиной, вот только глаза всё еще оставались тусклыми и лишенными жизни. И этот контраст красоты и смерти вызывал непонятные чувства в душе, заставляя всматриваться в его лицо.

Неожиданно смутившись, быстро отвела взгляд и заерзала, пытаясь слезть.

— Спасибо, — пробормотала.

— Пожалуйста. Значит, говоришь, наверху всё нормально?

— Да, — избегая смотреть на него, ответила я и поправила задравшуюся куртку.

А вчера чуть не случился маленький взрыв.

Честное слово, в этот раз я была не виновата. Вот, правда. Я к этой штуке, которую с таким увлечением без перерыва на еду и отдых делал Александр, даже не подходила. Меня настораживали эти провода, колбы и непонятные схемы. Что бы он ни делал, на работу корабля это никак не влияло. Спрашивать, что это такое, я не решалась, но то и дело косилась в сторону непонятной конструкции.

Так вот, в тот момент я сидела за пультом и проверяла специальным аппаратом, подключены ли все провода правильно, есть ли напряжение.

А в следующую секунду раздался вопль:

— Катька, ложись!

Среагировать и подчиниться я не успела, разве что привстала с кресла. Тут же меня схватили в охапку, повалили на пол, всей своей тушей придавливая сверху. У меня воздух вышибло от такой тяжести, а от удара звездочки из глаз чуть не выскочили.

Расширенными от ужаса глазами, полностью дезориентированная, я непонимающе смотрела в потолок и пыталась понять, что же такое могло произойти. Ведь всё нормально было.

Прошла пара секунд, потом еще, и ничего не происходило. Лишь леденящая душу тишина вокруг нас, прерывистое, тяжелое дыхание и биение сердца так близко от моего.

Приподнявшись на локтях, Переславцев оглянулся и непонимающе нахмурился.

— А что случилось? — тихо спросила я.

— Что? — переспросил он, поворачиваясь.

И мы застыли. Нос к носу, глаза в глаза. Не знаю, как он себя чувствовал в это мгновение, но мне внезапно стало душно и очень жарко. И мысли от такой температуры стали плавными и такими ленивыми. Я даже забыла, что у него спросила всего пару секунд назад.

— Как ты меня назвал? Катя?

— Катя, — кивнул мужчина.

Быстрый взгляд карих глаз скользнул по лицу, слегка задержавшись на моих пересохших губах. А ощущение было такое, словно не взглянул, а губами коснулся. Господи, что за мысли? Как они вообще могли прийти мне в голову?

— И откуда это? — прохрипела я, чувствуя, как щеки наливаются ярким румянцем. Что-то в последнее время я стала слишком часто краснеть.

— Древнерусский вариант твоего имени.

— А у тебя какой? — прошептала едва слышно, стремясь продлить это ощущение близости, не только физической, но и эмоциональной. Он словно начал открываться, впервые за столько времени. Даже тяжесть его тела не раздражала, наоборот, было в этом что-то притягательное.

— Саша, Саня, можно Шурик.

— Шурик? — смешок вырвался против воли и тихим эхом прокатился по рубке.

— Не похож? — улыбнулся он в ответ. В глубине глаз неожиданно мелькнули озорные искорки.

— Нет. А вот Саша звучит хорошо. Не так грубо и официально. Так что случилось, — лукаво улыбнулась и закончила, — Саша?

— Я думал, будет взрыв, — признался он, вставая и помогая мне подняться.

— Что значит — взрыв? — я быстро сделала шаг назад и в сторону, прячась за его спину и с опаской глядя на непонятный предмет.

Неужели правда бомба?

— Это небольшое взрывное устройство направленного действия, — поворачиваясь лицом ко мне, произнёс он.

— Господи, но зачем?

— Для того чтобы выбраться из рифа. Мы крепко погрузились в ил.

— Но как ты собираешься это повернуть? А если взрывом уничтожит или повредит обшивку корабля?

— Это взрыв направленного действия. Я всё просчитал.

— Просчитал? — подозрительно сузив глаза, я внимательно его изучила. — Взрыв направленного действия? Ты ведь не первый раз этим занимаешься, не так ли?

Лишь пожал плечами. Но я поняла, что попала в точку.

— И чем ты занимался эти три года, если научился делать бомбы?

— Неважно. Всё давно в прошлом.

— Ты чуть нас не взорвал, — напомнила ему, скрестив руки на груди. — Как вообще можно проводить столь опасные эксперименты здесь?

— Но не взорвал же, — вновь непонятное пожатие плеч, которое уже начало немного раздражать. — Катя, я уже неоднократно этим занимался. Да я её с закрытыми глазами собрать могу.

— А как объяснить то, что произошло? Ты же решил, что будет взрыв.

— Случайность.

— Я не верю в случайности.

— Я тоже, — неожиданно согласился мужчина и как-то странно на меня посмотрел, словно видел в первый раз.

Несмотря на случившееся, плюс в его поведении, несомненно, был. Исчезла холодность. Конечно, до того Александра, что я помнила, было еще далеко, но первый шаг был сделан. И этот новый Саша нравился мне гораздо больше.

И сегодня утром ему предстояло выйти наружу, закрепить взрывчатку и вернуться обратно. От тревоги и страха я не спала всю ночь, вертелась с одного бока на другой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Какие только мысли не посещали меня, какие ужасы только не виделись — от огромного взрыва, из-за которого мы утонем, до жутких видений с участием хищников. А вдруг горхи появятся или алги вернётся?

Под утро я всё-таки задремала и, конечно, проспала. Поняв, что опаздываю, и Переславцев, не дожидаясь меня, вот-вот выйдет в открытый океан, вскочила с кровати и, не переодеваясь, бросилась из каюты.

И точно. Мужчина уже надел суперобтягивающий костюм, похожий на чёрную рыбу чешую, и собирался водрузить на голову шлем, когда я вбежала в отсек.

— Саша!

— Катя? — он смерил меня удивленным взглядом и опустил шлем. — Ты чего?

— Не надо, — только и смогла прошептать я, до боли сжимая кулаки и чуть ли не

плача. — Пожалуйста, не надо.

Надо отдать должное, Переславцев сразу понял, что со мной происходит.

— Иди сюда, — Саша крепко обнял и ласково погладил по спутанным волосам. — Всё будет хорошо. Ничего не случится.

— А если горхи?

— У меня есть энерго-импульс.

— А агли? — не сдавалась я, всхлипывая.

— Я буду недалеко от корабля. Обещаю, всё будет хорошо. Ты мне веришь?

Кивнула, вытирая ладошкой слезы, и отступила на шаг.

— Возвращайся. Я буду ждать.

— Иди, — улыбнулся он, надевая шлем и слегка подталкивая меня в отсек.

Лишь только Александр скрылся под водой, до меня дошло, во что я была одета — узкий обтягивающий топ и короткие шорты. Даже халат не успела накинуть.

Но стесняться и думать было некогда. Я ринулась к иллюминаторам.

Установка бомбы прошла успешно, и никто из кровожадных созданий так и не появился. Саша вернулся через час. Мягко улыбнулся и предложил пойти в рубку.

— Ты будешь взрывать прямо сейчас? — халат я надела, пока он плавал, и теперь тревожно наблюдала за ним.

— Тянуть смысла больше нет, — ответил он, садясь в своё кресло и пристёгиваясь. — Взрывная волна послужит толчком, и нас выбьет из ила.

— Ты уверен? — в сотый раз просила у него, с опаской глядя на дистанционный пульт.

— Да. Готова?

«НЕТ!»

— Да, — и зажмурилась.

Прошло две секунды, и корабль неожиданно трянуло

Глава 8. С днём рождения, тебя!

Удивительно, но у нас действительно всё получилось. Корабль тряхнуло и взрывной волной отправило вверх. Воспользовавшийся этим, Саша сразу запустил двигатели и потянул штурвал на себя. Пару раз чихнув, выплевывая песок, ил и ракушки, они всё-таки завелись. Нас вновь тряхнуло, но уже слабее, немного поводило из стороны в сторону, а потом всё нормализовалось.

Всё это время я боялась даже вздохнуть. Сидела, вцепившись в поручни, закрыв глаза, и мысленно читала все молитвы, которые знала.

— У нас получилось? — еще не веря до конца, прошептала я, взглянув на него.

Вид, наверное, у меня был еще тот.

— Получилось, — кивнул мужчина и улыбнулся. — Мы молодцы.

Плохо соображая, трясущимися руками расстегнула ремень безопасности и бросилась прямо к Саше. Такие вот мы девушки эмоциональные и любим обниматься. Иногда необходимость этого полностью блокирует сознание, выключая мозг. Со мной произошло примерно то же самое. Я плюхнулась ему на колени, обхватила шею руками и прижалась всем телом.

— У нас получилось! Получилось!

Мне хотелось и смеяться, и плакать — столько разноплановых эмоций переполняло душу, мечтая вырваться наружу.

Потом я внезапно ощутила большие тёплые ладони на своей талии, горячее дыхание, что обжигало кожу у виска, и крепкое мужское тело подо мной. А на мне лишь коротенькая пижама и тоненький халатик.

— Ой, — выдохнула я и шарахнулась, чуть не упав с его колен.

— Осторожнее, — усмехнулся он, успев удержать меня и еще сильнее сжав талию.

— Прости, я не хотела, — быстро поднявшись, отступила на шаг и неловко улыбнулась.

— Всё нормально.

Легкость общения куда-то делась, как и счастье по поводу освобождения. Воздух стал непривычно густым и терпким, он словно пропитался запахом этого взрослого мужчины. Взгляд карих глаз слегка поплыл. Девочка я была взрослая и понимала, что это значит, как и понимала своё собственное состояние. Поэтому и испугалась.

«Неправильно всё это. Нечестно и некрасиво. Разве можно интересоваться мужчиной, когда влюблена в другого. Я же люблю Финора?»

Но образ жемчужного эквейта за прошедшее время стёрся из памяти, потускнел и будто утратил краски. Чувства еще оставались, но не было того огня и желания, который сжигал меня раньше. Лишь щемящая душу нежность и грусть.

А вот Александр вызывал во мне целый калейдоскоп самых разнообразных эмоций. Он возбуждал интерес, хотелось проникнуть под его панцирь ледяного равнодушия и поковыряться там в своё удовольствие. Еще я им восхищалась — Саша так много знал и так много умел. В конце концов, он был очень симпатичным.

«Вот чёрт. Надеюсь, ты не собираешься в него влюбляться, Кэтти? Это будет очень и очень плохой идеей», — сказала сама себе и тяжело вздохнула.

— Я пойду в каюту. Ночью спала плохо, волновалась. Надо отдохнуть, а то голова болит сильно, — пробормотала и попятилась к выходу.

Александр не стал меня останавливать.

— Хорошо. Если нужно будет что-то, зови, — кивнул он и вновь склонился над пультом управления.

— Хорошо, — и, развернувшись, побежала вниз.

В каюте я упала на кровать, зарываясь лицом в подушку.

Только этого не хватало для полного счастья. Это же надо такое было придумать. Это же Переславцев. Всему виной замкнутое пространство и отсутствие других людей. Поэтому я акцентирую всё внимание на него, вызывая в душе эти запретные, ненужные чувства.

Я всё-таки уснула, и снился мне Саша. Тот, которым он был три года назад, до того, как улетел с Эквей. Весёлый, обаятельный с неизменной улыбкой на губах и смешинками в шоколадных глазах.

Сон был путанный, странный, полный противоречивых образов, что с невероятной скоростью сменяли друг друга, не давая сознанию закрепиться. А потом и вовсе рассыпался сотней блесков, сложившись в форме двух полупрозрачных крыльев.

Проснувшись я ближе к вечеру. Переделалась и пошла в столовую. Есть хотелось страшно. Перенервничав из-за взрыва и страха за жизнь Саши, я так ничего и не ела, поэтому живот болезненно скручивало от голода.

Соорудив себе бутерброд, села за стол и с наслаждением откусила.

Что же делать дальше? Как себя вести? Может, стоит свести общение к минимуму. Ведь по сути это именно я была инициатором нашего тесного общения.

— Вот и допрыгалась, — мрачно констатировала сама себе и вновь принялась жевать.

Бутерброд исчез быстро, а чувство насыщения не приходило, хотя первый голод был утолён. И я решила сделать себе омлет.

Даже сама не заметила, как автоматически сделала двойную порцию. Так привыкла за эти восемь дней готовить для нас двоих, что и сейчас поступила так же.

— Ну не выкидывать же, — вздохнула я, выключая плиту.

— Пахнет вкусно. А для меня кусочек есть? — раздался голос сзади.

Я громко охнула и чуть не вывалила на себя содержимое сковороды.

— Ох!

— Прости, я не хотел тебя напугать, — Саша быстро подошел и забрал у меня сковороду. — Выспалась?

— Да, спасибо, — опустив глаза, ответила ему. — Ты будешь омлет?

— Буду. Всё нормально?

— Да.

Достав тарелки и столовые приборы, села за стол и принялась кромсать омлет на части.

— Я уже стал волноваться. Ты так долго спала, — продолжал тем временем Переславцев. — Уже хотел идти тебя будить.

«Он, я, кровать»...

Нож в руке дрогнул, зацепившись за край сковороды, и я отчаянно покраснела. И тут же разозлилась на себя и эту яркую реакцию.

— Просто устала.

— Понятно.

Ужин прошёл в молчании. Никто из нас не делал попытки заговорить, думая каждый о своём.

На следующий день я старалась как можно меньше попадаться Саше на глаза. Почти не

заходила в рубку. Из комнаты выходила лишь для того, чтобы приготовить еду. Его близость пугала, голос вызывал томление в груди, а от одного взгляда на него сердце замирало и тут же начинало биться чаще.

— Кэтти — ты дура, — мрачно заявила я себе перед сном. — Впереди маячит перспектива стать божественной игрушкой, а ты влюбилась в совершенно неподходящего мужчину. Кто бы мог подумать, что ты такая ветренная особа. Вчера — Финор, сегодня — Александр.

Всё изменилось на десятый день нашего путешествия.

В столовой, прямо посередине стола стоял огромный торт, который я сразу увидела, стоило мне только войти внутрь. Увидела и застыла, непонимающе нахмурившись.

Торт был красивым. Три яруса разных размеров, покрытый белоснежной мастикой и украшенный съедобными цветами и листочками нежно-розового и кремового цвета. Они были так искусно сделаны, что выглядели как настоящие. И это кукольное совершенство и невероятная красота были словно плевки в душу — кусочек той нормальной жизни, к которой мне теперь никогда не суждено будет вернуться.

— Торт? — раздался сзади удивлённый возглас Александра, что вошёл в столовую следом за мной. — У нас сегодня праздник?

«Значит, не он. Впрочем, я на него и не думала. Сомневаюсь, чтобы ему удалось сделать такую красоту. Но кто? Богиня? Зачем? Ничего не понимаю. И главное, как? Получается, она имеет свободный доступ на корабль. Но тогда почему не помогла нам?»

От сотни вопросов у меня закружилась голова.

— Можно и так сказать, — сухо ответила ему, сложив руки на груди.

— И что отмечаем? — подойдя ближе, мужчина поддел пальцем крохотный кусочек крема и отправил его в рот. — М-м-м, очень вкусно. Когда ты успела сделать этот шедевр?

— А это не я.

— В каком смысле?

— В прямом. Я понятия не имею, как он здесь оказался. А отмечаем мой день рождения. Мне сегодня восемнадцать лет исполнилось, — как можно равнодушнее ответила ему.

— Правда? — после чего неловко добавил. — С днём рождения. Я не знал. Даже подарка нет.

— Не стоит. Сейчас это не имеет смысла. И этот торт, — я вновь взглянула на трёхъярусное чудо. — Просто убери его.

— Куда?

Как же у меня чесались руки взять это великолепие и запустить в стену. А потом с невероятным наслаждением и злорадством смотреть, как медленно сползает шедевр кулинарного искусства, как изуродованные цветы некрасивыми ошметками с противным чпоком падают на пол, как стекает крем, оставляя после себя отвратительные разводы. Всё вокруг становится липким и ванильно-сладким.

— Не знаю. Рыбок покорми. Наверное, им должно понравиться. Просто убери его отсюда. Не могу это видеть, — произнесла я и попятилась к выходу.

— Кать.

— Я не хочу есть. Прости. Мне надо... к себе. Сейчас.

И бросилась в свою каюту.

Слёзы. Опять слёзы.

Зачем она так со мной? Я ведь только успокоилась, пришла в себя, даже смирилась с судьбой. А она мне этот торт подсунула.

День рождения — это праздник. Это мама, которая всегда будила меня рано утром, крепко обнимала и целовала, желая счастья и исполнения желаний. Это улыбки подруг и подарки в ярких шелестящих упаковках с огромными смешными бантами. Это крошка Индин на моих руках.

— Тебе не понравился мой подарок? — Богиня вновь возникла из ниоткуда и села рядом на кровать.

Легка на помине. Как говорится — помяни чёрта...

— Зачем? — прохрипела я, сглатывая слёзы.

— Хотела сделать тебе приятное.

— У вас не получилось.

— Я думала, тебе понравится. Это ведь твой любимый торт.

Как она не понимает, что дело не в торте.

— Мне ничего не нужно, — отворачиваясь, ответила ей и принялась стирать слёзы. Не достойна она их видеть. И я больше плакать не буду. Надоело.

— Зачем же лишать себя праздника?

— Его лишили меня вы. Так же, как и родных, и друзей. Думаете, ваша подачка что-то изменит?

Но она не оскорбилась на мой резкий выпад. Лишь загадочно улыбнулась и тихо ответила:

— Изменит. Она уже меняет.

И исчезла.

В ту же секунду раздался стук.

— Кать, открой, пожалуйста, — голос Саши глухо звучал из-за двери.

Конечно, я открыла. Глупо было прятаться.

— Ты плакала, — нахмурился мужчина и неожиданно схватил за подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Немного, — прошептала в ответ, зачарованно наблюдая, как другой рукой мужчина осторожно стирает слезинки с моих щек.

— Ты не должна плакать. У тебя сегодня праздник. Понимаю, что компания у нас не очень многочисленная, но и хандрить я тебе не позволю. У тебя есть праздничное платье?

— Не знаю. Чемоданы собирала не я.

— Ищи. Наряжайся и наводи марафет. А я буду тебя ждать.

— А как же мы поплывём? Кто будет за штурвалом? Или ты опять включишь искусственный интеллект?

— Мы никуда сегодня не поплывём. У нас праздник, — Саша легко щелкнул меня по носу и отпустил. — Одевайся. Я буду ждать тебя.

После его ухода я еще минут десять просидела на кровати, аккуратно, как школьница, сложив руки на коленях и уставившись в одну точку. В голове не было ни единой мысли, просто пустота, что молчаливым эхом перекликалась с той, что царила в глубине моего сердца.

Но так долго продолжаться не могло. В какой-то момент я будто включилась. Выпрямилась, рассеяно осмотрелась, пытаюсь понять, что же такого важного должна была сделать.

Переодеться. Саша же просил меня переодеться.

Большую часть своих вещей я так и не разобрала. Сначала считала это бессмысленным занятием, потому что путешествие должно было продлиться всего неделю. А после было не до этого. Поэтому понятия не имела, что положили мне девчонки, и есть ли там что-то праздничное и красивое. Меня же вроде как отправляли в последний путь. А какие там могут быть развлечения?

Нежное лавандовое платье лежало на самом дне сумки. Лиф платья чётко облегал грудь, делая её еще выше, обрисовывал тонкую талию и мягкими волнами обрамлял бёдра. Оно было бы обычным и традиционным, если бы не было длиною до колен, открывая лодыжки. Никаких лишних узоров, лишь струящаяся ткань, что приятно льнула к телу, лаская обнажённую кожу. Изящный поясик золотистого цвета и минимум украшений — вот и всё, что было нужно. Немного подумав, я распустила волосы, отчего они мягкими волнами упали вниз, щекоча открытые плечи и спину.

— Гулять так гулять, — пробормотала я, доставая косметичку.

Перламутровые тени, тёмный карандаш, тушь для ресниц и легкий розовый блеск на губах в одно мгновение преобразили лицо, делая ярче. Словно это уже была не я, а кто-то другой.

Нравилась ли мне девушка, что отразилась в высоком зеркале? Сложно сказать. Нравилась, но я еще не могла поверить, что это действительно я.

— Знаешь, раз тебе уже восемнадцать, то ты уже совсем взрослая. Как ты относишься к вину? — не оборачиваясь, спросил Александр, продолжая рыскать в шкафах, когда я зашла на кухню. — Ты не поверишь, но я, кажется, нашел тут любимое вино Князя, то самое, серебряного цвета.

— Отлично, — откликнулась в ответ, зябко поводя плечами и немного нервничая.

Пока меня не было, Переславцев накрыл праздничный стол, в центре которого продолжал возвышаться торт, и даже украсил столовую. Неизвестно где нашёл то ли гирлянды, то ли сигнальные огни и развесил по потолку. Теперь они приятно сверкали и мерцали сотней равноцветных огней.

— Правда, еще только утро, точнее, почти обед, но мы растянем удовольствие, — произнёс он и, наконец, обернулся.

Вот для этого и стоило наряжаться и приводить себя в порядок. Чтобы мужчина ТАК посмотрел. Саша застыл на мгновение, расширенными глазами осматривая меня с ног до головы, словно еще не веря в то, что это действительно я. Взгляд скользил вверх-вниз, когда он шагнул ко мне с бутылкой в руке и тут же застыл.

— Кхм... Кэтти. Ты отлично выглядишь, — спустя пару долгих и томительных секунд, ответил мужчина.

— Спасибо, — улыбнулась ему и неловко пожала плечами, не зная, что делать дальше.

Отчего-то стало неловко.

— Такая взрослая.

— Мне же восемнадцать.

— Ну да, ну да, — рассеяно пробормотал он в ответ и встряхнулся. — Прошу за стол.

— И что мы будем делать? — осторожно уточнила у него, присаживаясь на один из стульев и поправляя платье.

— Отмечать.

— Весь день?

— Весь день, — кивнул Саша и принялся открывать вино. — У тебя есть возражения?

— Нет, возражений нет. Просто интересно, какую программу развлечений ты приготовил, — продолжала допытываться я.

— Для начала мы позавтракаем.

— Тортом? — уточнила я со смешком.

С громким чпоком пробка вылетела из бутылки.

— Совершенно верно, — ничуть не смущаясь, ответил мне Переславцев, разливая серебряную жидкость по бокалам. — Свечи поставить?

— Какие свечи? — я растерялась на мгновение.

— На торт.

— Нет. И желание загадывать не буду, — принимая у него бокал, ответила я.

— А зря. Это же древняя традиция — задувать свечи и загадывать желание. Впрочем, как хочешь. Итак, с меня тост.

Саша вскочил и задумался на мгновение.

— За тебя, — в конце концов произнёс он.

— Лаконично и по существу, — фыркнула я.

— Я еще не закончил, — мужчина неожиданно стал очень серьёзным. — Знаешь, три года назад мы ведь не общались толком. И мне сложно сказать, какой ты была. Но я знаю, какой ты стала. Честной, открытой, доброй и красивой. В наше время сложно найти кого-то, который готов отказаться от собственной жизни ради другого, даже близкого человека. А ты отказалась. Не стала прятаться, надеяться на чудо. Просто взяла и сделала. Одно это вызывает восхищение.

С каждым произнесённым словом я краснела всё больше. Но тоски и боли от воспоминания о том, что совершила, отчего-то не было. Я сделала это не ради слов и восхищения, а просто потому что должна была, но всё равно услышать такое было очень приятно.

— Конечно, ты немного неуклюжая, — неожиданно заявил Саша.

— Эй! — возмущенно вскрикнула я. — Это не считается.

— Ладно, хорошо, те случаи не считаются. Я лишь хочу пожелать тебе — вернуться домой.

— Спасибо.

— К своим родным, близким и друзьям, которые ждут тебя, любят и верят. Ты достойна самого лучшего. За тебя, Кэтти, — он отсалютовал мне бокалом и тут же выпил до дна.

— За меня, — прошептала и сделала первый глоток.

Я уже пила это вино, но всё равно не могла не восхититься богатым вкусом и терпким букетом экзотических фруктов и ароматов. Алкоголь быстро разбежался по венам, даря мне ту легкость, весёлость и раскрепощенность, которой мне так не хватало.

— Остальное выпьем вечером, — заявил мужчина, отставляя бутылку в сторону. — А теперь, именинница, разрежь торт.

— А какая у нас вообще программа предусмотрена на сегодня? — принимая нож, поинтересовалась я.

— Развлекательная, — еще больше нагнал туману Саша и хитро улыбнулся.

И ведь не солгал.

Это был странный день. Наверное, у меня еще никогда раньше не было такого интересного и необычного дня рождения.

Торт, подаренный Богиней, действительно оказался очень вкусным. Бисквит таял во рту, а вкуснейший крем с нотками цитрусовых буквально побуждал закатить глаза от наслаждения и замурлыкать. Но я держалась. Конечно, весь его съесть мы не смогли.

Убрал остатки в холодильник, а посуду загрузив в машинку, мы отправились в гостиную, где Переславцев предложил мне сыграть в «КосмоБой». Это была одна из лучших виртуальных игрушек последнего поколения с максимальным погружением в игру и кучей наворотов. Я играла в старую версию еще на Земле, а тут вдруг такое неожиданное предложение.

— Что ты мне предлагаешь? — переспросила у него, беря в руки виртуальный шлем и недоверчиво качая головой.

«Может, мне всё это послышалось? Он же взрослый дядечка, а это игрушка. Я слышала, что мужчины — как дети, но не до такой же степени».

— Сыграть, — как ни в чём не бывало, ответил Саша, присаживаясь на диван.

— А ты умеешь?

Переславцев взглянул на меня как на сумасшедшую.

— Кать, я же родился и вырос на Земле, — терпеливо произнёс мужчина. — Конечно, умею. День рождения подразумевает развлечения. К сожалению, мы на корабле, и выбрать особо не из чего. Но «КосмоБой» — отличная игра. Или ты против?

— Давай попробуем, — с сомнением ответила ему, надевая шлем.

«Ты считаешь меня ребёнком?» — хотелось спросить у него.

Но я промолчала. Хотя толика разочарования осталась. Несмотря на возраст, платье и макияж, Александр всё ещё видел во мне угловатую девочку-подростка.

Неожиданно «КосмоБой» затянул, и время полетело незаметно. Мы играли за двух земных штурмовиков, летали на небольших кораблях, разгадывали ребусы, выполняли задания и пытались обыграть друг друга. Мы кричали, ругались, смеялись, требовали чего-то, забыв, кто есть кто. Саша практически всё время был впереди, но недалеко, словно ждал меня. Эти поддавки немного раздражали и взвинчивали. Я злилась, просила играть честно, но подловить его на поддавках не удавалось.

Незаметно пролетело время. Согласившись на ничью и пообещав друг другу еще один раунд в ближайшем будущем, в котором обязательно определим победителя, мы отправились на кухню. Есть хотелось страшно. Саша пытался уговорить меня пойти к себе и немного отдохнуть, пока он займётся ужином, но я настояла на своём присутствии.

Готовка прошла весело. Для начала Переславцев всё-таки спалил жаркое, превратив сочное мясо в обгоревшие угольки. Потом у меня прямо в руках взорвался переспевший фрукт с экзотическим названием гуйри. В одно мгновение он обрызгал нас с ног до головы липкой синей мякотью и сочным соком. Переглянувшись, мы расхохотались и отправились переодеваться. На этот раз я не стала мудрствовать и надела любимые джинсы и старый топ, а волосы собрала в высокий хвост.

Пока мы приводили себя в порядок, у нас сгорела вторая партия мяса. Поэтому пришлось довольствоваться бутербродами и тортом, запивая всё вином.

Вечером мы сидели в рубке, каждый в своём кресле, пили вино и смотрели, как океан готовится ко сну. Медленно угасали огни моллюсков, и наступала ночь. Разговаривать не хотелось, день и так был слишком насыщенным на события. Последние мгновения праздника — и завтра мы вновь продолжим путь в никуда.

— Ты загрустила, — неожиданно произнёс Переславцев, вставая.

— День рождения кончился.

— Ещё нет.

Саша вдруг подошел к пульта, что-то понажимал, и рубку огласила тихая, немного грустная мелодия, которая отчего-то показалась мне смутно знакомой.

— Разрешите пригласить на танец, — мужчина подошёл ближе и поклонился, протягивая мне руку.

Отказываться я не стала. Отставила в сторону бокал и с улыбкой вложила ладонь.

— Разрешаю.

Это сложно было назвать танцем.

Мы стояли близко-близко, прижимаясь друг к другу. Мои руки были у него на плечах, его — на моей талии. И мы двигались по кругу, медленно переступая с одной ноги на другую. И были так похожи на пингвинов, что я, не удержавшись, прыснула, пряча лицо у него на груди.

От Саши веяло таким теплом, что я просто наслаждалась нашей близостью, рассматривая молнию на его куртке и отчего-то не решаясь поднять взгляд. Но чем больше проходило времени, тем сильнее я распалаясь, едва не задыхаясь от охватившего меня жара, его руки оставляли на талии огненные следы, и мне было мало одного танца. Может, в тот момент разыграл алкоголь в крови, не знаю. Только я неожиданно резко вскинула голову, встретилась взглядом с шоколадными глазами и, поднявшись на цыпочки, сама его поцеловала.

Сначала ничего не происходило, мужчина замер, остановился и ничего не делал. Не оттолкнул, но и не ответил на мой неумелый поцелуй. А потом неожиданно всё изменилось. Его ладони скользнули выше, требовательно глядя спину и плечи, а губы раскрылись. Я едва не запищала от восторга, когда кончик его языка обвёл нижнюю губу и слегка втянул её в рот. Ахнув, запустила пальцы в его волосы, прижимаясь всем телом. Поцелуй стал еще более глубоким и страстным. Ничего не соображая, я отвечала, как могла, и едва не задохнулась от наслаждения, когда его рука забралась под майку, ласково проведя по обнаженному животу и поднимаясь выше.

Но потом всё разом кончилось.

— Прости, — пробормотал он, отшатываясь в сторону и сжав руки в кулаки.

— Что? — только и смогла прошептать я. — Но...

Даже цвет глаз изменился: исчезли коричневые искорки, а взгляд стал колючим и чужим. Черты лица заострились, став угловатыми и резкими.

— Прости, — повторил Саша и тряхнул головой. — Это всё вино. Уверяю, этого больше не повторится... Уже поздно, тебе лучше вернуться к себе.

— Конечно, — только и смогла пробормотать я, пятясь к лестнице. — До завтра.

Такое резкое изменение в его поведении несколько шокировало, поэтому я и сбежала, когда надо было остаться и поговорить обо всём начистоту.

Глава 9. Чужие

Как только я оказалась в своей каюте, дверь за мной тихо закрылась. Я еще некоторое время просто стояла, расширенными глазами смотря перед собой и ничего не видя. А потом неловко шагнула назад, почти сразу упершись спиной о дверь, по которой тихо сползла на пол, спрятав лицо в руках.

Раньше мне казалось, что боль одна, она не имеет оттенков. Лишь одно сплошное мерзкое чёрное пятно с горьким привкусом пепла рухнувших надежд и мечтаний, которое уродует душу и не даёт нормально жить. И я снова ошиблась. Боль от потери семьи — это одно, а боль от того, что тебя отвергают — совсем другое. Это совершенно разные чувства и эмоции, но в равной степени ужасные. Они изъедали и коверкали душу.

Было очень стыдно, словно я сделала что-то неправильное. И еще я очень злилась. На себя — за то, что поддалась слабости и эмоциям, на него — за то, что испортил такой замечательный вечер и оттолкнул, выбросил, как ненужную игрушку.

Плакать я не собиралась, наоборот, хотелось кричать и ругаться от обиды и разочарования. Как же мне хотелось вернуться назад и...

И я не знала, что хотела сделать с ним. Так далеко моя фантазия не распространялась. Тем более что я сама еще не до конца разобралась в своих собственных чувствах.

Что испытывала к нему кроме уважения?

Влюблённость или любовь? А может, просто симпатию?

Достаточно ли этого для нового шага в наших отношениях?

Как я могла что-то требовать, когда сама не знала, чего хочу на самом деле.

— Почему всё так? — прохрипела едва слышно и села ровнее, откидывая голову назад и упираясь ею в дверь. — Почему я даже влюбиться не могу нормально? Один отказался бороться, отправив к Богине, второй считает глупым ребёнком.

А в следующее мгновение внезапно погас весь свет. Полностью. И сразу же затихли все звуки. Корабль разом вымер, став просто металлическим шариком посреди океана.

— Какого чёрта? — только и смогла прошептать я, пытаюсь привыкнуть к наступившей темноте.

По идее, если отключился главный генератор, то должен был сразу включиться запасной. Если и с ним что-то случилось, то, в конце концов, в самом крайнем случае должны были включиться тревожные красные огни. Но ничего этого не было. Корабль выключился полностью.

Вскочив, принялась лихорадочно водить руками по двери.

— Надо найти ручное управление. Надо найти, — испуганно шептала я, едва не задыхаясь от страха, который словно накрыл меня ледяной волной.

Я не могу так умереть. Только не так. Заживо погребённой на дне бесконечного океана.

Руки дрожали, когда я, наконец, нащупала панель. Дернув её на себя, залезла внутрь небольшого углубления рукой, пытаюсь вспомнить, чему нас учили по технике безопасности.

«Самое главное — не поддаваться панике», — учил нас инструктор.

— Поздно. Я уже паникую. Еще немного — и начну истерить, — сказала сама себе и прикусила губу, чтобы хоть как-то успокоиться.

Где-то там должна быть специальная кнопка для разблокировки двери. Должна быть. Но я её не находила.

Мелькнула мысль, что надо найти фонарик. Я была уверена, что в этой темноте не смогу это сделать и лишь потеряю драгоценное время.

Как я ни старалась себя успокоить, у меня ничего не получалось. Сердце колотилось как сумасшедшее, руки тряслись, а слёзы уже рекой текли из глаз.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — шептала я, едва не захлёбываясь от рыданий и всё отчётливее понимая, что ничего у меня не получится.

И энергия у корабля не могла отключиться просто так. А если на нас кто-то напал?

Никогда не страдала клаустрофобией, но сейчас была как никогда к ней близка.

Но в следующее мгновение что-то неожиданно громко щелкнуло, дверь резко отъехала в сторону, а я упала в крепкие мужские объятия.

С испугу я сразу начала вырываться, пинаться и драться.

— Тише, тише, — прошептала знакомый голос, еще крепче прижимая к себе и глядя по волосам. — Успокойся, это я.

— Саша? — заикаясь, пробормотала в ответ. — Ты? Но что произошло? Что с питанием? Где свет?

— Я его выключил, — ответил он, продолжая ласково перебирать мои волосы.

— Но почему?

— За нами плывут, Катя.

— Кто плывёт? — растерялась я и еще сильнее вцепилась в его куртку. Но вместо страха неожиданно пришла надежда. — Мама? Князь? Это наши? Они ищут нас.

И в следующее мгновение попыталась вырваться из его крепких объятий.

— Кэтти, — терпеливо произнёс Саша, но я его не слушала, вертясь из стороны в сторону и ничего не видя в темноте.

— Пусти, там же мама. Зачем ты всё выключил? Мы должны послать сигнал!

— У нас средство связи не работает.

— Значит, должны сделать что-то другое. Есть же иные способы дать о себе знать! Они узнали о поломке! О том, что мы должны были приплыть в Пещеры несколько дней назад, и бросились на помощь. Я знала, знала!!

Неужели удача, наконец, вернулась ко мне. Это же самый лучший подарок на день рождения — вновь увидеть маму, Князя. Я ведь даже мечтать о таком не смела.

— Кать, это не корабль Эквей, — резко произнёс Переславцев и слегка встряхнул, приводя в чувства.

— Что ты такое говоришь? — я замерла и непонимающе взглянула на него. — Как не Эквей? Но тогда чей?

— Альянса, — и убрал руки.

Лишенная опоры, я отшатнулась и едва не упала. Страх, который дремал внутри вот уже четыре года, вновь дал о себе знать. Я очень хорошо помнила, как представители Альянса пытались убить меня и маму, а Князя хотели свести с ума. Неужели решили повторить попытку? Сейчас, когда я одна в бескрайних просторах океана и помощи ждать не от кого.

— Нет, нет. Этого не может быть.

— Кать, успокойся, — Саша вынужден был вновь схватить меня за плечи.

— Что им нужно? Зачем они здесь?

— Я не знаю. Может быть, хотят найти пристанище Богини, поэтому отправились за нами. Сегодня мы не должны были останавливаться, понимаешь? Я сегодня в честь твоего дня рождения специально ушёл с курса для того, чтобы найти хорошее место для стоянки.

Они не ждали этого и поэтому дали себя обнаружить.

— Мы можем уйти или сбежать? Атаковать, в конце концов? — мысли неслись в голове с сумасшедшей скоростью.

В этот момент я даже забыла о том, что уже давно являюсь пацифисткой и не терплю насилие в любом виде. Как оказалось — своя жизнь дороже всего на свете.

— Это мирный корабль Жрецов. Здесь нет оружия.

— А у них есть?

— Есть, — ответил он, и я задрожала еще сильнее.

— Господи, что же это, Господи.

Я прижалась к нему всем телом и обхватила за талию, слыша, как гулко бьётся его сердце у меня под щекой. Так страшно мне не было, даже когда Финор объявил меня личной собственностью Богини.

— Ты же понимаешь, что они могут нас обнаружить?

— Не обязательно.

— Ты! — выпрямившись, я больно стукнула кулаком по мужской груди. — Как ты можешь быть таким? Надо же что-то делать.

— И что ты предлагаешь? — несколько насмешливо поинтересовался Александр, вызывая у меня новую порцию гнева.

— Не знаю, ты у нас командир, штурман и пилот в одном лице.

— Пойдём в рубку, — и, подхватив под локоть, потащил куда-то в темноту.

— Но я ничего не вижу.

— Держись за меня, и всё будет хорошо.

Я уже ни в чем не была уверена, но идти пришлось. Крепко вцепилась в его руку и брела, как слепой котёнок, ничего не видя перед собой. В отличие от меня, Саша двигался легко и свободно, словно видел в темноте, хотя я ему мешала двигаться свободно. Каким-то чудом нам удалось пройти коридор и взобраться по лестнице.

В рубке было гораздо светлее, чем внизу, или я просто привыкла к темноте. Сказать сложно. Но очертания предметов я видела и даже смогла, не споткнувшись и ничего не разбив, подойти к креслу и сесть в него.

— Где они? — тихо спросила у Саши, который сел рядом.

— Рядом, но отсюда не видно.

— Они же всё равно нас найдут, не так ли?

— Всё будет хорошо, — ушел от ответа мужчина.

— Я боюсь, — едва слышно прошептала и всхлипнула от страха.

В ту же секунду Саша накрыл ладонью мою руку и ободряюще сжал.

— Кать, я обещаю, никто и никогда не причинит тебе вреда, — а в голосе была такая уверенность, что я просто не могла ему не поверить.

— Спасибо... Что мы будем делать?

— Ждать.

— Чего? — по спине прошелся холодок, и я обхватила плечи руками, стараясь согреться.

— Дальнейшего развития событий, — выпрямляясь, ответил мужчина.

— А если они нас найдут? Что делать тогда?

— Найти нас будет сложно. Во-первых, зона поиска очень большая и они понятия не имеют, где именно мы свернули и куда. Во-вторых, мы находимся в отличном месте.

Видишь эти рифы? — он указал рукой на темнеющие впереди груды камней, которые были покрыты растениями и полипами.

— Вижу.

— Это порода называется аугут. Слышала о такой?

— Нет.

— Изобретение эквейтов. Аугут обрабатывается, и его крошку используют для создания специального сплава, который блокирует радиосигналы и энерговыбросы. Здесь мы как за каменной стеной. Мало того, что все приборы отключены, так и аугут обезопасит нас от сканирования. В-третьих, нам придётся побыть здесь некоторое время для того, чтобы сбить их со следа.

— Сколько? — уже относительно успокоившись, спросила у него.

— Пару дней. Надо будет убедиться, что они уплыли дальше.

— Но нам придётся сменить курс, если мы не хотим натолкнуться на них позже.

— Совершенно верно. Курс придётся сменить. Это еще пара лишних дней.

Итого плюс-минус неделя.

— Ничего себе поездка, — выдохнула я. — Но как ты их заметил?

— Не поверишь, — хмыкнул он. — Увидел.

— А если и они нас увидели или засекли?

— Засечь нас не могли. Ты забыла про аугут. Увидеть могли, но мне кажется, что я успел раньше. Они так ярко семафорили, что я их издали заметил. А мы были за рифами, потом я и вовсе отключил питание.

— У меня еще вопрос. А как мы будем жить без питания? Без света? А морозилка и продукты? Всё же пропадёт.

— А для этого мне надо перенастроить систему резервной подачи энергии.

— Ты и это можешь?

— Даже не поверишь, на что я способен, Катя, — ухмыльнулся Саша.

И он действительно смог. Пока я светила фонариком и пыталась не уснуть, Саша в столовой забрался в один из отсеков с проводами, который был расположен прямо под рабочей поверхностью, и долго там ковырялся.

— Саш, — зевнув, позвала его я и свободной рукой потёрла глаза.

Шел уже третий час ночи, и спать хотелось страшно.

— Мм? — отозвался он и опять принялся что-то откручивать, перетягивать и переставлять.

— А почему тебя никто не ищет?

— В каком смысле?

— Меня на Аквали никто не ждёт. Все знают, что я останусь в Пещерах и буду вечной слугой Богини. Но ты? Ты же должен только отвезти меня и вернуться назад. Так?

Мужчина молчал довольно долго, потом тяжело вздохнул и ответил:

— Так. Но еще рано бросаться на поиски.

— Почему? — нахмурилась я и почесала в затылке.

— Путь до Пещер составляет семь дней, туда — обратно получается четырнадцать. А мы с тобой в пути всего одиннадцать дней. Поэтому нас никто и не ищет.

— Ясно. Мы будем вынуждены провести здесь в ущелье еще два дня, так? До Пещер в связи с тем, что нам придётся уйти с курса, еще минимум четыре дня. Итого шесть. Шесть плюс одиннадцать, получается семнадцать. А для возврата тебе надо еще семь дней, итого

двадцать четыре.

— Кать, ты с чего вдруг решила математикой заняться? — выбираясь из отсека, спросил Саша и серьёзно на меня глянул.

— Просто понять хочу, почему тебя не будут искать, — честно призналась ему.

Усталость и нервное напряжение давали о себе знать, и я уже не боялась задавать неприятные вопросы и не страшилась неловкого молчания. Я просто хотела знать правду. После того, что мы пережили вместе и что нас ещё ждёт впереди, мне казалось, я имела на это право.

— С чего ты это взяла, что меня не будут искать? — попытался уйти от ответа Александр.

— Не знаю. Но почему-то уверена, что и тебя дома не ждут.

Может, это женская интуиция, а может, мамины способности проснулись, но я не могла объяснить свою уверенность.

— Это всё твои домыслы, — ответил Переславцев и вновь забрался в отсек.

— Не скажи. Ты же не собираешься умирать, как Дерион? В любом случае это не получится. Потому что ты землянин, в Богиню не веришь, и в виде отступника тебя как-то сложно представить.

— Ты сама не знаешь, о чём говоришь, — отмахнулся мужчина, не опровергая и не подтверждая мои слова.

Я это заметила, но акцентировать не стала. Уж очень часто он уходит от ответа. Странно, почему я раньше не задумывалась об этом? Наверное, слишком была поглощена собственными проблемами и не понимала, что Саша не просто так напросился ко мне в сопровождающие. Что-то за этим стояло, но что именно? Я просто не могла понять и найти причину.

Громко щелкнул генератор, и в ту же секунду мирно затрещали и загудели холодильная камера, микроволновка и ряд других кухонных приборов.

— Всё, — выдохнул Переславцев, выползая из отсека. — Готово. Света, правда, не будет, будем пользоваться переносными лампами. Я видел парочку в кладовой.

— У тебя получилось?!

— В твоём голосе слышится недоумение, — поднимаясь, произнёс он и принялся вытирать грязные руки о небольшую тряпочку, которую достал из кармана штанов.

— Где ты всему этому научился?... Ой, что это?! — свет фонаря осветил мокрое пятно на его левом предплечье, которое на глазах становилось всё больше и больше.

Ткань его куртки защитного цвета потемнела и набухла, а потом на пол упала первая капля алого цвета.

— Где? — Саша повернулся, с недоумением рассматривая кровь, и даже коснулся раны.

— Не трогай! — испуганно закричала я. — У тебя руки грязные! Надо аптечку! Срочно! Ты же сейчас истечёшь кровью. У тебя уже шок! Ты не чувствуешь боли! — после чего вскочила с места, бросаясь к одному из отсеков, где, как я помнила, лежала аптечка.

— Кать, это всего лишь царапина, — донеслось мне вслед.

— Ты видел сколько крови?! А если заражение? С этим шутить нельзя!

Коробочка с медикаментами оказалась на месте. Положив фонарик рядом, я принялась лихорадочно копаться, выискивая бинты, мази, жгут, жидкость для дезинфекции.

— Иди сюда! — бросила я ему, не поворачиваясь и раскладывая медикаменты по местам.

— А ты в обморок от вида крови падать не будешь? — хмыкнул Саша, присаживаясь рядом на стул и поворачиваясь ко мне боком.

— Нет. У нас были курсы оказания первой помощи.

— И кого вы резали?

— В каком смысле? — с ножницами в руках я повернулась к нему и нахмурилась, пытаюсь понять, о чём он сейчас говорит.

Мысленно я уже составляла план действий: промыть, помазать, перевязать.

— На ком тренировались оказывать первую помощь?

— На медицинских роботах. Не вертись, мне надо разрезать твою куртку. Больно? — сделав первый надрез, спросила у него.

— Ничего не чувствую, — ответил Александр, как-то слишком пристально меня рассматривая.

Тени на его лице от света фонаря скрывали выражение глаз, но отчего-то у меня вспыхнули щеки, и стало трудно дышать.

Аккуратно срезав рукав, я поднесла фонарь ближе, рассматривая глубокую длинную рану на предплечье.

— И где ты сумел так пораниться? — пробормотав сама себе, я аккуратно взяла ватный тампон, смочила его перекисью и принялась осторожно стирать кровь, которая всё продолжала сочиться. — Ты же должен был почувствовать хоть что-то. Это же не просто царапина.

— Может, адреналин?

— Сомневаюсь. Придётся накладывать швы. Ой, тебе же надо дать обезболивающее, — спохватилась я и вновь принялась рыться в аптечке.

— Не надо. Обколи рану по кругу вот этим, — Саша здоровой рукой достал ампулу из коробочки и протянул мне. — Этого будет вполне достаточно.

— Это же очень сильный препарат, — прочитав этикетку, произнесла я и нахмурилась. — А рана у тебя не такая серьёзная.

— Кать. Пока ты думаешь, я кровью истекаю, — заметил Переславцев.

— Да, да, конечно. Но обезболивающее тебе выпить надо.

— Не мельтеши и прекрати ненужную панику. Поверь, на мне всё заживает как на собаке, — отчего-то не слишком весело ответил он.

Таблетку Саша так и не выпил, как я его ни уговаривала.

Надо сказать, что накладывание пяти швов мужчина перенёс очень стойко — даже не дернулся. Хотя у меня руки тряслись.

Наложив временную повязку и прописав строгий постельный режим, я отправилась в свою каюту, не раздеваясь, упала на кровать и проспала до самого обеда.

Глава 10. Соблазн

Весь следующий день Саша меня усиленно избегал.

Когда, проснувшись после обеда, я выползла в коридор, то увидела, что везде были развешены переносные светильники на батарейках. Освещали они тускло, но предметы различить можно было. В столовой на столе стоял остывший завтрак — слегка пережаренная глазунья и чай с печеньем.

Разогреть еду я не стала и проглотила всё холодным, не чувствуя вкуса и всё ещё не до конца проснувшись. Но чай пить не стала, а достала из холодильника пакет с соком.

Утолив голод, отправилась искать Переславцева. В рубке никого не было, он там даже светильники не повесил. Поэтому, потратив пару минут на осмотр тёмного помещения и убедившись, что никого нет, я спустилась вниз и направилась в его каюту.

Собравшись с духом, постучала в закрытую дверь.

Ответа не было.

Постучала сильнее.

— Саш, это Катя.

И чуть не застонала от абсурдности собственного заявления. Кто еще может быть кроме меня? Мы на корабле вот уже почти 2 недели вдвоём, только вдвоём и больше никого. А если вдруг представители Альянса нагрянут, то они точно стучать не будут.

Дверь тихо отъехала в сторону, и на пороге возник хмурый и недовольный Переславцев.

— Привет, — улыбнулась я и неловко взмахнула рукой.

— Привет. Позавтракала?

— Да, спасибо.

— Ты долго спала, — пространно произнёс он, продолжая стоять в дверях.

Сказать ему, что это неприлично — разговаривать вот так? И меня стоило бы пригласить в гости? Ну уж нет, навязываться я не стану.

— Вчера был очень насыщенный день. Как твоя рука?

— Нормально.

— Надо сделать перевязку.

— Не стоит, — неожиданно резко отрезал он. — Иди, отдохни, пока есть время. Сегодня — завтра делать ничего мы не будем.

И закрыл дверь у меня перед носом.

Я от удивления захлопала глазами, не зная, что теперь делать дальше. Это, вообще, как понимать? Где? И почему? Я же просто поинтересовалась, как его самочувствие. А он меня, как котёнка... Было обидно.

— Подумаешь, — пробормотала я в адрес двери, показала ей язык и вернулась в свою комнату.

Тоже мне герой. Разве можно так себя вести с девушкой? Я же хотела, как лучше. А он... И с чего вдруг такое отношение? Вчера же всё было нормально. Мы разговаривали, я ему помогала, фонариком светила, пока он в проводах ковырялся. И рану потом обрабатывала, швы накладывала. Ведь ничего не предвещало проблем.

Наверное, я просто не разбираюсь в психологии мужчин.

А откуда мне разбираться? У меня и мужчины-то не было. Учёба, учёба и ещё раз учёба. Да, мы встречались с Финором, но ведь до главного так и не дошли. Не потому что не

хотели, просто решили дождаться итогов купания в Озере. Дождались.

Теперь я навсегда останусь старой девой.

Эта мысль настроения не прибавила. Наоборот, на душе стало еще хуже. Я ведь никогда не думала о своих злключениях с этой стороны. Да, знала, что моя жизнь кончена, и не быть мне женой и мамой. Но только сейчас до меня дошло, что умирать придётся девственницей.

Не хочу!

Я резко села в постели и хмуро уставилась на огонёк переносного светильника, который взяла в коридоре. Там их много было. И чем больше на него смотрела, тем отчётливее понимала, что буду полной дурой, если не исправлю эту патовую ситуацию.

Ведь для становления меня в качестве настоящей женщины созданы все условия — моё желание, красивый мужчина, минимум посторонних и романтический полумрак. Про его согласие я не думала. Он же мужчина, а я красивая женщина, значит, уговорю.

Возникшая мысль не давала покоя. Она словно червячок разъедала мозг и беспокоила душу. Вскочив с кровати, я начала ходить из угла в угол, пытаюсь разобраться в собственных желаниях и оценить все возможные последствия такого поведения. Нельзя же вот так с головой бросаться в авантюру.

А если я разочаруюсь и пожалею о принятом решении?

Сомневаюсь. Это лучше, чем ничего.

Надо подумать.

А время идёт, часики тикают. Наша остановка не продлится вечно, и когда-нибудь мы всё-таки доберёмся до пещер. И что тогда? Может, стоит пойти на поводу у собственных желаний и сделать хоть раз что-то лично для себя?

Александр ведь мне нравится. При одном воспоминании о нашем поцелуе у меня сбивалось дыхание и алели щеки. И он опытный мужчина, значит, постарается доставить мне максимум удовольствия. Наверное.

Значит, решено!

Но одно дело — сказать, совсем другое сделать.

Я очень долго выбирала наряд и крутилась перед зеркалом. Это платье было слишком старомодным, это слишком ярким, это вообще не платье. Комфортнее я бы чувствовала себя в штанах, но при мысли о том, как мне придётся их снимать, я густо краснела и нервно хихикала. Нет, должно быть что-то максимально легкое и простое. Чтобы дернул за верёвочку — и всё красиво слетело.

В конце концов, я остановила свой выбор на персиковом сарафане, который надевался на голое тело. Можно было снять ещё и трусики, но мне не хватило смелости. Я и так чувствовала себя в крайней степени неловко и глупо.

Надо было выпить. Для смелости. Всего лишь капельку вина.

Я крадась к столовой, как воришка, вздрагивая от любого шороха, готовая в любой момент броситься наутёк. Но было тихо, Саша из каюты не выходил, поэтому всё прошло нормально.

Вино я не нашла. Зато была открытая бутылка виски. Никогда не пила этот земной напиток, но за неимением других, решила попробовать. Хуже ведь не будет.

Первый глоток вышиб у меня дыхание и заставил подскочить на месте, обмахивая себя руками. Такое ощущение, что проглотила сок из красного жгучего перца. Даже слёзы на глазах выступили.

Да как же такое можно пить и искренне наслаждаться?

Отдышавшись и залив внутренний пожар соком, я стала ждать реакции. Её всё не было. «Значит, дозировка маленькая. Надо увеличить».

Ко второму глотку я готовилась дольше. Морщилась, принюхивалась и делала несколько подходов. Но на этот раз всё прошло лучше. Я уже не прыгала на месте от шока, а лишь поморщилась и вздрогнула всем телом, сразу же запивая виски.

Но и это не дало нужной реакции. Меня всё ещё трясло от одной только мысли, что именно я сейчас собиралась делать.

Потом был третий глоток, четвёртый, и я уже перестала их считать. Главное ведь не количество, а результат.

В какой-то момент на душе и в голове стало удивительно легко. Какая же я, оказывается, глупая. И чего боялась? Сейчас всё сделаем! Саша просто не сможет устоять перед такой девушкой.

Путь до его каюты был долгим. Стены отчего-то разъезжались в разные стороны, ускользя из-под рук, дверной проём не стоял на месте, не давая в него протиснуться, а потолок и пол периодически менялись местами.

— Тссс, всем стоять! — скомандовала я и засмеялась, так смешно звучал мой голос.

В дверь я постучала громко. Каждый удар кулака эхом отзывался в опустевшей голове, и это тоже почему-то показалось смешным. И почему я раньше не замечала, как вокруг всё хорошо и красиво?

— Катя? Что случилось? — Саша открыл дверь и недоуменно меня рассматривал.

Свет от светильника падал в спину, красиво очерчивая его сильную крепкую фигуру.

— Привет, — ответила я, красиво откидывая волосы за спину и призывно улыбнулась.

От резкого движения меня немного зашатало, но я успела схватиться за дверной проём. — А я в гости.

И, отпихнув его в сторону, прошла вглубь каюты.

Пол здесь тоже был странным, и меня слегка замотало из стороны в сторону.

— Ты что, пьяна? — придерживая за плечи, воскликнул Переславцев и помог сесть в кресло.

— Я? Нет! — я энергично замотала головой, устроив самой себе вертолёт. Голова закружилась, а перед глазами всё замелькало. Да что же это такое! — Стоять!

— Я и так стою.

— Не ты, — заявила ему и попыталась красиво положить ногу на ногу. В конечном итоге запуталась в собственных конечностях и чуть не грохнулась с кресла.

— Ты пьяна, — тяжело вздохнул Саша и смерил меня недовольным взглядом. — Пойдём, я уложу тебя в кровать.

— Такой хорошенький, когда злишься, — промурлыкала я в ответ и счастливо вздохнула. Нет, я рада, что именно он будет у меня первым и единственным мужчиной.

— Катя!

— Я восемнадцать лет Катя. Мы не будем разговаривать... Хотя нет, поговорим, но потом. Сначала сделаем всё остальное, — улыбка не сходила с моего лица, и я чувствовала себя на редкость счастливой. Наверное, в первый раз за последние две недели.

— Что остальное? Кать, что с тобой случилось?

— А я тебе говорила, что мне нравится, когда ты меня так называешь? Но у меня к тебе важный разговор. Очень-очень и очень важный.

— Давай отложим этот невероятно важный разговор до завтра, хорошо? Ты выспишься, соберёшься с мыслями, а? — Переславцев, сложив руки в карманы, стоял передо мной и слегка раскачивался с пятки на носок и обратно.

Кроме брюк на нём была майка с открытыми руками, которая красиво подчёркивала литые мышцы и развитую мускулатуру. Я смотрела на него и не могла понять, что меня напрягает. Ведь что-то в его облике было неправильным. Но мускулы красивые, так бы и потрогала.

— Катюш, пошли я тебя отведу в кроватку? — он сделал шаг ко мне, но я резко выкинула руку вперёд и энергично замотала головой.

— Нет. Сначала дело.

— Какое дело?

— Переспи со мной, — выпалила я на одном дыхании и томно изогнулась.

Тишина.

— Что, прости? — секунд через тридцать спросил Переславцев.

— Я хочу, чтобы ты занялся со мной... ну, ты понимаешь, — выпитого алкоголя оказалось недостаточно, чтобы я произнесла это вслух.

Собственное бессилие раздражало, и хорошее настроение стремительно приближалось к нулю.

— Угу, понимаю. У тебя просто белая горячка началась и всё. Вставай, — и попытался схватить меня за руку.

Но я его отпихнула и насупилась:

— Ничего подобного! Я выпила совсем чуть-чуть, всего пару-тройку глотков виски. Ты знаешь, я никогда раньше не пила виски. Оно противное, но потом привыкаешь. И я выпила только для храбрости... Для того чтобы предложить... сказать... ну ты понял. Саш, ну ты же всё понимаешь, — захныкала я и рассержено добавила: — Сам подумал, что ждёт меня впереди? Пожизненная должность девочки на побегушках. А я не хочу так. И не могу... Должно же быть хоть что-то, что буду вспоминать холодными одинокими ночами.

— И это будет секс со мной.

— Вот именно! — обрадовалась я. Какой же он умный.

— Дурдом, — Саша отошёл к иллюминатору, рассеяно взъерошив волосы. — Ты сама не понимаешь, что несёшь. В тебе сейчас говорит алкоголь.

— Неправда. Я приняла это решение до того, как выпила. Просто мне надо было набраться смелости. Я же говорила это... вроде... не помню, — голова заболела и стала такой тяжелой, просто неподъёмной. И еще у меня почему-то закрывались глаза, и хотелось спать.

— А моё мнение ты узнать не хочешь? — обернувшись, спросил мужчина.

— А зачем? Я тебе что, не нравлюсь? — у меня от обиды даже губы задрожали.

— Кать, ты ребёнок.

— Мне восемнадцать. С тобой недавно отмечали. И ты меня поцеловал. Я помню, — хихикнула я и пригрозила ему пальчиком. Настроение скакало с ошеломительной скоростью.

— Ладно, пусть так, тебе восемнадцать. Хорошо. Но ты не подумала о том, что Богине нужна твоя... чистота? — запнулся на последнем слове Саша.

— Я тебя умоляю, — фыркнула в ответ и закатила глаза. — Будто ты не знаешь, что на Эквей нет понятия невинности и девственности с анто... антро... хм... ан-то-ми-че-ской

точки зрения. Это только нам, землянкам, так подфартило. Так Богине будет всё равно, невинная я или нет. А я не хочу состариться старой девой, что так и не познает мужчину и вкус страсти, — пафосно закончила я и захихикала над собственной значимостью и высоким уровнем развития. Какая я, оказывается, умная.

— Вкус страсти, говоришь, — медленно произнёс он, смеряя меня внимательным взглядом шоколадных глаз.

— Так точно, — шутливо отсалютовала ему.

— И ты всё равно не уйдёшь?

— Нет, — кивнула и задрала подбородок так, что заболела шея.

Какой умный мужчина. Нет, он мне нравится всё больше и больше.

— Хорошо. Я понял. Ложись.

— К-куда?

— В кровать, — совершенно спокойно ответил он и принялся стягивать с себя майку.

— Сейчас? — пролепетала я совсем тихо.

— Ты же сама этого хотела. Или передумала?

— Я? Да! То есть — Нет! То есть... я сейчас! — и попыталась встать с кресла.

Не получилось. Ноги подкашивались, а перед глазами всё начинало мелькать и кружиться как на карусели.

— Ой, — пробормотала я и плюхнулась назад. — Я что-то не могу.

— Ещё бы, — тихо процедил он, но я расслышала и обиделась.

Нет, ну а где романтика? Где чувства и страстные поцелуи? Где хоть что-нибудь?

Саша тем временем подошёл к креслу, резко поднял меня и понёс к кровати.

«Оооо, мне это нравится. Продолжай».

— Какой ты сильный, — промурлыкала я, вцепившись пальчиками в его бицепсы — трицепсы. — Какие у тебя руки... крепкие. И сам ты такой... классный.

Мне показалось, или в этот момент он вновь что-то едва слышно процедил сквозь зубы и страдальчески закатил глаза? Не разобрала, слишком занятая собственными чувствами.

— Ложись, — он бросил меня на кровать, и я даже слегка подпрыгнула, нелепо взмахнув руками.

— А ты?

— А мне надо в душ, — ответил Саша.

— Я буду ждать, — падая на подушки, ответила ему и даже подмигнула.

— Я быстро.

А через минуту я уже спала.

Это утро по определению не могло быть хорошим. В голове гудело так, словно там поселился целый оркестр сборной филармонии и устроил вечеринку с народными танцами всех планет, входящих в состав Альянса. А все отходы с этой шумной вечеринки они бросали мне прямо в рот, потому что ощущения у меня были соответствующие.

— Ох, — пробормотала я, зарываясь лицом в подушку и мечтая только об одном — ПИТЬ!!!

Именно так. Заглавными буквами с сотней восклицательных знаков. Мне нужна была вода или любая другая жидкость. Главное — это утолить жажду. У меня от обезвоживания даже язык к нёбу прилип.

Теперь во мне боролись два желания — лежать и стонать от кошмарных ощущений или пойти и найти что-нибудь попить. Встать я не могла, потому что чувствовала себя медузой,

выброшенной на песчаный берег, но и лежать тоже не могла, организм требовал дозаправки.

— Жива? — раздался надо мной голос, и головная боль усилилась во сто крат, взрывая барабанные перепонки и сводя с ума.

— Тише, — взмолилась я, едва шевеля потрескавшимися губами и сжимая голову, чтобы хоть как-то уменьшить какофонию.

— Я попить принёс.

В ту же секунду я забыла о головной боли, о плохом самочувствии, обо всём на свете, кроме самого главного. Сев, сразу открыла глаза, щурясь от яркого света, и протянула дрожащие руки к вожделенному стакану.

— Дай!

Первые три жадных глотка я сделала, не разбирая вкуса, запаха и цвета, на четвёртом заподозрила неладное, на пятом ощутила вкус и скривилась.

— Это что? — возвращая Переславцеву стакан, прохрипела я.

— Лекарство.

— А пить? — я едва не плакала от обиды.

Он же растоптал мою мечту и ввел в заблуждение.

— Сначала лекарство, — безапелляционно заявил он, возвращая стакан.

— Ну, Саш.

— Пей, я сказал. Это поможет тебе прийти в себя.

— Я уже пришла в себя.

— Катя, я тебя сейчас отнесу в ванную и поставлю под ледяную воду.

Я внимательно всмотрелась в его лицо и поняла — этот может. Садист!

Зыркнув на него в последний раз и мысленно пожелав гореть в аду, я закрыла нос и в три глотка допила противную жидкость.

— Беее, гадость, — содрогнулась всем телом и поставила стакан на тумбочку.

— Зато полезная. Тебя проводить в каюту?

— Зачем? — кутаясь в покрывало, недоумённо спросила у него.

Меня почему-то начало трясти от холода.

— Переодеться, принять душ, — заявил Переславцев, помолчал немного, а потом добавил: — Ты помнишь, что вчера было?

Конечно, помнила, зачем задаёт такие странные вопросы?

— Я тебе раны обрабатывала.

— А потом?

— Спать ушла.

Покивал, странно блестя глазами, и вновь поинтересовался:

— А как у меня в каюте оказалась, не помнишь?

И только в этот момент я осмотрелась. Это точно была не моя каюта, как и постель, и плед, которым я укрывалась, тоже был чужой, с легким и терпким мужским запахом.

Наверное, лучше бы было, если бы я ничего не вспомнила. Но то ли лекарство начало действовать, то ли организм сам восстановился. Но прошедший вечер вспомнился мне весьма ярко и отчётливо.

Отпустив взгляд, я изучала собственные ногти.

— У меня... то есть мы... — тихо спросила у него.

— Нет. Мне удалось уложить тебя спать.

И это я тоже вспомнила.

— Где ты спал?

— На диване в гостиной.

— Ясно. Я могу идти? — совсем упавшим голосом поинтересовалась у него.

— Можешь.

— Спасибо.

Сбросив с плеч плед, не поднимая глаз и цепляясь за предметы мебели, я подошла к двери.

— Ну, пока, — и сбежала.

Наверное, так стыдно мне не было ещё никогда в жизни.

Но и тут я ошиблась. Стоило мне войти в свою каюту и взглянуть в зеркало, как до меня дошла вся чудовищность положения.

— О, чёрт! — простонала я, оседая на пол и пряча лицо в ладонях.

И мне еще казалось, что хуже быть не может. Как же я ошибалась.

Отражение в зеркале было чудовищным. Платье измялось и было похоже на жеваную тряпку, которую выплюнули за ненадобностью. На щеке остались полосы от подушки. Глаза были узкими, а волосы спутались и жуткими сосульками обрамляли лицо. Косметика потекла и украшала безобразными пятнами и разводами.

И это чучело собиралось соблазнять мужчину. Это каким должно быть его воздержание и желание, чтобы польститься на ЭТО? Я еще большая неудачница, чем думала прежде.

Явилась пьяная, едва стоящая на ногах, и требовала интима. Не просила, а именно требовала. Понятное дело, что Саша отказался. Я бы на его месте вообще сбежала, сверкая пятками. А он ничего, даже пытался помочь.

Подняв лицо, ещё раз взглянула на своё отражение, словно пыталась собраться с мыслями.

— Все ошибки учла? — тихо спросила сама у себя и тяжело вздохнула. — Тогда попытка номер два. И на этот раз ни капли алкоголя.

Но сначала душ, завтрак, а уже потом на трезвую голову будем штурмовать неприступную крепость.

Несмотря ни на что, я была полна решимости добиться успеха. Терять мне было нечего.

Глава 11. Дубль два

Сложнее всего было заставить себя выйти из каюты.

Я приняла контрастный душ, чередуя холодную и горячую воду. Каждый раз при смене температуры дрожала и вздрагивала, пытаюсь сдержать рвущийся с губ крик. Но именно такая встряска нужна была моему организму и лично мне. Своего рода наказание за плохое поведение. Зато мозги хорошо прочищало.

Обмотавшись полотенцем, я выползла из душа, оставляя после себя мокрые следы, и тряхнула головой, собираясь с мыслями. Состояние значительно улучшилось, но всё равно было не идеальным.

Подойдя к графину с водой, жадно выпила остатки. Пить всё ещё хотелось. Значит, в любом случае надо идти в столовую.

Одевалась я долго.

Нет, в этот раз в одежде не копалась, выискивая что-то красивое, и по двадцать раз не переодевалась. Просто не могла себя заставить это сделать. Достав юбку и топ, села на кровать и пару минут гипнотизировала их взглядом, словно ждала, что они сейчас начнут танцевать и летать под потолком. Чуда не произошло — вещи не летали. А вчерашняя пьяная выходка действительно имела место.

А когда всё-таки оделась, ещё долго расправляла складки, убирая видимые только мне пылинки и нитки. В общем, тянула время, как только могла.

Волосы заплела в свободную косу, а вот от косметики решила отказаться.

— Всё равно выглядишь, как покойник, — сообщила собственному отражению.

У двери я застыла. Нерешительно прикоснулась к холодной поверхности кончиками пальцев, так и не пытаюсь её открыть.

Вот она, последняя преграда на пути моего позора.

— Давай, Кэтти, давай. Всё равно прятаться вечно не получится. Уж лучше сейчас это пережить, чем мучиться от угрызений совести, — уговаривала я себя, прижимаясь лбом к двери.

Не помогало.

Этот последний шаг никак не давался.

— Хватит! — прошипела и, выдохнув, вышла из каюты.

В коридоре никого не было, и я не смогла удержать стона облегчения. Экзекуция откладывалась.

Я знала, что Саша не будет караулить меня у двери со списком нотаций, но всё равно было страшно.

Сжав руки в кулаки, направилась на кухню. Но и там никого не было.

Признаюсь честно, есть мне совсем не хотелось. Не тошнило, но всё равно аппетита не было. Но надо было чем-то себя отвлечь, поэтому я с рвением взялась за процесс готовки.

Пока руки были заняты, мозг продолжал воскрешать в голове воспоминания о вчерашнем вечере. Хотела я этого или нет, но мне приходилось раз за разом заново всё переживать. Я пыталась думать о другом, но не могла. Проходило время, и вновь вспоминала произошедшее. В конце концов я бросила попытки повлиять на собственную память и, стиснув зубы, продолжила яростно кромсать овощи.

Подумаешь, немного перебрала. С кем не бывает?

Внезапно вернулось ощущение неправильности и неточности. Одно из отрывочных воспоминаний не давало покоя и всё крутилось и крутилось в голове. А я никак не могла понять, в чём дело. Саша тогда стоял передо мной в майке. Красивый, сильный, мускулистый. И что здесь такого необычного?

Рана!

Нож соскользнул и едва не прошёлся по пальцам. Отшвырнув его в сторону, я быстро вымыла руки и бросилась прочь из кухни.

Быстрее, быстрее...

У его каюты замерла на мгновение, переводя дыхание. Стыд и неловкость вновь дали о себе знать, но я тут же их прогнала. Меня сейчас мучило другое.

— Кэтти, — Саша почти сразу открыл дверь и удивлённо приподнял брови.

Он уж точно не ожидал меня здесь увидеть. Наверное, считал, что я запрусь у себя в комнате и буду плакать над собственной судьбой. Если бы он знал, что я готовила вторую акцию по его соблазнению. Но это потом.

— Можно войти?

— Конечно.

Я прошла внутрь и почти сразу обернулась, внимательно его осматривая. Мужчина был одет в тёмные брюки и куртку защитного цвета, под которой виднелась светлая майка.

— Как ты себя чувствуешь? Готова болит? Тошнит?

Ему действительно интересно или он просто издевается? Сам же утром поил меня лекарством от похмелья.

— Всё отлично. Куртку сними.

— Что? — переспросил он и тут же нахмурился. — Ты что, опять?

В голосе читалось неподдельное изумление. Такого поворота Переславцев явно не ожидал.

— Сними, пожалуйста, куртку, — упрямо повторила я, стараясь не покраснеть.

— Дыхни, — вместо того чтобы исполнить мою просьбу, потребовал Саша.

— Я не пила и не пристаю к тебе.

«Пока», — добавил внутренний голос. Мы-то с ним знали, что у нас всё впереди.

— Тогда я не понимаю.

— Пожалуйста, сними куртку. Это важно, — тихо повторила я.

— Ладно, хорошо, — тяжело вздохнул, сдаваясь, и разделся. — Так?

Белоснежная повязка всё ещё была на его предплечье. Новенькая, чистенькая и такая красивая.

— Сам перевязку сделал?

— Да, — Александр кивнул, всё ещё не понимая, чего именно я добиваюсь.

Не могло же мне всё это привидеться?

— Молодец, — кивнула в ответ и, быстро подавшись в его сторону, схватилась за уголок повязки и резко дёрнула на себя.

— Что? — только и успел он вскрикнуть, когда я всё стащила с его кожи.

Под повязкой ничего не было. Ни раны, которую я зашивала чуть больше суток назад, ни даже намёка на неё. Чистая и ровная кожа без единого изъяна.

— И как это понимать? — спросила у него, отшвыривая в сторону бинты и скрещивая руки на груди.

— Я думал, что забудешь, — усмехнулся тот. Если моя выходка его и удивила, то Саша

быстро пришёл в себя. — Ты была вчера в таком состоянии, что даже странно, как ты успела заметить.

— Ты не ответил на мой вопрос, — напомнила ему.

— А что ты хочешь услышать?

Он издевается? А то не понятно.

— С чего вдруг у тебя такая бешеная регенерация? От раны не осталось и следа. И это ненормально. Кто ты такой, Переславцев? Ты, вообще, Переславцев? Или один из подопытных Альянса?

Я произнесла это на эмоциях, но неожиданно поняла, что это очень даже может оказаться правдой. И рефлекторно шарахнулась в сторону.

— Боишься, — кивнул мужчина, проследив за мной взглядом. — Но я действительно Александр Переславцев. Родился на Земле, жил десять лет на Эквей и три года путешествовал по Вселенной.

— Это Альянс? Это они сделали?

— Сделали что? — мужчина непонимающе приподнял бровь.

Но меня сложно было запутать, потому что я знала, что права.

— Изменили тебя.

— Я не понимаю, о чём ты.

— О твоей бешеной регенерации, — процедила я.

— Это всё из-за лекарства, которое ты мне дала.

Мужчина обогнул меня и подошёл к столику, на котором стояла знакомая бутылка виски.

— Никакие лекарства не могут так ускорить заживление тканей. Ведь прошло чуть больше суток.

— Кать, ты сама не знаешь, о чём говоришь, — ответил Переславцев, наливая в стакан янтарную жидкость.

— Я? А тебе не кажется, что ты мог бы придумать оправдание получше?

— Тебе налить? — совершенно невозмутимо спросил он, игнорируя моё замечание.

Меня передёрнуло, а во рту снова возникло это неприятное ощущение.

— Нет.

— Мне вчера показалось, что тебе понравилось виски.

— Тебе показалось. Не переводи разговор в другое русло, Переславцев!

Но разве он слышал.

— Знаешь, когда ты пришла, я уже подумал, что ты решила сделать вторую попытку, — произнёс он, сделав первый глоток и даже не поморщившись. — Знаешь, я почему-то был уверен, что ты не станешь прятаться по углам, заливая всё слезами. Ты по натуре боец, Кэtti. Поэтому и начал готовиться ко второму раунду.

У него всё-таки получилось сбить меня с мысли.

— И как? Успешно?

— Хочешь со мной это обсудить? — криво улыбнулся он, присаживаясь в кресло. Мне он сесть не предложил, и я была вынуждена стоять. — Отлично, давай обсудим.

От его взгляда мне захотелось выбежать вон и запереться в своей каюте. Но я также понимала, что именно этого он добивается — пытается вывести меня из равновесия, заставить отступить и отказаться от цели.

— Давай обсудим, — эхом повторила за ним, понимая, что это только начало и дальше

будет только хуже. Поэтому вскинула подбородок и сжала руки в кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

— С чего вдруг тебе пришла в голову мысль прыгнуть в мою постель?

Как же обидно и больно звучали эти слова.

— А что в этом необычного? — как можно нейтральнее отозвалась я. Словно каждый день обсуждаю интимную сторону своей жизни с мужчиной. — Вполне нормальное желание. Мужчина, девушка, замкнутое пространство. Мне кажется, созданы отличные условия для... контакта.

— Контакта? — фыркнул тот. — И моё мнение опять не учитывается.

— Отчего же, учитывается. Я же не привязала тебя к кровати и не изнасиловала. Мы разговариваем.

— Думаю, вчера до этого могло дойти. Ты была очень настойчива и даже немного агрессивна.

— А ты маленький мальчик, на которого напала восемнадцатилетняя тётка, — фыркнула в ответ. Стоять было неудобно и неуютно. Ощущение провинившейся школьницы не проходило, а, наоборот, усиливалось с каждой секундой.

— Кать, поверь тебе это не надо.

— Не надо что? — я сделала невинное лицо и захлопала ресницами.

— Лезть в постель к первому встречному только потому, что надо.

— Причём здесь надо? Мне просто хочется.

— В тебе говорит обида. Потом будешь жалеть.

— Сомневаюсь. Я отдаю отчёт своим поступкам.

— Хочу тебя огорчить, Кэтти, но в первом сексе нет ничего романтического. Совсем. Тебе будет больно. Очень больно, даже кровь пойдёт, — хладнокровно произнёс он, рассматривая коричневую янтарную жидкость в бокале. Кубики льда мелодично звякнули. — Хочешь знать, что будет дальше? Я стану до синяков сжимать твоё тело, вдавливать в кровать, и всё это будет сопровождаться неприятными звуками и моим хриплым дыханием. Вполне возможно, что боль никуда не денется, наоборот, она может и усилиться, когда я ускорю темп... Тебя еще не затошнило? Мне продолжить или хватит?

Такое ощущение, что он сейчас описывал не секс, а одну из средневековых пыток. Меня не затошнило, но и приятного в сказанном было мало. Я поежилась от холодного блеска в карих глазах.

— Продолжай, — так же спокойно и ровно ответила ему. — У тебя интересно получается. Познательно.

Аж кровь в жилах стынет.

Ухмыльнулся и сделал очередной глоток.

Виски было крепким.

Я помнила, как вчера оно обожгло мне горло, вышибая дыхание. А ему хоть бы что.

— Наверное, вы с подругами делились впечатлениями, читали женские романы, смотрели фильмы для взрослых... Что там обычно пишут? Взрывы? Фейерверки? Бабочки в животе и звездочки в глазах?

Мужчина замолчал, явно ожидая от меня ответа.

— Да. Ещё волны страсти, огненную лаву наслаждения и мир, что рассыпается на сотни осколков, — совершенно спокойно ответила ему.

— Прекрасно. Так вот, Катя, забудь об этом. В первый раз ты этого не почувствуешь. Во

второй тоже. Отрою секрет, ты вообще можешь никогда этого не почувствовать... Ты будешь лежать, смотреть в потолок и считать секунды до того волшебного момента, как я с тебя слезу. Знаешь, сколько в среднем длится половой акт?

— Не знаю. Минут десять-одиннадцать.

— Ладно, пусть десять минут, — кивнул он со странной улыбкой на губах. — Так вот, ты будешь десять минут кривиться от отвращения, наблюдая за похотливым самцом, удовлетворяющим свои потребности.

— Это ты про себя?

— Про всех мужчин. Ну, так что, Катя. Ты всё еще хочешь, чтобы я переспал с тобой?

— А ты думал, что я испугаюсь и начну трястись от страха?... Нет. Я не передумала.

— Отлично, — процедил Александр, с грохотом ставя стакан на столик. От резкого движения капли алкоголя попали на столешницу. — Раздевайся.

Я вздрогнула, но решимости не растеряла.

— Хорошо, — ответила ему и, взявшись за края топа, принялась его стягивать.

Не получилось.

Саша в один прыжок преодолел разделяющее нас расстояние и крепко схватил за плечи.

— Ты что творишь? — зло прошипел мужчина, глядя мне прямо в глаза.

— Раздеваюсь. Как ты и сказал.

— Уходи.

— Нет.

— Глупая девчонка! Уходи! — Саша с силой встряхнул меня так, что я лязгнула зубами, и сразу же отшатнулся. — Я не буду с тобой спать. Ты меня не интересуешь! Не возбуждаешь! Ты просто маленькая дурочка! Которая думает, что может играть во взрослые игры! Я не хочу тебя! И твоё поведение ничего, кроме брезгливости, не вызывает! Прекрати унижать себя и меня!

У него получилось.

Я отступила, потом еще сделала шаг и еще, пока не упёрлась спиной в двери. Слезы лились из глаз, я почти ничего не видела, а в груди всё болело от боли и стыда. Зачем он так со мной? Зачем так грубо?

— Катя... — я поняла, что он хочет подойти ближе, и дернулась.

Не хочу! Не хочу, чтобы он меня трогал, не хочу чувствовать его прикосновений!

Я больше не могла это слышать. Всхлипнув, открыла дверь и бросилась бежать.

Быстрее... быстрее... быстрее.

Я не разбирала дороги, ничего не видела перед собой и знала только одно — мне надо оказаться как можно дальше от него.

Только захлопнув за собой дверь каюты, я смогла дать волю слезам и боли, которая душила меня подобно удавке, мешая нормально вздохнуть. Сразу же упала на кровать, обхватив подушку руками и заливая её горячими слезами. А ведь еще совсем недавно я давала себе слово, что больше плакать не буду. И вновь нарушила его. И всё из-за кого? Какого-то глупого мужчины, который не оценил моего порыва, а вдребезги растоптал чувства и безжалостно вытер ноги о мою гордость. Наверное, именно так себя и чувствует мусор.

— Дура. Дура... дура! — шептала я срывающимся голосом, не в силах успокоиться.

Следом за жалостью к себе и порушенным мечтам пришла здоровая злость.

Я изо всех сил молотила кулаками матрас, пинала подушки и снова рыдала, а потом к

слезам присоединился истерический смех.

— Ненавижу! — кричала, срывая голос и швыряя в стену всё, что под руку попадётся. Словно это могло уменьшить огонь, который сжигал меня изнутри.

Но злость тоже долго не пробыла и схлынула, оставив любоваться тем хаосом, который я натворила за эти минуты. Я даже не могла точно сказать, сколько времени бушевала.

Постель была разобрана. Подушки, одеяло и покрывало безобразными кучами валялись в разных частях комнаты. Пол блестел от осколков разбитой вазы. Хорошо хоть, я не добралась до графина.

Сдвиг непослушный локон, без сил села на пол и тяжело вздохнула:

— Кто бы мог подумать, что я на такое способна. А с виду приличная девушка.

Хотелось есть, и пить тоже. Но выйти из каюты я пока была не в состоянии. Нет! Не могла я сейчас видеть его лицо. Совсем не могла. И притворяться, что всё отлично, тоже не хотела. Это было унижительно.

— Ну, ничего, я сильная, продержусь первое время. А завтра что-нибудь придумаем. Можно устроить вылазку к холодильнику ночью.

Первым делом я налила в графин воды из ванной. Ничего, отстоится сутки, и исчезнет этот специфический металлический привкус. После этого подняла подушку с пола и упала на кровать, практически сразу уснув.

Проснувшись я от того, что живот сводило от голода, а во рту всё пересохло от жажды. Попытка отвлечься и не думать о еде результата не принесла. Я стала думать о ней еще больше. Часы показывали половину шестого вечера. Значит, до гипотетической ночной вылазки оставалось еще шесть часов. И как продержаться?

Сейчас бы булочку, можно и просто кусочек хлебушка... в конце концов, я бы и от сухарика не отказалась.

— Я вот тут лежу. Страдаю, а он, небось, мясо ест с овощами. И где справедливость? — тоскливо подумала я и перевернулась на спину.

Может, стоит выйти? Нет. Лучше пострадаю. Может, у него совесть проснётся. Хотя какая мне разница, по-моему, он вообще чувств не может испытывать, ходячая гора мускулов с одной извилиной в голове, и та прямая. Конечно, я знала, что это не так, но ругаться на него было приятно.

Естественно, я осознавала, что веду себя глупо, но ничего поделать с этим не могла.

Я еще некоторое время лежала, рассматривая потолок, когда неожиданно вспомнила про Жаклин. Подруга была известной сладкоежкой, и над её стратегическими запасами зачехок мы всегда с Би смеялись. Куда только Жи-Жи их не пихала — на полки, в сумки, карманы, ящики стола, под одежду и кровать, между книжек и так далее.

А если она решила меня порадовать и положить что-нибудь вкусненькое на память о ней? Ведь Жи-Жи знала, как мне тяжело будет.

Я со всех ног бросилась к чемоданам и принялась рыскать в каждой кармашке, в каждом отсеке. И мои труды увенчались успехами. Через полчаса у моих ног лежали три плитки земного шоколада, упаковка с печеньем, парочка леденцов, хрустящие батончики и мини-рулет в вакуумной упаковке.

— Жи-Жи, я тебя обожаю, — прошептала я, едва не захлёбываясь слюной, и всхлипнула от эмоций, которые накрыли волной.

Как же мне хотелось всё съесть. Но если я хотела продержаться, продукты надо было расходовать экономно.

Тяжело сглатывая, трясущимися руками я открыла упаковку с печеньем и отправила первый небольшой кусочек в рот.

— М-м-м-м... — от восторга промычала я и закатила глаза от блаженства.

Как же было вкусно. Песочное тесто просто таяло во рту, и мне пришлось держать себя в руках, чтобы не съесть разом всю пачку. Будь моя воля, я вообще бы всё съела.

Проглотив еще две печеньюшки, со страдальческим вздохом запечатала всё назад и отложила в сторону, чтобы не соблазняться лишней раз. После чего отломил плитку шоколада, налила в стакан воды и выпила его, закусывая лакомством. Вперемешку с шоколадом, вода не казалась такой противной.

— А жизнь-то налаживается, — улыбнувшись своему отражению, забралась назад в кровать, полная решимости не сдавать позиции до самого приезда в Дальние Пещеры.

Вылазка на кухню откладывалась на неопределённое время.

— Пусть помучается, — решила я.

Но моё уединение было нарушено на следующее утро.

Честно говоря, я и забыла, что дверь в каюту для Саши препятствием совершенно не является, и открыть он её может, когда захочет. Поэтому и расслабилась, чувствуя себя в полной безопасности.

Я лежала на полу, подложив под голову подушку, и читала какую-то художественную книжку, которую нашла в планшете. Как назло — это был любовный роман с кучей анатомических подробностей.

Всего полчаса назад у меня состоялся завтрак — хрустящий батончик и леденец, который в данный момент я держала за щекой. Поэтому я была в относительно хорошем настроении, когда дверь тихо отъехала в сторону, и на пороге появился Переславцев.

— Ты что тут делаешь? — гневно вскричала я, забыв о том, что с ним не разговариваю, и из одежды на мне сейчас лишь топ с трусами.

— Кать, может, хватит валять дурака? — тихо произнёс мужчина, быстро оглядев меня с головы до ног.

— Что? — в первый момент я решила, что Саша пришёл извиняться. А он опять? — Да как ты... Пошёл вон из моей каюты, я не разрешала тебе приходить сюда!

И запустила в него подушкой. Конечно же, не попала. Александр ловко увернулся и взглянул на меня, как на неудачницу.

— Долго будешь голодом себя морить?

— А тебе какая разница? — с вызовом спросила у него, скрестив руки на груди.

— Кать...

— Не смей меня так называть!

— Детский сад, честное слово.

— Ты... да как ты смеешь? — от злости и гнева даже слова кончились.

— Хорошо, признаю — я был не прав. Тебе стало легче?

Он издевается? Или явился сюда лишь для того, чтобы еще больше меня унижить?

— То есть ты это говоришь лишь для того, чтобы я успокоилась? Да пошёл ты, Переславцев, знаешь куда?

— Знаю, — тяжело вздохнул мужчина и взъерошил волосы. — Кать, прости. Я не должен был этого тебе говорить, тем более в таком тоне. Прости, я правда не хотел. Точнее хотел, но не таким способом. Я не считаю тебя девушкой легкого поведения. И думаю, что ты очень красивая, желанная и просто восхитительная. И в кровать ко мне не прыгаешь... Ты

просто запуталась и очень устала.

Я продолжала молчать и внимательно смотрела ему прямо в глаза. Что он еще скажет? Что у меня белая горячка, похмелье или ещё что?

— Я знаю, что мне нет прощения. Сказанное не вернуть, и за одно это мне надо было язык оторвать. Я взрослый мужчина, а повёл себя, как глупый подросток.

— В каком смысле?

— Ты меня просто загнала в угол, вот я и вспылал. Это меня совершенно не красит, но я не хочу, чтобы ты голодала из-за моего отвратительного поведения. Если хочешь, я сведу наше общение к минимуму, всё время буду проводить в рубке или у себя в каюте. Есть тоже будем отдельно. Обещаю, я даже смотреть в твою сторону не буду. Только выйди отсюда. Пожалуйста. Я омлет сделал.

Желудок предательски заурчал, выдавая меня с головой. Но мне хватило сил не покраснеть.

— Подкупаешь?

— Каюсь, — улыбнулся он. Но улыбка вышла настороженной, словно он боялся, что я разозлюсь.

— И как быть дальше? Будем делать вид, что ничего не произошло?

— Почему же. Просто будем жить дальше. Ты со мной? — и протянул руку.

— Посмотрим, — фыркнула я, поднимая юбку с пола и быстро её надевая.

Его я не стеснялась, наоборот хотела этим еще больше задеть.

Какие странные у нас отношения. Интересно, что же будет дальше.

Глава 12. Кошмары и их последствия

Мы сидели друг напротив друга. Я ела омлет, который мужчина любезно приготовил для меня, всеми силами стараясь выглядеть достойно и не бросаться на еду с горящими глазами. Живот урчал и требовал отбросить все нормы этики и правил поведения за столом и нормально поесть. Но я оставалась глуха к его мольбам и наслаждалась каждым кусочком.

Саша же наблюдал за пиром, пил чай и молчал.

Тишина в столовой была гробовая. Те слова, сказанные сторяча, теперь, наверное, навсегда встанут неприступной стеной между нами, что бы мы ни говорили. Не знаю, как Александр, но я чувства неловкости не испытывала. В данный момент меня интересовала лишь еда.

— Вкусно? — поинтересовался Переславцев, когда я, покончив со своей порцией, положила еще добавки.

— Очень. Спасибо.

— Чай?

— Я бы от сока не отказалась.

— Хорошо.

От этой холодной вежливости сводило зубы. У меня даже руки зачесались, так хотелось схватить и разбить что-нибудь, словами не передать. Уж лучше скандал, чем это холодное показушное равнодушие.

— Мы сегодня отправляемся? — чтобы хоть как-то отвлечься от тревожных мыслей, спросила у него.

— Нет, завтра. Сегодня я еще раз хочу всё проверить и доработать примерный маршрут. А завтра утром, если всё будет нормально, снова тронемся в путь.

— Отлично, — ответила ему и отправила в рот еще один кусочек воздушного омлета.

И снова тишина, лишь мирное гудение приборов и звяканье вилки о тарелку.

— Не получается? — внезапно поинтересовался Саша.

— Что не получается? — погрузившись в свои не слишком весёлые мысли, я не сразу поняла, что он имеет в виду.

— Вернуться к прежним взаимоотношениям.

— А к ним можно ещё вернуться?

Хмыкнул и откинулся на спинку стула:

— Мы же с тобой были друзьями. Столько пережили вместе. А всё разрушила лишь пара слов, сказанных сторяча.

— Заметь, не я их произнесла.

— Если бы не решила расстаться с невинностью, выбрав для этой цели меня, то и слов бы не было.

— То есть я во всём виновата? — опасно сузив глаза, я отложила в сторону вилку.

— Кать, не начинай.

— Я не начинаю, а продолжаю. Получается, во всей ситуации виновата я?

— Нет, я, — отрезал Переславцев. — Мне надо было быть умнее и понять, что этим может всё закончиться. Но столько всего случилось, что я как-то упустил из рук ситуацию, и произошло то, что произошло.

— И что это меняет? — аппетит пропал окончательно. — Каждый из нас остался при

своём собственном мнении.

— Ты вновь будешь пробовать добиться желаемого? — несколько напряжённо уточнил Александр.

— Вот ещё, — фыркнула в ответ. — Мне с головой хватило унижения. Хватит. Больше не хочу повторов.

— Еще раз прости.

И тут неожиданно проснулась совесть. Без неё, конечно, было легче. Но теперь, когда она появилась, избавиться от неё было практически невозможно.

— Я тоже была не совсем права, — вздохнув, призналась я.

— Не совсем? — с тихим смешком уточнил мужчина и в глазах мелькнули знакомые весёлые искорки.

— Не нарывайся, Переславцев. Мне не стоило пить и идти к тебе.

— Да, с виски ты переборщила.

— Потому что вина не нашла, — буркнула я и едва не расхохоталась над абсурдностью ситуации. — Наверное, со стороны это выглядело впечатляюще.

— Ты себе даже не представляешь, как, — откликнулся Сашка. — Отпихнула меня в сторону — глаза горят, движения резкие, стремительные и не совсем точные... и с координацией у тебя проблемы были. Сколько ты, говоришь, выпила?

— Если бы я знала.

— Не помнишь?

— Перестала считать. Ждала эффекта, а его всё не было и не было. А потом меня неожиданно накрыло.

— Кать, ты достойна лучшего, — неожиданно серьёзно произнёс Александр. — И это не я.

Может, он и прав. Должны быть свечи, вино, цветы, чарующая музыка и шелковые простыни. Вот только...

— Не знаю. Только никого другого здесь нет. Ты и я.

— Ты же не знаешь, что именно ждёт тебя в Пещерах.

— Сомневаюсь, что райские кущи и толпы накаченных красавцев.

— А если и так?

— Ну, я тоже не дурочка прыгать в кровать к первому встречному.

Слова застыли в воздухе, воскрешая непрошенные воспоминания, от которых на душе опять стало грустно.

— Давай больше не будем закрывать двери, — неожиданно произнесла я, рассматривая собственные ногти.

— Что? — Саша нахмурился и немного подался вперёд.

— Давай не будем закрывать двери. А то это как-то несправедливо. Ты в любой момент можешь зайти ко мне, а я к тебе нет.

— В свете последних событий дверь является единственной защитой от определённого рода посягательств, — пошутил Переславцев.

Но смеяться отчего-то не хотелось.

— Не буду я к тебе больше приставать, — с досадой отмахнулась я.

— Да? — и иронично приподнял бровь.

— Да! Ну, так что? Скажем «нет» закрытым дверям?

— Аргументы?

— Я же сказала.

Задумчиво забарабанил пальцами по столешнице, явно обдумывая плюсы и минусы данного решения.

— Точно не будешь ко мне приставать?

— Переславцев, — я со стоном закатила глаза. — Мы уже это проходили. Я не буду больше унижаться и бегать за тобой с криками: «Переспи со мной, а то мне плохо». В конце концов, гордость и у меня есть. Так что за свою честь можешь быть спокоен.

— Ладно. Хорошо. Я тебе верю. Я не буду закрывать дверь. Всё, довольна?

— Вполне.

— Но малейшее нарушение...

— Ты опять. Я тебе слово даю, что не буду забираться к тебе в постель, — торжественно произнесла и неожиданно добавила: — Без твоего на то согласия.

— Боюсь, не дождёшься.

— Значит, так тому и быть. По рукам?

— По рукам.

Кто бы мог подумать, что этой же ночью я нарушу своё слово. Причём совершенно случайно, не думая ни о чём таком.

Как говорили древние — ничего не предвещало беды.

После завтрака Саша включил энергопитание корабля, объяснив, что опасность уже миновала, и неизвестный корабль ушёл дальше. На этот раз мужчина справился с этим без моей помощи. Несколько раз я порывалась спросить у него про рану, но решила не рушить хрупкое перемирие собственными руками. Я обязательно выясню правду о его ускоренной регенерации, но позже. Время пока есть, а небольшая передышка в отношениях была нужна.

Как только подача энергии была восстановлена, я вернулась к себе в каюту и включила автоуборщиков, правда, перед этим самостоятельно перестелила постель, не доверяя роботам. На Эквей не любили их и андроидов, считая одним из факторов, разрушающих естественную красоту мира. За эти годы, что жила здесь, я тоже начала так думать.

Ведь именно благодаря таким порядкам и ограничениям Эквей остался таким красивым и первозданным. А ради этого можно было поделаться что-то своими руками.

Настроение было далеко не прекрасным, но биться в истерике я не собиралась. И так нервы ни к чёрту. Пора было становиться умной, взрослой и самодостаточной девушкой и принять все последствия с должным терпением и смирением.

А вот с последним пунктом были проблемы. Не хотела я покоряться. А мечтала жить дальше, любить и быть любимой. Душа требовала свободы и никак не хотела сдаваться без борьбы. Нет-нет да и возникала мысль сбежать на Землю — и будь что будет.

Интересно, а он шутил или серьёзно боялся за свою честь? Оставалось надеяться, что шутил, потому что мне совершенно не хотелось выглядеть в его глазах похотливой девкой.

«А какая тебе разница, как он будет смотреть?» — прошептало противное сознание.

Если бы я знала ответ на этот вопрос. Вот не было печали — взяла и влюбилась.

А как не влюбиться, когда рядом такой мужчина? Сильный, умный и полный тайн. Вот эта его загадочность как раз и притягивала, заставляла всматриваться в него.

Остаток дня тоже прошёл незаметно. С Сашей мы больше не пересекались.

Он был занят в рубке, а я занималась ничегонеделаньем. Снова начала читать книгу об устройстве кораблей. Меня почему-то это успокаивало и отвлекало от тревожных мыслей.

Потом был обед в одиночестве и снова чтение. Сидя в своей каюте, дверь которой

согласно договору не закрывала, я слышала, как Александр спустился вниз и ушел есть. Конечно, мне сразу захотелось пить. Но я прекрасно понимала, что сейчас нам надо встречаться как можно реже. Так будет лучше для всех.

Поужинав, еще некоторое время слонялась без дела, снова читала, а потом легла спать.

Мне снилось что-то яркое, как солнышко, воздушное, как облачко и приятное, как шерсть котёнка. И просыпаться совершенно не хотелось.

Резко открыв глаза, я села в кровати. Прижимая руку к груди, быстро осмотрелась, пытаюсь понять, что же меня разбудило.

Тишина. Лишь едва слышно гудели приборы.

Вновь легла, но уснуть так и не смогла. Снова захотелось есть. Я ворочалась с одного бока на другой, но сна как не было, так и нет.

— От одной маленькой, совсем крохотной булочки вреда не будет, — решила я и отправилась на кухню.

Булочка была очень вкусная. Запив её соком, счастливо вздохнула и сладко потянулась. Была мысль съесть еще одну, но я отказалась. На ночь есть мучное вредно. А ночью тем более.

Я уже почти дошла до своей каюты, когда услышала тихий стон. Недоумённо застыв, взглянула в сторону комнаты Саши. Может, показалось.

Но только я хотела сделать еще один шаг, как стон повторился.

Мама всегда говорила, что любопытство сгубило кошку. Может, так и есть, но и остановиться я не могла. А вдруг ему плохо, или случилось что-то?

— Саш, — тихо прошептала я, подкравшись к его каюте. — Саша...

Тишина.

Я осторожно заглянула внутрь.

— Саша, у тебя всё в порядке? — всё еще шепотом спросила я.

В ответ раздался новый стон, полный боли и отчаянья.

Больше ждать не стала. Решительно вошла внутрь и взглянула на кровать. Мужчина метался в бреду, судорожно сжимал простыни и едва слышно шептал. Слов было не разобрать, но с ним явно что-то было не так. В свете небольшой лампы в углу каюты я увидела, что он весь покрыт блестящими капельками пота.

А вдруг мужчина заболел?

— Саш, — пробормотала я, осторожно кладя руку ему на лоб.

И это было ошибкой.

Он неожиданно распахнул глаза и, резко схватив за руку, швырнул меня на кровать. Тут можно было радоваться, если бы в следующую секунду сильные мужские руки не сомкнулись у меня на шее.

— Ты... что? — только и смогла прохрипеть я, пытаюсь хоть чуть-чуть ослабить захват, и не могла. Он был слишком силен.

Я хрипела, извивалась, била его по рукам, пыталась дотянуться до лица — и не могла.

Его лицо было совершенно бесстрастно, а пустые глаза не выражали совершенно никаких эмоций. Словно передо мной был не человек, а робот. И это было так страшно, что словами не передать. Я никогда не видела его таким и понимала: если не очнётся и не придёт в себя, мне конец.

— Са-шшшшшш-ша, — из последних сил прохрипела я, чувствуя, как огнём горят лишённые кислорода лёгкие, а перед глазами замелькали яркие разноцветные огоньки, и

просто начала терять сознание.

Но внезапно всё прекратилось. Давление на горло исчезло.

— Катя... Катенька...

Меня словно ветром сдуло с кровати. Я упала на пол и сразу же забилась в угол, одну руку прижимая к горлу, другую в защитном жесте выставив вперёд. Расширенными от ужаса глазами я смотрела на Переславцева, который всё ещё сидел на кровати, растерянно смотря на свои руки.

Кашель раздирал пульсирующее от боли горло, дышать было трудно, и я боялась потерять сознание.

— Катя... — с искаженным от отчаянья лицом Саша встал и сделал шаг ко мне.

Как же мне было страшно.

Я завертела головой и захрипела, пытаюсь закричать. Но не выходило.

Каким-то чудом ему удалось меня поймать, сграбастать в свои объятия, несмотря на то, что я отчаянно сопротивлялась — пиналась, кусалась, дралась и вертелась, пытаюсь вырваться на свободу.

Не дал. Еще сильнее прижал к себе, усадил на колени и принялся гладить и что-то шептать, пока я ревела в три ручья и тряслась от пережитого шока.

— Прости... прости, пожалуйста... Катя... девочка моя... прости... я не знал... думал — кошмар... прости меня, — доносился его шепот, и я невольно затихла, вслушиваясь в его интонации и как воск плавясь от осторожных прикосновений.

Потом появились невесомые поцелуи в макушку, которые совсем скоро опустились, касаясь виска, закрытых глаз, мокрых щек, пока не накрыли припухлых губ.

Эти прикосновения трудно было назвать поцелуями, уж слишком легкими и быстрыми они были. Но внезапно всё изменилось. Поцелуй стал именно поцелуем — тягуче сладким как сироп, нежным, воздушным и таким ласковым, что я забыла обо всём на свете. Нежные поглаживания сменились крепкими объятиями и жадными прикосновениями.

Я сама обо всём забыла, цепляясь за него, как за последнюю соломинку утопающий, запускала пальцы в короткие волосы и дрожала от огня, который уже полыхал внизу живота.

И внезапно всё прекратилось.

Недоуменно нахмурившись, я открыла глаза, чтобы наткнуться на внимательный взгляд шоколадных глаз.

О нет, опять?

— Больно? — неожиданно мягко спросил он, проводя подушечками пальцев по моей щеке.

— Н-нет, — запинаясь, пробормотала я, совершенно ошарашенная его обращением. Ведь ожидала чего угодно, но только не этого. Может, он еще спит? Или я уснула? И это мне всё снится?

— Как ты тут оказалась? — обвинения в голосе не было, но я всё равно немного напряглась, готовая отразить любое обвинение.

— Проснулась и услышала стоны. Ты метался в бреду и что-то шептал. Я испугалась, решила, что ты заболел. Коснулась лба и... вот.

Пальцы нежно коснулись шеи, рассматривая её в свете одинокой лампы.

— Синяки останутся. Надо будет смазать их специальной мазью. Прости. Это был кошмар. Я не хотел...

— Знаю, — перебила его, коснувшись пальцем его губ. — Ты не виноват.

— Я чуть не убил тебя.

— Но не убил же, — я невольно повторила фразу, которую он мне сказал, когда собирал бомбу в рубке.

Сидеть у него на коленях было приятно и очень комфортно, но я со страхом ждала того мгновения, когда Александр одумается и велит мне вернуться к себе. А я так этого не хотела.

Но Саша продолжал сжимать меня в объятиях и просто рассматривать.

— Что мне с тобой делать? — неожиданно хрипло спросил он.

— Не знаю, — прошептала в ответ, зачарованная тембром его голоса.

— И что делать с собой?

— Варианты?

Усмехнулся, и в глазах замигали такие знакомые озорные блики, от которых у меня всегда перехватывало дыхание.

— Как ты посмотришь, если я начну тебя соблазнять?

— О-о-о-о, — только могла пробормотать я, чувствуя, как его пальцы медленно скользили по ноге всё выше, рисуя непонятные узоры на лодыжках и бёдрах, выводя какие-то символы на спине, а потом ласкали кожу на затылке, зарываясь в волосы.

И тут произошло нечто невероятное. Вместо того чтобы отдаться чувствам, которые уже бурлили в крови, я решила немного прояснить ситуацию. Лишь для того, чтобы потом не было обидных слов, что озабоченная нимфетка пришла в чужую спальню, соблазнила его и изнасиловала.

— Саш, ты уверен?

Господи. Какой бред. Это он должен меня спрашивать, а не я. Кто из нас невинная дева, а кто опытный соблазнитель?

Ответом мне был хриплый смех и поцелуй, который был дороже всех слов на свете.

Это было как танец.

Я долго не могла найти слов, чтобы описать то, что происходило между нами ночью в расщелине в спящем корабле на дне бесконечного океана Эквей. А потом просто осенило — танец.

Плавные движения рук, такие томительно-медленные и нежные прикосновения губ. Никакой силы и грубости, только сводящая с ума мягкость.

Подушечками пальцев коснуться обнажённой кожи, очерчивая плавные линии мускулатуры, зарыться в шелковистые волосы и пить его дыхание, как самый сладкий нектар.

Оторваться на мгновение... Застыть... Глаза в глаза. Видеть отражение бушующего пламени своей души в его голодном взгляде и медленно плавиться уже и от его чувств.

И снова касаться, гладить и ласкать, не в силах противиться желаниям и чувствам. Но при всём этом мы не спешили. Каждое движение было чётким, верным и таким правильным.

Я всё ещё сидела у него на коленях, лицом к лицу, невольно сжимая бёдра, пытаюсь хоть как-то унять томление внизу живота, подставляя для поцелуев шею и плечи

— Катя... — хриплый шёпот, от которого внутренности вытягивались в струнку и пересыхали губы.

Секунду спустя сильные руки мягко, но настойчиво стянули с меня майку. Кожа в один момент покрылась мурашками то ли от холода, то ли от жадного взгляда шоколадных глаз, которые собственнически рассматривали каждую клеточку.

Я всегда была недовольна своей фигурой. Ровно до этого самого момента... Сейчас же я

была самой красивой... для него.

И снова чувственный танец двух тел и душ.

Упасть на кровать с тихим смехом, который тут же застыл в горле, когда Саша навис сверху, медленно обводя пальцами абрис лица, спускаясь к шее, лаская ключицу и при этом не отрывая взгляда.

— Катя... — в его голосе была нежность, предвкушение чего-то для меня еще неведомого.

Поцелуи сводили с ума, еще больше подогревая кровь в жилах и не давая успокоения. Его руки, казалось, были везде — гладили бока, сжимали чувствительную грудь. А когда он внезапно наклонился и принялся целовать холмик, аккуратно прикусив набухшую вершинку, меня словно током ударило. Чувства всё обострились, скользя по грани между чувственным наслаждением и сладкой болью.

Я стонала, хрипела и извивалась в его сильных руках, совершенно не зная, что делать и как быть. Но тело всё знало само, и мне лишь стоило подчиниться. Иногда так приятно быть слабой и ведомой.

Туман, жар и всполохи ярких огней перед глазами.

Не знаю, когда мы избавились от остатков одежды. Вроде только было тонкое бельё, а уже через мгновение я ахнула, когда наши тела соприкоснулись. Его кожа обжигала не хуже открытого огня.

— Саш, — прошептала я, сжимая простыни в руках и выгибаясь в спине.

— Чш... тихо, — он держал моё лицо в руках, как драгоценный цветок, а в глазах была такая нежность, что не передать словами.

— Не могу... — слов, чтобы объяснить своё состояние, не существовало.

— Можешь, — ласковая улыбка стала порочной и предвкушающей. — Ты даже не представляешь, сколько всего можешь, Кэтти.

Мгновение передышки — и снова огонь прикосновений, пьянящие поцелуи и мои стоны, которые невозможно было сдерживать. Я и сама пыталась цепляться за него, отвечать, но проигрывала в этой чувственной схватке с собственными эмоциями.

Момент близости запомнился хорошо. Тяжесть мужского тела, чужое вторжение и мимолётная боль, которая лишь причинила легкий дискомфорт и выдернула из сладкого тумана неги.

— Всё... хорошо? — я испуганно смотрела на Сашу, который стеной навис надо мной. Его лицо было напряжённым, а потемневшие глаза неотрывно следили за реакцией.

В ответ на мой вопрос, он слегка приподнял бровь, лукаво усмехнулся и наклонился, припадая к моим губам. На поцелуй я ответила с готовностью. Закинула ему руки за голову и сама не заметила, как огонь вновь вспыхнул в венах.

А дальше было чувственное движение, крепкие объятия, тяжелое дыхание вперемешку с моими слабыми вскриками и непонятное стремление куда-то. Я выгибалась, царапалась, дрожала и даже кусалась, пытаюсь добраться до чего-то невероятного.

Но в первый раз не получилось.

Саша вдруг резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы, сжал изо всех сил и задрожал, вдавливая меня в матрас.

Разочарования не испытала. Отчего-то уверенная, что в следующий раз всё обязательно получится.

Глава 13. Сломанные крылья

Что изменилось после того, как я перестала быть девушкой в физическом смысле этого слова? Да, собственно, ничего. Две руки, две ноги, глаза, уши, нос и рот. Всё осталось на месте, как и было еще вчера вечером. И я была всё той же Кэтти. Это было странное ощущение. Не знаю, чего именно я так ждала и к чему готовилась, но всё было как всегда. Так обычно, что даже немного обидно. Нет, я не была разочарована и не собиралась рыдать с криками: «зачем я это сделала» и так далее. Просто так упорно к этому шла, что сейчас просто не знала, что делать и как быть дальше.

Отчасти поэтому я продолжала делать вид, что сплю, крепко обнимала подушку и старательно закрывала глаза. Так хотелось продлить это ощущение счастья и не думать о том, что нас ждёт дальше. Ведь разговора всё равно не избежать.

Сашка уже проснулся. Простынь сползла с моего тела, открывая обнажённую спину, и мужчина сейчас очень медленно выводил на ней узоры пальцами. Я сначала не поняла, что именно он делает. А только потом вспомнила про хиту и крылья, которые были изображены сзади. Именно их мужчина очерчивал, повторяя каждую линию.

Его прикосновения вызывали сладкую дрожь и приятную истому в теле, и притворяться, что сплю, больше не имело смысла. Но мы оба продолжали играть в эту непонятную игру.

— Какие узоры у тебя еще есть? — вдруг тихо и немного хрипло спросил он, нарушая тишину.

Может, это и хорошо, что он начал разговор о хите, а не о том, что произошло между нами ночью. Так будет проще.

Я обернулась, всё еще продолжая обнимать подушку. На него было приятно смотреть — в меру накаченное тело, аккуратные кубики, легкий загар, взъерошенные тёмно-русые волосы и шоколадные глаза.

— Доброе утро, — мужчина опирался левой рукой о кровать, а правой продолжал обрисовывать крылья на лопатках.

Его глаза лихорадочно блестели, да и сам Саша выглядел странно, задумчивым и сосредоточенным. Словно открыл один из законов мироздания.

— Доброе утро, — улыбнулась ему в ответ и пожала плечами. — А какое это имеет значение?

— Как оказалось, большое. Алексия рассказывала, что во время купания в Озере у девушек бывают видения об избранниках. Ты тоже что-то видела?

— Видела, — вспоминать об этом было неприятно. Ведь приходилось заново переживать все чувства, которые я так старательно хоронила в глубине своего сердца. — Крылья. Лазоревые крылья, братья тех, что изображены у меня на спине. Только они были еще тоньше, прозрачнее и красивее. А потом они вдруг собрались, превратившись во что-то, похожее на значок или медаль. Я точно не смогла разобрать. Всё произошло так быстро.

— Значок, — медленно произнёс он, продолжая буравить меня непонятым взглядом, будто видел в первый раз.

— Саш, а в чём дело? — приподнимаясь на локтях, спросила у него.

Эта недосказанность и таинственность нервировала.

— Я должен был догадаться, — неожиданно хмыкнул он и покачал головой. — Она же никогда ничего просто так не делает.

— Кто?

— Богиня.

— А причём тут она?

Но он опять ушёл от ответа.

— Так у тебя есть еще узоры?

— Есть, — вздохнув, ответила ему, вновь падая лицом на подушку. — Трилистник на копчике. Можешь посмотреть.

— Ммм, правда? — неожиданно промурлыкал он и принялся медленно стягивать простынь ещё ниже, оголяя нижнюю часть спины и половину ягодиц. — Действительно, трилистник. Ты, кстати, знаешь, что он означает?

Ещё бы мне не знать, я столько времени убивала на это, надеясь, что эта информация поможет разобраться в происходящем. Не помогло.

— Да. Существует множество легенд, которые сводятся к одному общему знаменателю — притяжение трёх равнозначных символов бытия. Единство, гармония и совершенство; земля, небо и загробная жизнь; прошлое, настоящее и будущее. В христианстве он символизирует — отца, сына и святого духа. Только я совсем не понимаю, как это связано с Эквей.

— А также обозначение — жизни, смерти и возрождения, — неожиданно добавил Саша, нежно касаясь изображения клевера на коже и таким нехитрым способом посылая искры желания по всему телу.

Я даже дыхание задержала, наслаждаясь ощущениями. Но счастье было недолгим. Неожиданно всё прекратилось.

— Да, и такой вариант есть, — вздохнула в ответ и, перевернувшись, села, прижимая к груди простынь. — Почему ты спрашиваешь? Разве это имеет какое-то значение?

— Значение имеет всё. Знаешь, воспринимая трилистник именно как обозначение жизни, смерти и возрождения, я и сделал эту татуировку.

— Какую татуировку?

Я не видела у него татуировки. А если бы увидела, то точно бы запомнила.

— Вот эту, — он отодвинулся в сторону и на пару сантиметров сдвинул простынь, позволяя рассмотреть небольшой зелёный клевер, который располагался немного ниже пупка.

— О, — только и смогла прошептать я.

Сердце вдруг застучало, ладони вспотели, а у меня возникло странное ощущение, что я нахожусь на пороге какого-то невероятного открытия. Даже во рту пересохло от ожидания неизбежного.

— Когда ребята сказали, что все в группе делают татуировки, как символ новой жизни, я недолго думал, какой именно символ выбрать. Мне тогда казалось, что я прошёл все три круга трилистника — жил, умер и возродился. Наивный дурак, — странно усмехнулся он.

Откровения не произошло. Всё ещё больше запуталось.

— Саш, я не понимаю.

— Крылья... Крылья были нашим символом, — продолжал бормотать Переславцев, совершенно дезориентируя меня. — Ответ был под носом, а я отказывался верить и понимать. Упрямый осёл, заикленный на прошлом.

— Саш, да объясни ты толком, в чём дело.

Повернувшись, он что-то достал из ящика тумбочки и протянул мне.

Два серебряных крыла... небольшой значок, который должен пристёгиваться к куртке.

Дрожащей рукой я взяла его и осторожно провела пальцем по гладкой отполированной поверхности.

«Клевер» — было выбито в углу мелким шрифтом.

— Мой позывной.

— Ты хочешь сказать? — произнести это я была не в силах.

— Что Богиня немного слукавила. Она уже выбрала тебе спутника и сделала всё, чтобы столкнуть нас лбами, — ответил Александр. Недовольным он не выглядел, наоборот, впервые за всё время он стал так похож на того прежнего Переславцева, которого я помнила.

Кровь стучала в голове, в ушах всё шумело и гудело, а сердце билось так сильно, что казалось, ещё немного — и выскочит из груди.

— Не может быть, — в конце концов тихо произнесла я. — Я не понимаю... зачем такие сложности? Зачем всё это? Почему просто...

— Что? У меня-то цвета нет, я не эквейт. Какую хиту она должна была изобразить на твоём теле?

— Ладно, я согласна, цвета у тебя нет. Но нельзя было по-другому об этом сообщить? Зачем ставить этот знак? — я ткнула пальцем в щеку.

А Саша неожиданно тихо рассмеялся.

— Что?

— Кать, его нет.

— Кого нет? — нахмурилась я, не понимая причину его неожиданного веселья. Ведь решаем такой важный вопрос, а он хохочет.

— Знака. Отметки Богини на тебе больше нет.

— Что?!!

Выдернув у него из рук простынь и кое-как ею обмотавшись, я бросилась к зеркалу и застыла, расширенными глазами рассматривая собственное отражение. Знака не было. Саша не солгал.

— Господи, — простонала я, подушечками пальцев касаясь чистой кожи. — Не может быть.

Мужчина встал за моей спиной и обнял за плечи.

— Ты понимаешь, что это значит, Кэтти?

— Что? — шёпотом спросила у него, встречаясь в зеркале с пылающим взглядом карих глаз.

— Что ты теперь не должна плыть в пещеры.

— Правда? — всхлипнув, спросила у него.

— Правда. И мне не надо. Мы можем вернуться домой.

Я повернулась, прижимаясь к нему, и закрыла глаза, вслушиваясь в биение его сердца.

— Всё-таки она должна была найти другой способ, чтобы сказать о том, что мы... ты понимаешь.

— Боюсь, другой способ не сработал бы, — поцеловав меня в макушку, ответил Саша. — Мы бы просто не поверили. Ты была влюблена в другого. А я...

Он замолчал, а я сразу почувствовала, что что-то его тревожит.

— Саш, в чём дело?

— Я плыл в Пещеры только с одной целью... Умереть.

— Стоп! — я опустила глаза и глубоко вздохнула. Слишком уж противоречивая

информация сейчас свалилась на мою бедную голову. А про количество я вообще молчу. Я еще не привыкла к мысли, что отметки Богини нет, как новый сюрприз. Чужало моё сердце, он еще не последний на сегодня. — Давай разберёмся, ты же не эквейт. И мы с тобой это уже обсуждали. Отправляться в Пещеры к Богине для завершения жизни тебе не нужно.

— Я знаю, — совершенно спокойно и невозмутимо отозвался Александр. — Но дело совсем в другом.

У меня возникло странное ощущение, что его веселит вся эта ситуация. Я бы тоже посмеялась, если бы знала над чем.

— И в чём же?

— Кать, давай мы с тобой примем душ, переоденемся, позавтракаем, а уже потом поговорим и всё обсудим, — неожиданно произнёс Переславцев.

Ну вот, опять начинается. Бросил жуткую фразу и в кусты.

— Ты опять уходишь от разговора, — вздохнув, ответила ему и пожала плечами. — Хорошо, принуждать тебя не стану.

— Эй, — Саша провёл указательным пальцем по моему лицу и мягко улыбнулся. — Я не собираюсь увилывать. Обещаю, что всё расскажу. Лгать и изворачиваться теперь просто нет смысла. Не уверен, что потом ты... Кать, я совершал вещи, за которые сейчас мне стыдно, но даже их утаивать от тебя я не собираюсь. И вообще, — он хмыкнул, и его рука опустилась на плечо, лаская обнажённую кожу. — Ты в этом одеянии выглядишь, как самая настоящая нимфа. А мне сейчас больше всего на свете хочется затащить тебя назад в кровать и продолжить то, на чём мы остановились этой ночью.

— Ты меня специально смущаешь и заговариваешь зубы, — пробормотала я, чувствуя, как от этих слов, от тембра его голоса кровь вспыхивает внутри.

— Катюш, — прошептал Саша немного хрипло, убирая волосы мне за ушко. — После того, что было ночью, стесняться просто нет никакого смысла. Я не только видел тебя от макушки до самых пяточек, но и целовал, обнимал и ласкал. Так что прекрати смущаться, слышишь?

— Я попробую.

— Тогда в душ?

— В душ. Я пойду к себе. Мне надо будет еще переодеться, — улыбнувшись, я поудобнее схватила простынь и вышла из каюты.

Пока купалась, подставив лицо под тёплые капли воды, всё пыталась осмыслить сказанное Сашей. Те выводы, к которым он пришел, соответствовали действительности, и я понимала, что мужчина прав. Исчезновение знака означало только одно: игрушкой Богини мне больше быть не надо. Значит, теперь я могу вернуться к маме, сестрёнке и друзьям. И не одна, а с Сашей. Как бы странно это ни звучало и как бы фантастически ни выглядело. Я знала, что это правда. Мы есть друг у друга.

— Я могу вернуться домой, — прошептала сама себе и всё ещё не могла поверить.

Умом понимала, но сердце еще отказывалось верить. Ведь если это опять ошибка или какой-то розыгрыш, то я этого просто не вынесу. Поэтому и боялась, стараясь найти в произошедшем скрытое дно.

Конечно, меня коробили методы Богини. Так издеваться над всеми нами, выворачивая наизнанку чувства и эмоции, скручивая и оголяя нервы, сводя с ума от бессилия — просто бесчеловечно. Нет, не так. Это жестоко! Неужели нельзя было как-то иначе сообщить нам с Сашей о предназначении друг другу? Может быть, сначала я бы повредничала,

поупрямилась, но приняла бы выбор Богини... Или нет?

Я помнила, как Финор говорил мне, что собирался бороться, что можно было всё изменить. Ведь он попытался бы оспорить выбор Богини, а я бы его поддержала. И что получается? Замкнутый круг и вновь исходные данные.

Саша... Что он имел в виду, говоря, что плыл в пещеры, чтобы умереть? А вдруг он неизлечимо болен? Подхватил какой-то неизвестный вирус, пока путешествовал по Галактике?

Мне пришлось опереться рукой о стенку душевой кабинки, чтобы восстановить дыхание. Как же мне стало страшно за него, руки начинали дрожать только от одной мысли, что я могу потерять его.

Пусть мы не говорили о чувствах, и я не знала, что Александр испытывает ко мне кроме страсти. Пока было достаточно того, что я любила.

— Так, Кэтти, успокойся. Рано предаваться панике. Это всего лишь твои домыслы и только.

Но сколько я ни думала, других вариантов, объясняющих причины такого заявления, у меня просто не было.

— Нет, это не может быть правдой. Если бы он умирал, то точно не радовался отсутствию у меня знака. Значит, здесь что-то другое. И совсем скоро я об этом узнаю. Да и не похож он на умирающего. Наоборот, пышет здоровьем, и еще его ускоренная регенерация... Интересно, а про неё он мне тоже расскажет?

Впереди был завтрак, разговоры и пять дней пути до Аквали.

Пять дней и пять ночей. Не знаю, как Переславцев, но эти ночи я собиралась провести в объятиях любимого человека.

Когда я пришла в столовую, Саша ещё не было. Недолго думая, принялась готовить завтрак. Монотонные движения успокаивали и давали возможность прийти в себя.

— Помощь нужна? — прошептал мужчина, подходя сзади, и, нежно обнимая за талию, поцеловал за ушком.

— Нужна.

— От тебя так вкусно пахнет, — он провёл носом по волосам, щекоча кожу и вызывая сладкую дрожь. Мне даже пришлось отложить нож, которым я резала овощи, в сторону, чтобы не порезаться.

— Ты меня отвлекаешь, — заметила я. А сама прикрыла глаза и задержала дыхание, наслаждаясь его близостью.

— Что я могу поделаться, если ты такая... аппетитная.

— Еще вчера ты на меня даже не смотрел, — парировала я, выбираясь из его объятий. — Лучше достань тарелки.

— С чего ты взяла, что не смотрел? — ухмыльнулся Переславцев, но просьбу выполнил. — Смотрел, только старался это делать таким образом, чтобы ты не заметила.

— Зачем такие сложности? — не отрываясь от готовки, спросила у него.

— Ты же знаешь ответ на этот вопрос.

— Потому что готовился к смерти, а я должна была стать пожизненной игрушкой.

— Совершенно верно. Давай поговорим обо всём после того, как сядем есть. Я не хочу, чтобы ты порезалась или обожглась.

— Хорошо.

Какие-то десять минут — и мы уже сидели друг напротив друга.

— И так? — ковыряя вилкой салат, спросила я.

— А поесть? — намазывая джем на хрустящий тост, спросил он.

— Одно другому не мешает.

— Так не терпится узнать все мои тайны? — ухмыльнулся Саша, но взгляд был настороженным.

— Ты сам начал.

— Хорошо. Хочешь знать, чем я занимался то время, что провёл вне Эквей? — замолчал, а потом быстро выдал. — Я был пиратом.

— Что?!!!

— Кать, не кричи так, пожалуйста, — слегка скривился Саша от моего вопля.

— Если это шутка, то очень глупая и совершенно не смешная, — откладывая вилку в сторону, произнесла я и попыталась собрать остатки терпения. — Если ты не хочешь говорить мне правду, то хотя бы не лги.

— Я же говорил, что ты плохо воспримешь истину. Даже разочаруешься во мне. Так и получилось.

«Неужели не солгал? Ведь говорить подобные вещи просто так невозможно. Это нерационально и глупо».

Я некоторое время изучала его лицо, а потом тихо сказала:

— Ты не шутил.

— Нет. Космический пират Александр Переславцев, позывной Клевер, — горько усмехнулся он, продолжая наблюдать за моей реакцией.

— Звучит не очень грозно, — призналась ему.

Он медленно выдохнул. Только сейчас я поняла, как тяжело Саше было ждать моей реакции на свои слова. Неужели думал, что брошусь бежать с криками «Спасите, помогите!», а потом пять дней буду сидеть у себя в комнате и плакать, вздрагивая от каждого шороха? Нет, сначала я хотела слышать всю его историю. От начала и до конца, а уж потом делать какие-либо выводы.

— Поверь, у пилотов Альянса я вызывал совершенно другие эмоции.

— Саш, как тебя вообще угораздило связаться с пиратами? Ты ведь не такой.

— Какой? Честный, открытый, добрый и смелый? Образец для подражания и объект для первой любви у девочек с Земли? — сухо поинтересовался Александр. — Тебе напомнить, что случилось четыре года назад? Когда Князя и твою мать заперли в Посольстве и пытались выжечь мозг. Я был там, Кэтти, я видел их состояние. Я видел и тебя, сине-зелёную, с впавшими глазами и острыми скулами. Ты помнишь, как умирала, не в силах вздохнуть?

— Помню, — с трудом выдавила я и отвернулась. — Но какое это отношение имеет к пиратству?

— А теперь скажи, как Альянс ответил за это?

Я промолчала, но Саше и не нужен был ответ.

— Никак. Так же как 15 лет назад не ответил за искалеченную психику моей старшей сестры. Ведь это Альянс спонсировал Монра, который загипнотизировал Алексию. Ты же знаешь, что она тогда пыталась убить себя?

Кивнула, вновь смотря ему прямо в глаза. Сколько боли и гнева в них было.

— Я разговаривал с Князем сразу после случившегося в Посольстве, требовал предпринять хоть какие-то действия. И ничего. «Мы слишком слабы и не выстоим в открытой конфронтации с Альянсом. Из всего надо извлекать выгоду, мы её получим и

здесь. Надо лишь знать правила игры», — ответил мне в тот момент Князь. Ненавижу политику. Тогда я и решил действовать по-другому.

— С помощью пиратов?

— Да, с помощью пиратов. Мне казалось, что это самый лучший выход и самый действенный способ насолить Альянсу за всю ту боль, что они нам причинили. Враг моего врага — мой друг.

— Спорное утверждение.

— Какое есть.

— Как ты вообще с ними связался? Нельзя просто так выйти в космос и сказать: хочу к пиратам.

— А вот этого я тебе не скажу. Но на то, чтобы войти в группу Крылатых, мне понадобилось более полугода.

— Крылатых? — переспросила его, вспомнив значок. Как же всё, оказывается, связано между собой. Мы все, как куклы, скреплены невидимыми ниточками, за которые дёргает невидимый кукловод.

— Да. На самом деле, космических разбойников очень много, и они все поделены на группы, и все имеют своего собственного руководителя и вид деятельности. Я выбрал Крылатых, мне казалось, что наши идеи и принципы схожи. И оказался прав.

— И они так просто тебя приняли? — недоверчиво переспросила я.

Переславцев фыркнул и покачал головой.

— Легко? Мне такие испытания устраивали, что я уже начал жалеть о своей затее и держался лишь на упорстве.

— Что было дальше?

— Дальше? Дальше мы устраивали диверсии, воровали груз, в общем, всячески пакостничали, как могли. Весёлое время было. Мы считали себя такими умными, сильными и неуязвимыми. Я думал, что это будет ненадолго. Отомщу, поиграюсь и вернусь. Но игра в пиратов засосала меня.

— Вы убивали? — перебила я Сашу.

Мне очень важно было знать ответ на этот вопрос.

— Нет, убийство не входило в наши приоритеты. И огонь мы открывали лишь в особых случаях, когда сбегали или отбивались. Убил ли я кого-то из Альянса? Да. Но это не было моей целью. Не знаю, утешит ли это тебя или нет.

И я не знала. Мне еще трудно было всё осмыслить, не видя полной картины.

— Так при чём здесь смерть в Пещерах?

Александр закрыл глаза, словно пытаясь собраться с мыслями, а потом тихо начал рассказывать историю своего прошлого:

— Чуть больше года назад среди новичков появилась девушка. Её звали Виолетта, Ви. И я любил её. Сначала был лёгкий флирт, потом симпатия, страсть, а уже потом я понял, что влюбился. Ради неё я готов был бросить пиратство, похоронить Клевера и вернуться на Эквей. Уже мечтал о домике, свадьбе и куче детишек... Во время одного из рейдов мы попали в засаду. Это было страшное кровавое месиво. Одна треть наших погибла, другая треть попала в плен. А остальным с трудом удалось выбраться. Ви оказалась среди пленных. Так уж произошло, что наш командир погиб, и его обязанности мне пришлось взять на себя... И я отдал приказ направить все силы на спасение плененных товарищей. Но думал тогда я больше о ней.

— У тебя не получилось?

— Получилось. Мы смогли узнать дату и время транспортировки наших в тюрьму, придумали гениальный план по освобождению и... — Саша вдруг изо всех сил ударил кулаками о столешницу.

Громко звякнула посуда. А я едва смогла сдержать испуганный крик.

— Ви была агентом Альянса. Она предала всех нас. Мы попали в ловушку. И уже никто не смог уйти. Я обрёл на смерть тех, кто мне доверил свои жизни. И всё ради этой твари.

— Саша, — прошептала я и попыталась коснуться его руки, но он не дал.

— Она самолично казнила каждого из моих друзей... прямо у меня на глазах. Каждое утро, просыпаясь, я гадал, кто же сегодня умрёт из-за меня.

Как же ужасно это звучало, я просто была не в состоянии принять эту информацию. Как же он выдержал всё это и не сошёл с ума?

— Зачем?

— Они хотели меня сломать и практически сломали. Считали, что раз Алексия была избрана Богиней, то и во мне, как в её единокровном брате, есть что-то особенное. Доктору очень нравилось ставить на мне опыты, экспериментировать с разными составами. Он называл меня шкатулкой с секретами.

— Саш, не надо, — прошептала я, уже не сдерживая слёз.

— Надо. Я должен рассказать тебе всё. Как они ни старались, как ни пытались, я продолжал жить и лелеять планы мести. Ради этой мести я еще сопротивлялся. Каждый раз, умирая от боли, представлял лицо Ви, когда буду её убивать. Два месяца назад мне удалось воплотить свои планы в жизнь.

— Ты убил её?

— Нет, — улыбка, возникшая на его лице, была жуткой и просто нечеловеческой. — Мне казалось, что я прошёл все круги ада, но ошибся. Опять... Регенерация — лишь одна из тех способностей, которыми меня наградил док. Я отлично вижу в темноте, плюс выносливость, быстрая реакция. Так же улучшенные слух и зрение. Я просто суперсолдат. Для полного счастья меня надо было зомбировать, чтобы не думал, а просто исполнял. Это была их единственная ошибка. В какой-то момент мне удалось вырваться и взять дока в заложники. Он был очень ценным, и я знал, что ради его безопасности они пойдут на всё. Конечно, меня попытались ликвидировать, то тут мне помогли новые способности. Смирившись, они согласились выполнить выдвинутые требования. А мне нужен был лишь отдельный шаттл и связанная Ви на его борту. Те согласились, повредничали немного и согласились... После того, как я отрубил доку пару пальцев. Правда, уходить так просто я тоже не собирался — смастерил мини-бомбу в лаборатории, там было столько химических элементов и реагентов, что взрыв был бы колоссальный.

— Они выполнили условия?

— Да. Виолетта была там. Связанная... на седьмом месяце беременности.

— Господи...

— Да, Катя, это был мой ребёнок. Ей была дана команда привести меня к ним любыми способами и по возможности забеременеть. Её просто заставили вынашивать моего сына.

— Саша...

— Я не мог её убить. Несмотря на то, что она сделала, что загубила всех моих друзей, за то, что я больше трёх месяцев находился в руках у дока... Это был мой ребёнок. Запустив детонатор, воспользовавшись паникой, возникшей после взрыва, мне удалось сбежать.

Честно, я каждую секунду ждал, что нас собьют, но этого не произошло.

— Что стало с твоим сыном?

— Через два дня Виолетта повесилась в туалете. Сделала верёвку из одежды и повесилась. Убила себя и малыша.

— Саша...

— Все, кого я знал, любил — все они погибли. А меня сделали генетическим уродом. Я не хотел жить. Поэтому пробовал сделать новую бомбу, чтобы взорвать все следы моего существования. Но у меня не получилось. Пытался застрелиться и осечка. Шесть раз подряд. Хотел повеситься, а верёвка разрывалась на части. Резал вены, а раны сами заживали.

— Я не понимаю.

— Я тоже не понимал, пока Богиня не появилась и не объяснила, что не даст мне умереть.

— Подожди. Я совсем запуталась, что значит, не даст умереть?

— Ты когда-нибудь вступала в спор с Богиней, где ставкой была твоя жизнь?

Глава 14. Возвращение

Если я и раньше не была в восторге от методов Богини, то теперь после услышанного прибывала в глубочайшем шоке.

— Она обещала тебя убить, если ты не выполнишь её указания? — ахнула я, хватаясь за сердце. — Господи, какой кошмар! Какой ужас! Это просто чудовищно!

— Кать, успокойся.

— Что значит — успокойся? Это же выходит за грани допустимого! Конечно, лишать свободы выбора ужасно, но лишать жизни из-за отказа выполнять её капризы, — я даже задохнулась от возмущения, не в силах подобрать подходящих эпитетов, характеризующих степень моего возмущения.

Попадись мне Богиня сейчас, я бы ей столько всего высказала и за себя, и за Сашу. Может быть, даже парочку волос у неё из головы выдрала. Никогда не думала, что могу быть столь агрессивной и безрассудной, до того, чтобы с кулаками бросаться на Богиню целой планеты.

Но как можно быть такой жестокой? Всему же есть предел! Даже божественному вмешательству.

— Кать, — вновь попытался достучаться до меня Саша. — Ты всё не так поняла.

— Ты ещё её защищаешь? После такого?

— Кать, спор был о другом. Успокойся и выслушай меня, пожалуйста. Мы с ней поспорили, что если, добравшись до Пещер, я не найду смысл, ради которого стоит отказаться от прошлого и жить дальше, то она позволит мне умереть.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать услышанное.

— То есть...

— То есть она меня спасла. Весьма своеобразным способом, конечно, но я действительно хотел умереть и сделал бы это, если бы Богиня не вмешалась...

— А сейчас? — перебила, внимательно всматриваясь в его лицо.

Александр ответил мне прямым и открытым взглядом без грамма фальши и лжи.

— Сейчас я хочу забыть о прошлом, похоронить Клевера и начать жизнь заново.

— А для меня в твоей жизни место есть?

Мне жизненно необходимо было знать ответ на этот вопрос. Ведь от него зависело так много.

— А без тебя и жизни нет, — усмехнувшись, ответил мужчина. — Ты мой якорь.

Только усмешка не была обидной. Наоборот, она отражала искренность его чувств. Саша действительно верил в то, что говорил, хотя и был удивлён, что какая-то девочка, которую он знал ещё подростком, смогла вернуть его практически с того света.

Дальнейшая жизнь виделась в ярком безоблачном свете. Что могло случиться с нами теперь, когда мы во всё разобрались, когда открыли друг другу тайны? Теперь, когда мы были вместе?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мы сегодня можем отправиться домой?

— Да, сейчас позавтракаем и будем прокладывать путь до Аквали.

— А Богиня? Как быть с ней? Может, надо её предупредить или... не знаю, — в конце концов сдалась я. — Просто понимаешь, в чём дело. Мы так долго плыли, так мучались,

страдали — и теперь всё? Так легко и просто?

— Тебе хочется ещё мучений? — насмешливо уточнил он, отчего в глазах ярко сверкнули искорки-смешинки.

— Мне не хочется новых неприятностей из-за чужого раненого самолюбия, — призналась ему. — Представляешь, если вдруг своим поступком мы её обидим. Даже не хочется думать о последствиях такого поступка.

— Перегибаешь.

— Перестраховываюсь, — парировала в ответ.

— Хорошо. Ты почему к ней плыла? Из-за знака. Он есть? Нет. Отсюда вывод: ты свободна. То же самое со мной. Я свой урок вынес и решение принял. Я проиграл, хотя, по сути, выиграл.

Наверное, он был прав.

— Выходит, домой?

— Домой, — улыбнулся мужчина.

И жизнь сразу стала светлой и прекрасной? Мы победили: салюты, фейерверки и только радужное будущее впереди?

Ха! Да как бы не так! Наверное, за столько столетий надо было придумать толковую книгу-пособие: «Как себя вести в замкнутом пространстве с мужчиной, с которым уже спала, и вроде у вас намечается совместное будущее, правда, всё ещё очень сложно. А еще он старше тебя на шестнадцать лет, и как дальше быть не знаешь». Мне бы сейчас очень пригодилась такая книжка.

Если, проснувшись утром, с тоской думала, что после потери невинности всё было как всегда, то только теперь я осознала, насколько сильно ошибалась.

Что мы имеем? Есть один взрослый, умудренный мужчина, и есть одна юная симпатичная девушка. У них был секс, и они вроде как пара по воле Богини. Девушка влюблена в мужчину, а тот... И тут стоит большой такой знак вопроса. Что тот? Вроде рад, говорит, что я его жизнь изменила, и всё прекрасно. Но что это значит лично для него? И что нас ждёт по возвращении домой?

— Кать, что-то не так? — Сашин голос вывел меня из задумчивости.

— Что? — недоуменно вскинув голову, я увидела, что Александр уже позавтракал и теперь стоял у стола, внимательно меня разглядывая.

— Ты о чём-то так серьёзно задумалась. Всё нормально?

«Спроси его! Спроси о чувствах! О том, что будет ждать вас дальше?»

Но я не могла. Это было как-то неправильно. Может, будет лучше, если он сам всё скажет или покажет своими поступками?

— Да. Просто столько информации. Пытаюсь понять, что же будет дальше.

«Ну же, успокой меня. Скажи, что всё будет хорошо, что мы будем вместе. И не потому, что так захотела Богиня, а потому что я тебе нравлюсь...»

Но Переславцев намёк не понял.

— Понимаю, такой шок. Но главное, что всё позади. Я пошёл в рубку, а ты отдохни, выспись, полежи. А то нервный срыв может произойти, — произнёс он, подмигнув и ушел.

Вот просто развернулся и ушёл!

«А поцеловать? А обнять? А сказать, что всё будет хорошо?»

Я едва не зарычала от разочарования и опять промолчала, позволив мужчине уйти.

— Кажется, я уже превратилась в неврастеничку с заниженной самооценкой, —

пробормотала в пустоту и схватила тост с тарелки.

Он уже остыл и успел зачерстветь, так что в порыве праведного возмущения я едва не сломала себе зуб.

— Да что же это такое? — отбросив его в сторону, вздохнула я. — Что Саша там говорил? Пойти поспать или просто отдохнуть? Уснёшь тут, как же.

Ведь в Аквали были не только мама, Индин, Князь, родственники и друзья. В Аквали оставался Финор. И я совершенно не была готова к встрече с ним.

И вообще, как так получилось, что вся моя прошлая жизнь казалась такой далекой и совсем чужой? Школа, воспитатели, друзья, игры и проказы — всё это казалось мне таким неважным, словно прошло не две недели, а целая жизнь. Будто я перевернула страницу той, прежней жизни и уже не могла вернуть её назад.

Получается, что если нельзя вернуться, то стоит идти дальше. Взглянуть в глаза своим страхам и спросить о самом главном, а не прятаться по углам.

Раньше мне казалось, что я довольно скромный человек и никогда не буду приставать с расспросами к незнакомым людям или заставлять их делать то, что хочется именно мне. Оказалось, что временами и я могу быть жесткой и беспринципной, и попытки соблазнить Сашу — прямое тому доказательство.

Так почему я не могу вновь стать такой? Почему не могу собрать волю в кулак и сделать тот первый самый трудный шаг?

Убрав всё со стола, решила подняться в рубку.

Всё-таки Александр был очень красивым — мужественное лицо, развитая в меру мускулатура, короткие русые волосы — а я уже отвыкла от такой причёски, проживая несколько лет на Эквей — и удивительно красивые шоколадные глаза. Если бы я уже не была в него влюблена, то непременно влюбилась.

— Я думал, ты отдыхаешь, — бросив на меня короткий взгляд, произнёс Переславцев.

— Не хочется. Как успехи? — присаживаясь в кресло, спросила у него.

— Все приборы работают исправно, отклонений нет, — продолжая нажимать кнопки и переставлять рычаги, ответил Переславцев. Свет от голографических панелей причудливыми цветами играл на лице. — Сейчас будем запускать двигатели.

— Того корабля точно больше нет?

— Точно.

— Думаешь, это Альянс?

— Других вариантов я пока не вижу.

— Саш?

— Мм?

— Скажи, а они ищут вход в Пещеры или тебя? Представители Альянса ведь знают, что ты вернулся и что на самом деле можешь, не так ли?

Замер, наконец-то отвлекаясь от своих приборов, и взглянул на меня.

— А это имеет какое-то принципиальное значение?

— Это я сейчас и пытаюсь у тебя узнать. Имеет или нет? Может, раньше, когда ты пытался умереть, всё было иначе, но сейчас... Ты уверен, что Альянс так просто позволит тебе уйти? Ты же их совершенный солдат, результат стольких экспериментов.

— Запрещенных Межгалактической Ассоциацией Прав для всех членов, входящих в состав Альянса. Это незаконно, Катя, и светиться они не будут. Если захотят меня поймать, то будут действовать скрытно.

— Ты в этом так уверен? — поинтересовалась у него.

— Волнуешься за меня?

— Пытаюсь понять, что будет дальше с нами.

— А что будет дальше?

Намёк был проигнорирован, делать нечего, пришлось задавать неудобный вопрос, глядя ему прямо в глаза.

— Когда мы вернёмся на Аквали. Что дальше будет с нами? Разбежимся в разные стороны, словно ничего и не было? Будем периодически встречаться или...

— Или, — неожиданно резко ответил мужчина, присаживаясь в кресло и впиваясь в меня странным взглядом. А я вновь ощутила себя маленьким беспомощным ребёнком, который только что совершил какую-то глупость. — Мы же это обсуждали, Кать.

«Да? Когда? Или пара фразу уже считается обсуждением?»

— Почему? — только и смогла прошептать я.

— Что почему?

— Почему «или»? Из-за Богини?

Нахмурился.

— Кать, что ты хочешь услышать?

— Уж точно не этот вопрос, — горько усмехнулась я и встала. — Неважно. Глупости всякие в голову лезут. Не буду тебя отвлекать. Пойду... полежу.

Но уйти он мне не дал. Неожиданно быстро вскочил, схватил за руку и притянул к себе.

— Ну и что ты там себе напридумывала?

— Ничего, — рассматривая молнию на его куртке, ответила я.

— Сама сказала, сама ответила, и сама же со мной и поругалась.

В его голосе явно читалась усталость от взбрыков глупой девчонки.

— Неправда!

Стоило мне вскинуть голову, как Саша обхватил ладонью лицо и нежно поцеловал в полураскрытые губы, на корню уничтожая все страхи и сомнения. Его прикосновения были ласковыми и в то же время такими требовательными, что у меня сбилось дыхание и задрожали колени. Пришлось обхватить его за шею, чтобы не упасть.

К сожалению, поцелуй довольно быстро прекратился. Саша отстранился, чмокнул в нос и тихо поинтересовался:

— Ну что? Успокоилась?

— Ты каждый раз будешь так действовать? — восстановив дыхание, шепнула ему, наслаждаясь ласковым прикосновением шершавой ладони к своей щеке.

— Если понадобится.

— Считаешь меня неврастеничкой, которая никак не может успокоиться, ища везде и всюду один лишь подвох? — грустно спросила у него, потому что сама уже начала считать себя такой — нервной, испуганной и зажатой.

— Нет. Я думаю, что ты просто боишься.

— Чего?

Я знала, что он прав, но хотелось узнать его взгляд со стороны. Какой Саша видит меня и мои страхи?

— Будущего. Возвращения на Аквали, реакции родных и друзей. И того, что с нами будет дальше.

— И что же будет дальше?

— Не знаю, — честно ответил он, не отводя взгляда. — Но что бы дальше нас ни ждало, мы справимся. Катя, переживать — это естественно, тем более после такого длительного стресса. Всё будет хорошо. Я приложу максимум усилий, чтобы ты была счастлива.

— А ты? Ты будешь счастлив?

— Я уже счастлив.

Дальше этот разговор я продолжать не стала и главный вопрос оставила при себе. «Любит — не любит» — это как гадать на земной ромашке. Правда, я не была уверена, что хочу сейчас знать ответ на этот вопрос. Может, поэтому и промолчала. Позволила еще раз себя поцеловать, наслаждаясь близостью любимого мужчины, а уже потом вернулась к себе в комнату.

— Поздравляю, — мягко произнесла Богиня, стоило мне только войти в свою каюту и закрыть дверь.

От неожиданности я едва смогла сдержать рвущийся наружу вопль и замерла, прижав руку к груди, где билось как сумасшедшее моё бедное сердце.

— Вы?!

— Я, — она опять улыбалась, внимательно рассматривая меня с головы до ног.

Я не могла не заметить, каким торжеством загорелись её лазоревые глаза.

— Что вам нужно? — холодея от страха, покрываясь мелкой дрожью, спросила я, прижимаясь спиной к холодной двери, чтобы не упасть.

— Я же сказала. Хочу тебя поздравить.

— С чем?

— С избавлением от моей печати.

Я схватилась за щеку, не зная, что делать и куда бежать. А Богиня вдруг рассмеялась:

— Ох, Кэтти, милая. Ты испугалась? Думала, я накажу тебя за своеволие?

— Но её же больше нет. А вдруг своим поступком я перечеркнула какие-то ваши планы.

— Наоборот, вы воплотили их в жизнь. Если бы ты знала, как сложно было вас столкнуть лбами. Александр мечтал о смерти, ты решила, что влюблена в Финора, и никто из вас не хотел смотреть по сторонам.

— Значит, Саша был прав — вы затеяли всё это лишь для того, чтобы свести нас.

— Да.

«Всего лишь пешки в чужой игре с непонятными правилами».

— Зачем?

— Он же ответил тебе на этот вопрос. Ты его якорь, Катя. Только ты могла вернуть Александра к жизни.

Ощущать себя лишь средством для чьего-то спасения было немного обидно.

— Вам нужен только он?

— Нет, мне нужны вы оба. Вы даже не представляете, на что способны вместе.

— И на что же мы способны?

— На очень многое. И только от тебя зависит, что будет дальше. Хватит ли тебе сил и терпения научить его снова жить.

— Что вы имеете в виду?

— Ты же хотела знать, любит ли он тебя или нет?

— Хотела.

— Он не сможет ответить тебе на этот вопрос.

— А вы сможете? — зло выдохнула я.

— Да, смогу. Александр выгорел, полностью. Но даже через пепел может пробиться росток. Повторяю, Кэтти, только от тебя зависит ваше будущее. Не от него, а от тебя. Поверь, награда за труды будет велика.

— А если нет? Если у меня не получится.

— Тогда ты сможешь найти утешение в объятиях Финора. Он любит тебя. И когда-нибудь сможешь смириться с тем, что твою постель греет нелюбимый мужчина.

— Это жестоко.

— Это правда. И ты намного сильнее, чем думаешь. Просто надо поверить в себя и свои силы, — последний раз улыбнувшись, Богиня исчезла, осыпавшись на пол сотней ярких блесток.

А я, наконец, смогла нормально выдохнуть. Сползла по двери на пол и некоторое время просто сидела, не мигая глядя перед собой.

Ну вот, пришла, нагнала страха, тумана и еще больше запутала. Вопросов стало больше, чем ответов. Но одно я знала точно: Саше я о её приходе рассказывать не стану. Пусть это останется моей маленькой тайной.

Как прошли оставшиеся пять дней, которые мы провели, возвращаясь домой? Довольно однообразно. Днём Саша пропадал в рубке, следя за маршрутом и проверяя, нет ли за нами хвоста. Я занималась чем придётся — иногда готовила есть, иногда читала, а иногда просто сидела рядом с ним, в соседнем кресле, и молчала. Оказывается, это так приятно — сидеть и молчать рядом с любимым человеком.

Мы больше не возвращались к разговору о его прошлом, я не задавала вопросы, а он молчал. Правда, в первый же вечер Саша подарил мне тот значок с крыльями.

— Зачем? — сжимая его в руке, спросила у Переславцева.

— Пусть он будет у тебя.

Спорить я не стала.

Если наши дни были довольно однообразны и немного скучны, то ночи...

Я перебралась в его комнату, Саша утверждал, что у него кровать больше, а я не спорила. Стоило нам только остановиться на ночлег и войти в каюту, как холодный и невозмутимый мужчина исчезал. А на его месте возникал совсем другой Александр. Тот, который знал моё тело, как своё собственное, и сводил с ума одними прикосновениями и жаркими поцелуями. Тот, кто возносил меня к звездам и крепко держал в своих объятиях, не давая упасть.

Я растворялась в своём мужчине, впитывала в себя аромат его тела, дышала одним воздухом и была так счастлива, что не передать словами. Именно ночами я забывала все свои страхи и сомнения, наслаждаясь каждым мгновением рядом с ним.

Но наступало утро, и любовник уступал место другому Саше. И я вновь начинала переживать, гадать и думать, как быть дальше.

С каждым днём, с каждым прожитым мгновением я понимала всё отчетливее и отчётливее, что Богиня права: Александр меня не любил. Хотел, желал, был эмоционально привязан, наверное, я ему даже нравилась, но Саша меня не любил. По крайней мере, не так сильно, как я его. И это было больно.

А утром пятого дня впереди показались огни Аквали. Мы прибыли домой.

— Волнуешься? — Саша положил мне ладонь на руку и ободряюще сжал. — Не переживай, мы почти дома.

Кивнула, не отрывая взгляда от огромного энерго-купола, который защищал столицу от

бесконечных вод океана и его обитателей. Синеголубое свечение не позволяло рассмотреть, что же кроется за его защитой, но я и так знала.

Я прожила там четыре счастливейших года и знала столицу как свои пять пальцев. Тихие улицы между небольшими домами, красивые парки с экзотическими растениями и цветами, высокие и красивые эквейты с разноцветными прядями. Да, я родилась на Земле, но моё сердце принадлежало Эквей.

— Борт 80808 просит разрешения на стыковку, — взяв микрофон, громко и чётко произнёс Саша и нажал пару кнопок.

Рацию нам кое-как удалось собрать вчера вечером. На дальние расстояния она сигналы посылать не могла, но для того, чтобы связаться с портом, должно было хватить. То, что она вообще включилась и не задымилась, уже можно было назвать чудом.

В ответ на наше сообщение, она заскрипела, затрещала, и сквозь помехи раздался искаженный, едва различимый мужской голос:

— Борт 80808, ваш корабль аккредитован под службу Храма. Назовите себя.

— Александр Переславцев и Катрин Бишоп.

Снова шипение и треск, от которого сводило зубы и ломило в затылке.

— Не слышу. Повторите.

— Александр Переславцев. Со мной Катрин Бишоп.

Треск уменьшился, но пришлось подождать некоторое время, пока нам ответили.

— Вас понял. Ждите.

Александр отложил в сторону рацию и взглянул на меня. Наверное, вид был не очень, потому что мужчина нахмурился и обеспокоено произнёс:

— С тобой точно всё нормально?

— Да, — я быстро закивала и тяжело сглотнула. — Долго нам придётся ждать?

— Сначала проверят документы, номер корабля и электронные пароли. Но перед этим, скорее всего, сообщат Дериону или сразу напрямую Князю. Информация о возвращении дочери новой Княгини и младшего брата бывшей является государственно важной, и шум поднимется знатный.

Я нервно передёрнула плечами:

— А без этого никак?

— Посмотрим, от нас мало что зависит. Мы можем лишь ждать. После того как пройдёт проверка, нам откроют один из портов, куда можно будет пристыковаться.

— А там нас будут уже ждать? — понимающе вздохнула я.

— В порту? Скорее всего. То, что ты уплывала тайно, еще не значит, что об этом никто не знает. Поверь мне, шумиха по этому поводу наверняка была знатная. Приёмная дочь Князя получила метку Богини и была вынуждена плыть в Пещеры. Это же новость номер один. А тут поступает информация о твоём возвращении.

— То есть еще и пресса? — простонала я и потёрла ноющие виски. Головная боль усиливалась. То ли от перенапряжения, то ли еще от чего. — Знаешь, это будет звучать глупо, но мне не хочется домой. Здесь в океане на этом корабле я чувствую себя в безопасности, а там...

— Там ты тоже будешь в безопасности. Я же всегда буду рядом.

— И не только ты, — со вздохом заметила я. — Ты не подумай. Я хочу увидеть маму, Индин и остальных. Только не знаю, как себя вести и что говорить. Мне кажется, та жизнь была так давно.

— Ты всё та же Кэтти, а это всё те же родные и близкие. Ты боишься, как они отреагируют на наши отношения, да?

— Нет. Я боюсь, что потеряю тебя, — едва слышно прошептала в ответ и вздохнула. — Я так этого боюсь.

— Эй, малыш. Ну что ты опять придумала? Всё будет хорошо. Мы, наконец, дома, — обхватив лицо руками, прошептал Сашка и нежно меня поцеловал.

Поцелуй получился мокрым и солёным. А я даже не знала, что плакала. А в следующее мгновение вместо того, чтобы потянуться к любимому и углубить наш поцелуй, я неожиданно вскрикнула, обхватила голову руками и застыла.

Было больно.

Так больно, что у меня от напряжения даже челюсть свело и язык будто к нёбу прирос. Тот вскрик оказался не только первым, но и единственным. Сжав голову руками, я пыталась противиться этим новым способностям. Раньше было не так. Да, неприятно, наступала слабость и головокружение. Но сейчас всё было намного хуже.

Голоса... самые разные — женские, мужские, детские. Одни смеялись, другие сердились, третьи что-то спрашивали у четвёртых, и так можно было продолжать до бесконечности. Их было так много — сотни, тысячи. Я слышала их, но не разбирала ни слова. Слишком много.

Глаза резануло острой вспышкой, вызывая слёзы. Теперь я не только слышала, но и видела. Размытые лица, неясные очертания, безликие тени и слишком яркие цвета вокруг. И вновь не могла зацепиться за конкретный образ. Они мелькали перед глазами с невероятной скоростью, не давая ни малейшего шанса разглядеть хоть что-то.

Гул нарастал, картинки мелькали всё быстрее и быстрее, становясь просто нескончаемым потоком ярких пятен.

Мысленно я уже не просто кричала — вопила от боли.

А когда сил уже не было и казалось, что больше вынести просто невозможно, еще немного — и глаза вылезут из орбит, из ушей хлынет кровь, пришло долгожданное избавление — я просто потеряла сознание.

Глава 15. Новые способности

Я гуляла по дорожке.

Красивая была дорожка, из желтого камня, и почему-то очень знакомая. Нет, умом я знала, что никогда здесь не была, но чувство «дежавю» никуда не делось.

— Не волнуйся, Кэтти, мы обязательно доберёмся до Изумрудного горрода, — сообщила мне большая зелёная ящерица с крыльями, которая низко летела рядом со мной.

Я не сразу поняла, что это маленький дракон, и почему-то совершенно не удивилась. Словно каждый день гуляю по дорожке из желтого кирпича в компании говорящего дракона по пути в Изумрудный город.

— И Богиня веррррнёт тебе серррдце, — продолжал рассказывать дракончик.

Он был довольно симпатичный. Яркая зелёная чешуя на спинке и лимонная на животике, переливающиеся перепончатые крылья, круглая мордочка с огромными умными глазками и хвост с шипами.

— Какое сердце?

— Железного рыцарррря. Мы же идём его спасать.

— Правда?

Это было так интересно. Я никого раньше не спасала, обычно это меня выручали из беды.

— Угу.

Какой, однако, интересный сон. А в том, что это сон, я уже не сомневалась. В детстве это была моя любимая история. Про девочку Элли, Тотошку, Страшилу, Железного дровосека и льва, которые шли к великому волшебнику Гудвину, чтобы тот исполнил их самые заветные желания. А я шла к Богине за сердцем рыцаря. Весьма символично.

Некоторое время мы шли молча, я любовалась яркими пейзажами. Собирала цветы, которые росли у дорожки. Даже сплела из них два венка. Один себе, другой Тото.

Было красиво: лес, зелёная сочная трава и разноцветные цветы, которые пёстрым ковром стелились по ней. Голубое небо без единого облачка и яркое желтое солнышко. Свежий ветерок дарил прохладу, а высокие кроны деревьев защищали от палящих лучей.

— И долго нам идти?

— Не знаю, — дракончик вскинул крылья, словно пожал плечами. — Всё зависит только от тебя.

— От меня? И что я должна сделать?

— Для начала прррроснуться, — заявило пресмыкающееся, подлетело к лицу и дыхнуло на меня зелёным пламенем.

Я зажмурилась и охнула от боли, которая в одно мгновение, будто тиски, сдавила голову.

— Сейчас станет легче, — тихо произнёс знакомый мужской голос, и прохладная рука легла на лоб, даря такое необходимое облегчение. — Вот так, Кэтти, еще чуть-чуть.

И действительно стало легче. Судорожно вздохнув, я открыла глаза и увидела Князя, который сидел на краешке кровати и мягко мне улыбался, от чего в уголках лазоревых глаз возникли мелкие морщинки.

— С возвращением, Кэтти.

— Спасибо, — я осторожно осмотрелась, стараясь не делать резких движений.

В небольшой комнате царил полумрак, шторы были задёрнуты, и кроме нас двоих никого не было. Сердце тревожно сжалось, и страх накатила ледяной волной.

— А где Саша? — я попыталась сесть, но меня тут же уложили обратно. — С ним всё в порядке?

— Лежи. Не переживай, всё с твоим Александром нормально. Сейчас он за дверью разговаривает с твоей мамой. Мне с трудом удалось выгнать их обоих. Они не хотели оставлять тебя ни на минуту и страшно мешали сосредоточиться.

Еще лучше.

— О чём они разговаривают?

— О том, что произошло с вами за эти две с половиной недели. И каким образом Богиня тебя отпустила.

— Она меня не отпускала. Мы вообще до неё не добрались, — тихо ответила ему.

— Это мы уже знаем. Но твоя мама жаждет знать подробности. А также пытается смириться с новым для себя статусом.

— С каким статусом? — сразу насторожилась я.

— У вас на Земле это называется страшным словом — тёща, — ехидно заметил Князь.

— Но мы не женаты, и Саша даже не предлагал...

— Ничего, твоя мать настроена весьма решительно, — хмыкнул мужчина и неожиданно посерьёзnel. — Мы рады, что ты вернулась, Кэтти. Что вы оба вернулись домой.

— Это был её план. С самого начала Богиня именно этого и добивалась — свести нас. И выбрала для этого весьма болезненный способ.

— Старая интриганка, — пробормотал Князь и вновь внимательно на меня взглянул. — Это произошло против твоей воли?

Мне хватило совести покраснеть.

— Нет. По взаимному согласию. Что со мной произошло?

— Мы всегда считали, что уровень способностей у тебя гораздо ниже, чем у Элизабет, и все тесты говорили об этом. Но, как оказалось, у тебя есть скрытый резерв. Не знаю, что именно спровоцировало всплеск, от Александра я так толком ничего и не добился, но мне пришлось поставить небольшой блок. Прорыв оказался слишком резким и спонтанным, ты просто не была к этому готова.

— И что теперь со мной будет?

— Сейчас ты будешь отдыхать и набираться сил. А всё остальное мы обсудим завтра. Хорошо?

Я кивнула.

— Твоя мама и Александр хотят тебя навестить. Кого мне позвать первым?

К своему стыду, я так и не смогла сделать выбор.

Я невероятно, просто безумно соскучилась по маме и очень хотела её увидеть и обнять. А с другой стороны, за эти восемнадцать дней я так привыкла, что Саша рядом, что любая разлука казалась страшным испытанием. Мне надо было его увидеть и сказать, что со мной всё хорошо.

— А можно обоих?

— Хорошо, — понимающе улыбнулся Князь и встал с кровати.

Первой вошла мама. Даже не вошла, вбежала. Застыла на пару мгновений в дверном проёме, смотря на меня огромными заплаканными глазами. В них было столько любви, отчаянья и счастья, что я просто не смогла сдержаться.

— Мама, — прошептала, приподнимаясь, и жалобно всхлипнула. — Мамочка...

— Кэтти, — простонала она и бросилась ко мне.

Всего какая-то доля секунды — и мы уже сжимали друг друга в объятиях, заливая слезами и что-то бормотали, пытаюсь утешить, и снова плакали. Не передать словами это невероятное чувство счастья от осознания того, что всё плохое осталось позади.

— Кэтти. О, моя девочка... моя маленькая принцесса, — наконец смогла разобрать её тихий, прерывистый шепот. — Ты дома... ты вернулась. Прости меня, солнышко, прости.

— Мама, — только и могла бормотать в ответ, вдыхая такой знакомый запах её туалетной воды, ощущая родные прикосновения самых нежных в мире рук.

— Я теперь никуда тебя не отпущу, слышишь? И никому больше не позволю забрать.

— Кхм, кхм, — раздалось многозначительное покашливание у нас над головой.

Открыв глаза, я увидела Сашу, который стоял рядом с Князем и ждал своей очереди для того, чтобы поздороваться со мной.

— Привет, — улыбнулась сквозь слёзы и попыталась выбраться из крепких маминых объятий.

— Привет, — мягко улыбнулся он в ответ. — Ты очень меня напугала.

— Прости, я не подумала.

Как же хотелось дотронуться до него, провести ладошкой по лицу, коснуться губ, попробовать стереть морщинки вокруг глаз.

— Кэтти, — подала голос мама, вновь привлекая к себе внимание. — Как ты себя чувствуешь?

— Уже лучше, правда усталость и слабость остались.

— Твой организм ослаблен после резкого скачка силы, а сейчас он в порядке защиты пытается уничтожить мой блок как искусственный элемент, — пояснил эквейт. — Завтра тебе станет легче.

— А эти возможности? Что они собой представляют? — вздрогнув от воспоминаний, поинтересовалась я.

— И как быть дальше? — вставил Саша. — Она едва не умерла из-за них. Вскрикнула, замерла с расширенными от ужаса глазами, и я никак не мог привести её в чувство. А потом и вовсе потеряла сознание.

— Её организм просто не был готов к таким возможностям.

— Но что спровоцировало этот скачок? — вмешалась мама. — Обычно для подобного рода пробуждений нужен какой-то внешний раздражитель. А, по словам Александра, они просто подплыли ближе и разговаривали.

— Скорее всего, способности проснулись раньше, просто у Кэтти не было возможности их использовать.

— В каком смысле? — растерялась я.

— В чём раньше заключались твои способности? Ты могла спонтанно слышать чужие разговоры на совсем небольшом расстоянии. Теперь же радиус воздействия был увеличен в десятки раз, и ты можешь не только слышать, но и видеть, — продолжал Князь.

— И что же послужило толчком к такому роду способностям? — нахмурился Александр.

— Ты. А точнее, ваши с Кэтти близкие взаимоотношения.

Я моментально вспыхнула, поняв, о каких отношениях говорит сейчас отчим. Сашу же смутить было труднее.

— Но прошла почти неделя, а реакция возникла только сейчас.

— Потому что вы приблизились к городу. Пять дней назад вы были совершенно одни, поэтому, проснувшись, способности не активировались.

— И что теперь? — спросила я. — Что будет дальше?

— Дальше ты ляжешь в кроватку и будешь спать. Тебе надо восстановить силы, а потом мы будем развивать твои способности. А теперь все на выход, девочке надо поспать.

— Кэтти, — подала голос мама. — Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

— Эли, девочка устала, — попытался вмешаться Князь.

— Я недолго. Так почему бы вам, мальчики, не уйти?

Когда мама говорила таким тоном, нам оставалось только одно — подчиниться. Иначе последствия могли быть самыми непредсказуемыми. Мужчины это тоже поняли.

— Две минуты, — оставил за собой последнее слово Князь и направился к выходу.

— Кать, я позже зайду, — вставил Саша и пошел вслед за повелителем.

— Хорошо.

Дверь за ними закрылась, и в комнате наступила тишина, которую я нарушать не решалась. Главное сейчас было выдержать паузу.

— Он называет тебя Катя? — тихо спросила мама.

— Да, — неожиданно смутилась я и отвела взгляд.

— Значит, это правда?

— Что правда? — еще больше покраснела в ответ.

— Ох, милая, ты же его любишь, — прошептала мама и вновь меня обняла.

— Да, люблю.

— Моя девочка стала совсем взрослой. Мне, конечно, сложно сразу к такому привыкнуть, но я постараюсь сильно не вредничать.

— И никаких лекций и замечаний? — недоверчиво уточнила я.

— А ты будешь меня слушать? Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. А теперь тебе надо отдохнуть. Ложись на подушки, а я побуду рядом с тобой.

Я послушно легла, закрыла глаза и сама не заметила, как уснула.

Проснулась уже ночью от ощущения чужого присутствия. Вздрогнув, открыла глаза и села, испуганно оглядываясь по сторонам.

— Кать, пшш, это я, — прошептал Саша, обнимая и привлекая меня к себе.

— Ты? Здесь?

— А где мне еще быть? Только рядом с тобой. А теперь спи.

Что я и сделала. Прижалась к его груди и заснула, убаюканная биением родного сердца.

Утро началось с вкусного завтрака, который для нас принесли роботы. Быстро поцеловав меня в щеку, Саша убежал куда-то по делам, сказав, что будет после обеда, и строго наказав побереечь себя и побольше отдыхать.

Так как состояние мое стабилизировалось и я стала чувствовать себя более чем хорошо, мне разрешили принимать гостей.

Вот только не предполагала, что их будет так много. Сначала прибежали Би и Жи-Жи. Снова были слёзы, крепкие объятия и снова слёзы. Девчонки отругали меня за скрытность и взяли клятвенное обещание никогда больше так не поступать. После того как они стали допытываться, каким образом мне удалось избавиться от знака, я поняла, что слухи о наших отношениях с Сашей еще не расползлись по дворцу. Это было странно. Обычно такая информация быстро становилась достоянием общественности. Мне вновь пришлось врать и

выкручиваться, придумывая что-то об испытании веры и так далее.

Сложно сказать, поверили они мне или нет, но спорить не стали, забросав в ответ последними новостями — кто, где, когда и с кем... От такого потока ненужной информации едва не взорвался мозг. Слава Богу, мама зорко следила за моим состоянием и отправила девочек приблизительно через час после их прихода. Подружки обещали прийти вечером и убежали на занятия.

Потом была жена Дериона с детьми. Но они пробыли недолго, всего минут десять. Алексия порадовалась моему возвращению и откланялась, не желая утомлять. За что я была ей только благодарна.

Но больше всех я ждала сестрёнку.

— Кити!! — прокричала белокурая малышка и едва не сбила меня с ног. — Я кучаль.

— Я тоже скучала, милая, — обнимая Индин и прижимая её к груди, прошептала я. — Так скучала.

И этот день можно было назвать совсем обычным и непримечательным, если бы не одно происшествие, которое случилось где-то после обеда.

— Кэтти, вы погуляйте с Индин здесь. Далеко не уходите. А я буквально на пару минут отойду, — произнесла мама.

— Хорошо, мам, — взяв сестрёнку за руку, ответила я.

— Ты точно нормально себя чувствуешь? — она с сомнением на меня посмотрела.

— Да, не переживай, со мной и правда всё хорошо. Ничего не болит. Голова не кружится, и блок стоит на месте. Мы отлично проведём время в парке на свежем воздухе, я так скучала по растениям и цветам.

— Хорошо. Но я всё равно ненадолго и скоро вернусь.

— Мы далеко уходить не будем.

Сделав небольшой кружок по аллее, я села на скамейку, наслаждаясь ароматами сада, а Индин побежала собирать цветы. Малышка кряхтела и пыхла, пытаясь оторвать бутоны у синей муранты, но не сдавалась.

Наблюдая за ней, я и прозевала приход Финора.

— Кэтти, — выдохнул молодой эквейт, возникая словно ниоткуда и быстро присаживаясь рядом. — Значит, это правда, ты вернулась.

— Здравствуй, Финор, — я попыталась улыбнуться и нервно поправила волосы, не зная, как теперь вести себя с ним.

— Кэтти, — с лихорадочным блеском в глазах прошептал он и схватил меня за руку, прижимая её к своей груди. — Я уже думал, что никогда тебя не увижу.

Он выглядел не очень хорошо — под глазами темнели круги, кожа из молочной стала некрасивого землистого цвета, а черты лица заострились, делая когда-то красивое лицо похожим на уродливую маску. Я никогда еще не видела его в таком состоянии.

— Ты плохо выглядишь. Заболел?

— Если любовь можно назвать болезнью, то да, я заболел, — пробормотал Финор и рукой коснулся моей щеки. — Как я мог жить дальше, зная, что потерял тебя навсегда?

— Финор... — пробормотала я и попыталась отодвинуться.

Когда-то от его прикосновений я млела и готова была умереть от счастья. Сейчас же ничего, кроме смущения и легкой досады, они не вызывали. Я любила Александра и никого больше не воспринимала.

— Сейчас, когда знака больше нет, мы можем всё изменить, — продолжал бормотать

мужчина, не замечая моей холодности. — И быть вместе.

— Финор, нам надо поговорить...

— У нас будет столько времени для разговоров, целая жизнь. Кэтти, я так сильно тебя люблю, — и, схватив меня за подбородок, потянулся к губам.

— Не надо, остановись, — вскрикнула, упираясь обеими руками ему в грудь. — Финор! Услышь же меня!

— Кэтти, в чём дело?

Ответить я не успела. В следующее мгновение эквейта от меня просто отшвырнуло. Испуганно вскрикнула забытая нами Индин и с плачем бросилась ко мне.

— Саша! Саша, не надо! — убрав малышку себе за спину, я бросилась к мужчинам. — Пожалуйста!

Но мужчина меня не слышал. Повалив Финора на землю, он надел на него сверху и методично и хладнокровно наносил удары по его лицу. Звуки были просто ужасными, из ран хлестала кровь, а эквейт никак не мог дать сдачи, беспорядочно взмахивая руками.

— Саша! — я попыталась схватить его за плечо, но он не глядя отмахнулся и оттолкнул меня на землю.

Охнув, я приземлилась на пятую точку и едва не оглохла от нового витка плача испуганной Индин.

— Что здесь?... — вскрикнула мама. — Александр! Прекрати немедленно!

Не знаю, как ей удалось. Но Переславцев вдруг застыл, растеряно рассматривая свои разбитые костяшки и поверженного соперника. А потом обернулся и взглянул на меня и рыдающую малышку. Его лицо исказилось от боли и ужаса, словно он только сейчас осознал, что натворил.

— Саш... — я протянула к нему руку и застыла, когда мужчина быстро встал и едва ли не бегом скрылся за поворотом.

Вскочила следом и уже сделала шаг для того, чтобы броситься за ним, но меня остановил окрик мамы:

— Кэтти, не смей!

Причём тон был весьма категоричным.

— Но... — как бы сердце ни рвалось за Сашей, я всё-таки послушалась, замерла и беспомощно оглянулась.

— Даже не вздумай его догонять. Неужели не видишь, как он опасен?

Глупости, я точно знала, что Саша никогда не причинит мне вреда.

— Лучше успокой Индин. Она так испугалась. А я вызову врача. Господи, он же едва не убил бедного Финора.

«Если бы этот бедненький эквейт не распускал руки, то ничего бы не произошло. Да и я сама хороша. Вместо того чтобы поговорить и объяснить всё, струсилась и позволила Финору коснуться себя. Сидела как дурочка и хлопала ресницами. Кто бы ни взбесился, увидев, как его девушку пытается поцеловать другой. Окажись я на месте Саши, то уж точно бы вцепилась в косу дамочки, что посмела соблазнить моего мужчину».

Но секунду спустя мне стало стыдно за свои злые мысли, Финор же серьёзно пострадал из-за меня.

В любом случае поиск виновных ничего не даст и ничем не поможет.

— Всё хорошо, милая. Не плачь, маленькая, — шептала я, прижимая сестрёнку к себе и целуя в мокрые от слёз щеки. — Всё закончилось, больше никто тебя не испугает.

— Ай-ай... похой... дядя похой, — всхлипывая, шептала она, вцепившись в меня своими крохотными ручонками.

— Нет, Индин. Он просто запутался. Дядя хороший.

— Холосий? — с сомнением переспросила она и нахмурила лобик.

— Очень хороший, и Кити его любит.

— Кити люлю, — кивнула она, крепко обнимая меня.

Через пару минут прибыли охранники в сопровождении врача. Раны Финора быстро обработали, а его самого погрузили на робота-носильщика и увезли в больничное крыло. Только после этого мама подошла к нам. Индин к тому времени уже окончательно успокоилась и перестала плакать, играя с моими серёжками.

— Мам, возьми её. Мне надо как можно скорее найти Александра.

— Ты никуда не пойдёшь, Катрина Бишоп, — жёстко ответила она.

— Но почему?

— Ты отлично знаешь. Он опасен.

— Мама, не выдумывай, Саша никогда не причинит мне вреда.

— Саша может и не причинит, а этот солдат еще как может.

Сердце сжалось от предчувствия беды.

— Что ты имеешь в виду?

— Кэтти, я эмпат и чувствую эмоции. Так вот он в тот момент не испытывал ничего. Ни страха, ни ненависти, ни любви — просто пустая бездушная машина, получившая только одну команду — убить. Если бы я не проникла в его сознание и не «переключила рычаг», то всё могло закончиться очень плохо. Он не узнал бы тебя и мог причинить вред. Покончив с Финором, взялся бы за тебя.

— Нет, я не верю.

Мама тяжело вздохнула и покачала головой, забирая Индин.

— Мне нет смысла тебе врать, Кэтти. Не знаю, что это было, но Александр был на грани безумия, и я не уверена, что в следующий раз смогу его вытащить, пока не случится беда.

— Ему нужна моя помощь. Он же совсем один, — я вновь хотела броситься на поиски любимого мужчины и опять была остановлена.

— Нет, Кэтти, — мама цепко схватила меня за локоть, не давая и шагу ступить. — Ты не будешь рисковать своей жизнью и здоровьем. Поисками Переславцева займутся Дерион и Князь.

— Мам, ты не понимаешь...

— Это ты не понимаешь и не осознаешь, какой опасности можешь подвергнуться в его присутствии. Он бездушный убийца.

— В присутствии бездушного убийцы, как ты его называешь, я провела почти три недели, — отрезала я, вырывая руку из захвата. — Так что не надо мне рассказывать о его невменяемости и опасности. Я знаю Сашу лучше, чем вы все вместе взятые.

— Ты просто любишь, и эти чувства мешают оценивать ситуацию здраво.

— Мам, — собирая остатки терпения, произнесла я. — Скажи, если бы Князь оказался на месте Александра, ты бы тоже так говорила?

Замялась и отвела взгляд, после чего тихо произнесла:

— Это не одно и то же.

— Ошибаешься. И мне жаль, что ты этого не понимаешь. Я люблю его и сделаю всё.

чтобы спасти. Прости, мама, но я не могу стоять в стороне и просто смотреть.

Глава 16. Осколки

Зелёный, синий, красный, белый, желтый и снова много зелёного — всё это мелькало перед глазами, сливаясь в сплошное пёстрое пятно.

Задыхаясь от быстрого бега, прижимая руку к боку, где уже колело, я продвигалась дальше по дорожкам. Лихорадочно оглядывалась, пыталась найти знакомую фигуру и не находила.

Бежать. Надо бежать. И я спешила, спотыкалась, но каким-то чудом удерживала равновесие. Вертелась на одном месте, готовая разрыдаться от собственного бессилия, но отчаянно отгоняла страх, убеждая себя, что всё будет хорошо. И снова бежала.

— Где же ты, Саша, где?

— Его здесь нет, — произнёс Князь, возникая у меня на пути.

Совершенное бледное лицо, высокий лоб, пронзительные лазоревые глаза и волосы с белоснежными прядями, собранные в затейливую причёску — высший эквейт был, как всегда, великолепен.

— Где он? — выдохнула я, бросаясь вперёд и хватая отчима за жилетку. — Скажите мне, где он? Куда вы его дели?

— Александр в безопасности.

— Что это значит? Для кого в безопасности? Для него или для остальных? — паника накатывала со всех сторон, и я едва могла дышать от страха за любимого мужчину. — Что вы с ним сделали?!

— Ничего. Кэтти, успокойся, — тихо, но твёрдо произнёс Князь и разнял мои пальцы. — Я не причиню ему вреда.

— Где Саша? Скажите же мне, скажите, прошу вас, — от бывшего порыва не осталось и следа, а в голосе появились умоляющие нотки.

Я сама стала медленно оседать на землю, готовая упасть перед правителем на колени, но эквейт вовремя успел подхватить меня и не дал упасть.

— Кэтти! Успокойся!

Я просто закрыла глаза и сжалась от страха, не замечая ничего вокруг. Неизвестно, как мы оказались в небольшой, скрытой от посторонних глаз, беседке.

— Александр в безопасности. Жив, здоров и ему ничто и никто не угрожает. Так что прекрати панику. Нам надо поговорить. Кэтти, ты знаешь, что с ним произошло?

Я сидела на лавочке, сжимала голову руками и пыталась успокоиться.

— Не совсем. Мама сказала, что его разум словно отключился, а все эмоции и чувства исчезли.

— Совершенно верно. Это называется «пограничное состояние».

Как будто это название мне о чём-то говорило.

— И что это значит?

— Когда основной разум блокируется другим, искусственно созданным. Иногда это делается с помощью способностей ментала.

— То есть существа с вашими способностями? — не удержалась от комментария я.

Князь отнекиваться не стал.

— Да, я могу это сделать. Превратить любого в бездушную машину. Но не делаю. Слишком много времени занимает, а результат может быть совершенно непредсказуемым.

— А что могло спровоцировать такое состояние? За эти три недели я ни разу не видела Сашу таким.

— Существует множество вариантов. Тот же ментал, но это не наш случай. Также в Альянсе существуют специальные приборы. С виду обычная непримечательная вещица. А на самом деле — специальный гамма-излучатель. Переносной, легкий и очень эффективный. Ещё для активации можно использовать слово или фразу. Представляешь, Кэтти, всего лишь одно обычное и привычное словосочетание может превратить пышущего здоровьем мужчину в бездушного монстра. А иногда спусковым крючком может стать действие... Присвоение личного, например.

Я тяжело сглотнула и обхватила себя руками от внезапно наступившего холода, который сковал сердце.

— Это я спровоцировала блокировку? — тихо уточнила у него.

— Не ты, Финор. Хотя доля твоей вины есть. Стоило сказу рассказать обо всём своему поклоннику, тогда бы Александру не пришлось вмешиваться. Оказывается, наш железный человек умеет любить.

— Что? — я нахмурилась, непонимающе уставившись на Князя.

— Ты про любовь? Не знала о его чувствах?

Не знала и сейчас не уверена, что они есть. Да и это было неважно, меня интересовало другое.

— Нет. Как вы его назвали? Железный человек? — я рассмеялась. Коротко и горько. — Надо же. Она и тут оказалась права. И что теперь делать? Это можно как-то остановить? Сашу надо спасти.

Но Князь меня словно не слышал и не спешил отвечать на вопросы.

— Ты знаешь, где он был эти три года?

— Да. Знаю, — чётко и немного резко ответила ему.

«И вы тоже», — хотелось добавить мне.

— И что думаешь по этому поводу?

— Думаю, как вы вообще могли допустить такое?

Теперь пришла его очередь смеяться.

— Считаешь меня всемогущим и всемогущим? Один против всего Альянса? Мне, конечно, приятно, но ты ошибаешься. В одиночку сделать что-то невозможно.

— Он вам рассказал?

— Нет. Но аномалию я заметил сразу, как только он прибыл на Эквей. Искусственный блок не так трудно увидеть.

— А мама знает?

— Твоя мама... — эквейт замолчал. — Тут всё несколько сложнее, чем кажется на первый взгляд. Эти три недели мне пришлось влиять на её сознание, чтобы она не сошла с ума от горя.

— Что? — ахнула я. — Вы влияли на её разум?

— Ты думаешь, как она смогла пережить твой отъезд? Мне приходилось незаметно притуплять боль и отчаянье, которое сжигало её изнутри.

— Она вас убьёт, если узнает.

— Ничего. Главное, она жива. Но Эли не знает об Александре. Есть вещи, о которых не стоит сообщать никому. Или у тебя есть другие варианты?

— Вы правы, — призналась я. — Не стоит никому это знать, они просто не поймут. Но

вы так и не ответили. Сашу можно спасти? Если этот блок был поставлен искусственно, то его можно удалить? Ведь так?

От ожидания у меня свело пальцы и пот выступил на лице.

— Можно. Но процесс длительный, сложный и очень опасный. Готова ли ты пройти через это?

— Вместе с ним?

— Вместе с ним. Я не собираюсь рассказывать тебе о том, что ты его якорь, что он любит тебя и прочее. Я просто хочу знать, понимаешь ли ты, насколько это может быть опасно?

— Почему опасно?

— Потому что в любой момент процесс может вновь запуститься, и ты его остановить не сможешь. Готова ли ты рискнуть собственной жизнью ради него?

— Жизнью? — медленно переспросила я и усмехнулась. — А я не буду вам рассказывать, что люблю его так сильно, что не представляю своей жизни без Саши. Потому что это просто слова, и они ничего не значат. Скажите мне, где он?

— В квартире. Тебя отвезут к нему. Только стоит собрать вещи.

— А мама? — вспомнила я о родительнице.

— А с твоей мамой я поговорю сам.

— Спасибо.

— Ты и Александр не чужие мне. А его мы непременно спасём.

Вещи собирать не пришлось.

Неразобранные чемоданы так и стояли сиротливо в углу комнаты, в которой вчера я пришла в сознание. Мне только и оставалось, что передать их небольшим роботам-носильщикам.

Опять бегу. Опять скрываюсь, словно преступница какая-то.

Была мысль дождаться мамы и рассказать ей обо всём. Но, нет, я понимала, что она никогда не отпустит меня к Саше, даже запрёт, если понадобится. Будь я на её месте, точно бы не пустила неразумную дочь в лапы потенциального убийцы. И никакие доводы бы не помогли.

— Прости, мама, — прошептала я в пустоту и вышла следом за роботами.

Надо было спешить.

Я шла по коридорам дворца, старательно улыбалась проходящим мимо слугам и делала вид, что просто гуляю. Слава Богу, меня никто не остановил, и путь до мобиля занял не более десяти минут.

Все двадцать четыре города Эквей были правильной округлой формы, и структура у них была одинаковая, только масштабы разные. По краям всегда находились гидропорты для приёма кораблей. И только на Аквали, как столицы, были еще и космопорты для приёма кораблей с других планет.

За портами размещался рабочий квартал. Далее ярус для жителей среднего достатка. Здесь же располагались небольшие теплицы и фермерские хозяйства, а также торговые лавки. Следом военные ведомства, учебные заведения и административные корпуса.

Так как Эквей был туристическим раем, особое место всегда занимала зона комфортабельных отелей. Здесь располагались самые красивые парки, музеи и магазины. Всё для отличного времяпрепровождения богатеньких толстосумов со всего Альянса.

Ну а сердце города принадлежало домам высшего сословия, здесь же располагались

Храм Богини и княжеская резиденция.

От неё мы и начали свой путь.

Бросив последний взгляд на замок Князя, я села в мобиль и откинулась на мягкую спинку сидения. Вновь заболела голова. Слишком много событий произошло за последние пару часов. А я еще толком не успела оправиться от пробуждения дара, как вновь начались неприятности.

Интересно, мы когда-нибудь сможем жить спокойно?

Посмотрев в окно мобили, я увидела, что мы пролетели уровень среднего сословия и приземлились на небольшой площадке в рабочем квартале.

— Мы прибыли, ива Бишоп, — открыв дверь, произнёс молодой эквейт с красивыми светло-зелёными глазами, по цвету похожими на спелый виноград. Волосы у него были короткие, белые, с парочкой зелёных прядей на макушке.

— Куда дальше? — ступив на землю и переведя взгляд на неприметный трёхэтажный домик из серо-голубого камня, спросила у него.

— Третий этаж, квартира номер шестнадцать. Вот ключ-карта, — и протянул мне небольшой пластиковый прямоугольник.

— Он знает, что я прибуду?

— Не совсем. Он знает, что будут гости, но не знает, кто именно. С вами идти я не могу, приказ Князя.

— Ясно. Спасибо, — сжав в руке пластиковый ключ, я пошла к входу в здание.

Дом хотя и был небогатым и простым, но выглядел довольно чистым и аккуратным.

Вбежав по широким ступенькам, я нерешительно застыла под дверью с номером шестнадцать. Коснулась металлических циферок на гладкой поверхности двери, всё ещё не решаясь войти.

Я не солгала Князю и готова была пройти все круги ада вместе с Сашей для того, чтобы вернуть его к жизни. Но всё равно этот последний шаг сделать было трудно. Просто потому что знала: назад пути не будет.

Руки дрожали, когда я вставляла карту в замок. Щелчок открывающейся двери в этой тишине показался мне оглушительным.

Открыв дверь, я вошла внутрь и застыла, увидев направленное мне в голову дуло бластера.

— Катя? — ошарашенно прошептал Сашка, отбрасывая бластер в сторону и делая ко мне два шага.

В его шоколадных глазах застыл такой испуг, что даже мне страшно стало. Потом, правда, почти сразу успокоился, остановился и нахмурился, моментально превратившись в строгого дядю.

— Привет, — пробормотала я, тяжело сглотнув. Всё-таки это очень неприятно, когда в тебя целятся из огнестрельного оружия.

— Ты что здесь делаешь?

— Переезжаю, — блекло улыбнулась в ответ и кивнула на роботов, которые как раз завозили мои чемоданы в квартиру.

Аккуратно поставили всё на пол и так же тихо выехали на лестничную площадку. Их проблемы людей мало интересовали. Свою работу они выполнили.

— Что значит — переезжаешь? Ты что, с ума сошла? Немедленно возвращайся во дворец!

— И не подумаю, — заявила я, захлопнув дверь, и села в первое попавшееся кресло. Правда, почти сразу вскочила, так как умудрилась приземлиться прямо на бластер. — Ой, мамочки!

— Он на предохранителе. Катя, я не шучу. Тебе нельзя здесь оставаться.

— Это еще почему?

Прежде чем сесть в другое кресло, я его осмотрела на наличие опасных предметов и только потом опустила, независимо вздёрнув подбородок.

— Ты знаешь ответ на этот вопрос, — отвернувшись к окну, ответил мужчина. — Я прошу тебя, забирай вещи и возвращайся к семье.

— Нет.

— Катя! — сразу же обернулся он и еще больше нахмурился.

— Если ты думаешь, что своими воплями и грозными взглядами сможешь меня переубедить, то ошибаешься. Я тебя не брошу.

— Глупая девчонка!

— Глупая, — согласилась я, скрестив руки на груди. — А еще к тому же и влюблённая.

— Что? — прохрипел он.

Переславцев смотрел на меня с таким ужасом, словно я только что не в любви ему призналась, а в массовом убийстве младенцев.

— Повторить или это был риторический вопрос? — уточнила у него, едва сдерживаясь, чтобы не начать истерически хихикать.

Не так я представляла себе первое признание в любви.

Странно, но стыда или неловкости я не испытывала. Наоборот, гордость. Ведь любовь — это великое чувство, и стыдиться тут нечего, наоборот, надо гордиться и кричать о ней на весь мир. А я, дурочка, боялась чего-то.

— Ты сама не знаешь, что говоришь.

— Ну, конечно, ты у нас специалист, который умеет читать чужие мысли. Поэтому и знаешь, что я на самом деле к тебе испытываю, — съязвила в ответ. — Хоть бы спасибо сказал.

— Спасибо, — автоматически ответил Александр и тряхнул головой.

— Пожалуйста.

Сегодня я была сама любезность.

— Катя, стоп! Пойми, находиться рядом со мной небезопасно. Ты видела, что я сделал? Я же едва его не убил, если бы Элиза не вмешалась, то даже страшно себе представить, что бы было.

— Это был не ты.

— Это был я!

— Нет, не ты, — упорно повторила я. — Это был Альянс. Это они с тобой такое сотворили. Ты не должен отвечать за их грехи! — с жаром воскликнула я, вскакивая с кресла и делая шаг ему навстречу. — Ты другой. Настоящий, понимаешь? Добрый, сильный и смелый. А еще самый умный и терпеливый. Вспомни, как безропотно ты сносил все мои выверты.

— Катя...

— Ты самый лучший. Потому что другого я бы просто не могла полюбить, — последние слова я уже шептала, осторожно касаясь подушечками пальцев его впалых щек, покрытых легкой щетиной, которая приятно покалывала на пальцах.

— Катя, — то ли шепот, то ли стон. Не разобрать.

— Гони — не гони, я всё равно никуда не уйду. Если понадобится, буду спать у тебя под дверью. Неужели ты не понимаешь, как дорог мне?

— Катька, — сдавшись, прошептал мужчина, зарываясь в мои волосы и прижимаясь своим лбом к моему. — Моё наказание... моё счастье...

И наши губы, наконец, встретились.

Этот поцелуй не был жадным, страстным или голодным. Наоборот, он был мягким, нежным и таким сладким, что у меня сразу же закружилась голова. Прижавшись к нему всем телом, встав на цыпочки, я обхватила его лицо ладонями и целовала так, как никогда в жизни. Словно это было в первый раз.

— Сашка, — остановившись на мгновение, прошептала я. — Сашенька...

— Упрямая девчонка, — усмехнулся он.

А глаза сияли от счастья на бледном осунувшемся лице. Александр словно постарел на несколько лет. Как же мне хотелось протянуть руку и стереть всё эти морщины и складки в уголках губ. Что бы Сашка ни говорил, что бы ни делал, я видела: мужчина рад, что я осталась с ним. В этот момент мне было даже всё равно, что ответного признания от него не последовало. Это всё неважно.

— Твоя.

— Моя, — пробормотал Переславцев несколько недоверчиво, словно еще не мог поверить в то, что это действительно так. — И чем я заслужил такой подарок судьбы?

— Ну-у-у-у, — протянула я, чувствуя, как слёзы текут по щекам. — Ты совершил много ошибок. Пришла пора за них расплачиваться.

Саша хрипло рассмеялся, подхватил меня на руки и закружил по комнате. Я не смогла сдержаться и засмеялась в ответ, откинув голову назад и крепко зажмурившись. В этот момент мы забыли обо всех проблемах, что мешали нам жить дальше, обо всём на свете. Только он и я.

И снова поцелуй, только теперь никто из нас не стремился остановиться и сказать — стоп. Нет, всё было иначе. Огонь вновь вспыхнул в груди, стоило нам на мгновение забыться и отдаться во власть чувствам, которые были как никогда острые и яркие.

На краешке затуманенного сознания я видела, как Саша, всё так же держа меня на руках, перешёл в небольшую спальню. И почти сразу ощутила матрас под собой, когда он уложил меня на кровать.

И это будто послужило щелчком к новому витку. Исчезли последние остатки нежности и томности. Проснулись древние инстинкты. Коснуться, взять, забрать, моё!

Как же дрожали пальцы, когда я расстёгивала молнию на его куртке и стягивала её с сильных плеч, касаясь обжигающе горячей кожи.

— Катя... Катенька, — шептали порочные губы, лаская шею, плечи и грудь, оставляя после себя пылающую от жара кожу.

А я могла лишь вздрагивать и выгибаться в спине, мечтая ощутить его еще ближе, каждой клеточкой своего тела.

Огонь бежал по жилам, иссушая меня и вновь наполняя жизнью. Я не могла дышать, легкие полыхали от жара, тело покрылось потом, а нервы натянулись до такой степени, что на них уже можно было играть.

Но Саша всё продолжал доводить меня до безумия, касаясь, лаская и целуя, и всё ещё не переходил к главному. Мужчине нравилось держать меня на грани безумия.

— Не... могу, — прохрипела я из последних сил, дрожа от жгучего болезненного желания.

— Можешь...

В ответ я иступлённо замотала головой и вскрикнула от волны, которая поднялась от низа живота и пронеслась по всему телу, вызывая сладкие судороги наслаждения.

— Вот так... умница, — прошептал он, нависая сверху.

И начался второй раунд битвы, в которой испокон веков нет проигравших и нет победителей. Лишь огненная страсть.

Глава 17. Ловушка

— Кэтти, закрой глаза, глубоко вдохни. Вот так... еще раз... сосредоточься на собственном дыхании. Представь, как твои лёгкие раскрываются, впуская воздух. Думай только о дыхании, — голос Князя был тихим, монотонным и успокаивающим. — Выбрось всё из головы и расслабься.

Обычно я вслушивалась, действовала согласно его указаниям и ни о чём не думала. Но это было раньше. Сейчас все мои мысли были только о Сашке, который сидел в соседней комнате вместе с мамой.

Сегодня они должны перейти на новую стадию в процессе излечения, и я волновалась и боялась, что что-то пойдёт не так.

— Кэтти, ты отвлекаешься.

Вздыхнув, я открыла глаза и виновато взглянула на отчима.

— Простите.

— У них всё нормально, — сразу поняв, что именно меня сейчас волнует, произнёс эквейт.

— Но почему это делает мама, а не вы? У вас же опыта больше.

— Потому что Эли — эмпат. И сильный эмпат, это её поле деятельности.

Я только и могла, что кивнуть.

Мы уже восьмой день жили в квартире, практически не выходя на улицу. Еду и продукты нам привозили, а Князь и мама каждый день приходили в гости.

Наверное, первый приход мамы к нам я запомню на всю жизнь. Она пришла примерно через два-три часа после моего приезда. Мы как раз выбрались из постели и готовили небольшой перекус.

Нет, мамочка не кричала, не устраивала истерик, не тянула меня домой. Тихо зашла, тихо села на диван, сложив руки на коленях, и только потом взглянула на меня. Ей хватило одного взгляда для того, чтобы у меня ноги подкосились, и я едва не упала на пол. Слава богу, Саша вовремя успел подхватить и помог сесть в кресло, а сам остался стоять за спиной, поддерживая меня за плечи.

Князь молча пристроился у окна.

— Мама....

— Взрослая, да? Самостоятельная? Мнение матери не интересует.

— Элиза, — попробовал вмешаться Сашка, но не получилось, мама буквально пригвоздила его злым взглядом.

— Помолчал бы. Тоже мне герой нашёлся. Ладно Кэтти, она же ребёнок неразумный, а ты взрослый мужчина. Как ты мог это допустить? Неужели её жизнь для тебя ничего не значит? — в её голосе прорезались эмоции, которые она старательно держала в себе, пытаясь выглядеть собранной и сосредоточенной.

Она переживала, очень, только невероятная стойкость и сила духа не давали ей сорваться на крик. Мама всегда вызывала у меня восхищение и гордость, но сейчас она превзошла все мои ожидания.

— Мам...

— Помолчи. Исполнять не собираешься, так хоть выслушай. Вы вообще отдаёте себе отчёт в том, что происходит или за своими гормонами ничего не замечаете? — напряжённо

спросила она, внимательно осматривая нас двоих. — У одной любовь неземная, а другого... другой частью тела думает. Решили, что всё будет как в сказке — победили зло и жили долго и счастливо?

— Эли, не перегибай палку, — вмешался до этого молчавший Князь.

— А с тобой я потом поговорю. Еще раз... Мужская солидарность или очередной твой эксперимент? Только я предупреждала, что не позволю никому пользоваться моим ребёнком!

— Не болтай глупости, я не ставлю на Кэтти эксперименты, — с досадой ответил эквейт.

— А вот я уже в этом не уверена. Решил поиграть с пограничным состоянием. Вы вообще знаете, сколько факторов может спровоцировать всплеск? Любое неосторожное движение или слово — и добрый милый дядечка становится маньяком-убийцей.

— Элиза! — нахмурился Сашка. — Я понимаю, ты пытаешься переубедить дочь, но выбирай выражения.

— Помолчи и лучше представь такую картину! Потемнеет перед глазами, сознание помутится, откроешь глаза, а на полу окровавленное тело лежит.

— Саша так не поступит!

— Твоего Саша в этот момент не будет! — её голос, наконец, сорвался. Сглотнув, мама тяжело задышала, а голубые глаза заблестели от накопившихся слёз. — Кэтти, как же ты не понимаешь, глупая, он же может убить тебя.

— Мамочка.

Мама быстро стёрла слёзы и глубоко вздохнула, но голос всё равно дрожал, когда она произнесла:

— Я не могу тебя потерять, Катрина. Понимаешь, не могу. Ты моя девочка и оставить тебя здесь просто не смогу. Я же просто не выдержу. Дежурить буду под этими дверями, спать на полу, но не брошу тебя. Снова.

— Ты не бросаешь, — я упала пред ней на колени, подползла ближе, хватая её за руки. — Никогда не бросала.

— Я же не запрещаю вам и не разлучаю на веки вечные. Любите друг друга, живите, сколько хотите, но не сейчас. Как только опасность спадет и блок удастся убрать, я сама вас благословлю. Но неужели так сложно подождать всего неделю или две?

Умом я понимала, что она права, что так будет лучше. Но от одной только мысли о том, что нам придётся расстаться, меня бросало то в холод, то в жар. Я не могла оставить его здесь совсем одного. Каким бы безрассудным поступок не являлся.

— Кать, твоя мама права, — напряженно произнёс Сашка, подходя ближе и положив руку мне на плечо.

— Нет, — я упрямо мотнула головой. — Я не могу его здесь оставить.

— Кэтти! Ну, подумай ты головой!

— Я и думаю. Две с половиной недели мы прожили, и всё было нормально. И Князь бы никогда не отпустил меня к нему, если бы была хоть малейшая опасность. Не так ли?

— Так, — кивнул эквейт. — И до сих пор считаю, что опасности для тебя нет. Мы прямо сейчас начнём работу по восстановлению. Эли, я понимаю, что ты переживаешь, но решение может принять только Кэтти.

— Ей всего восемнадцать. Какое решение? Господи, такое ощущение, что я разговариваю с глухими. Почему вы меня не слышите?

— Я слышу, но не могу иначе. Прости, мам.

Произнесла и сразу же вздрогнула всем телом, увидев, как изменилась в лице мама. Она будто резко постарела на несколько лет: лицо стало бледным и каким-то восковым, глаза потухли и утратили яркий цвет, а под ними залегли тёмные и некрасивые тени.

— Не можешь, значит, — тихо произнесла она и мягко, но требовательно высвободила свои ладони из моих рук. — И слушать не хочешь. Мама не авторитет. Понятно.

— Эли, Кэтти ничего не угрожает, — быстро произнёс Князь. — Блокировка сознания произошла случайно, и последствий для разума не возникло.

Я быстро встала с колен и вернулась на кресло к Саше, который сразу приобнял меня за плечи и прижал к себе, молчаливо поддерживая и утешая.

— Это еще неизвестно.

— Можешь проверить сама.

— И проверю, — резко ответила мама. — Или ты думаешь, я просто встану и уйду, оставив дочь здесь? Ты этого хочешь?

— Под мою ответственность, — мягко произнёс эквейт, явно стремясь успокоить её, но результат был совершенно противоположным.

— Под твою ответственность? — вскрикнула она, быстро вскакивая. — Ответственность? А что мне потом с ней делать, если с Кэтти что-нибудь случится? Что мне даст эта твоя ответственность? Сомневаюсь, что ты был бы так спокоен, если дело касалось Индин?!

Теперь пришла очередь Князя бледнеть и каменеть. Было заметно, что слова жены задели его за живое. Мама тоже поняла, что немного переборщила.

— Прости, — выдохнула она, вновь садясь на диван и потирая виски. — Прости, пожалуйста, я не должна была это говорить. Прости, я... наверное, слишком расстроена, чтобы здраво мыслить и разговаривать. Слишком много всего случилось за последний месяц.

— Я понимаю, — спокойно и безэмоционально ответил Князь.

Можно было подумать, что ему всё равно, но я уже достаточно хорошо его знала, чтобы понимать, что это не так. Просто он привык носить маску, скрывающую чувства, и теперь вновь нацепил её.

— Господи, я словно вернулась на четыре года назад. Опять Альянс, проблемы, риски и тайны. Сама виновата, не надо было расслабляться.

— Мама...

— Всё нормально. Раз переубедить тебя не удалось и забрать тоже вряд ли получится, — тем временем продолжила мама, — тогда я бы хотела прямо сейчас посмотреть на состояние Саша. Если он, конечно, не против.

— Не против. Что для этого нужно?

— Ничего особенного, просто сядь ко мне поближе и дай руку.

Саша подчинился. Они застыли друг напротив друга. Мама, закрыв глаза, считывала эмоции и проверяла. А я затаила дыхание, до боли впиваясь ногтями в ладони, и ждала приговора. Жизнь или смерть? Надежда или разочарование?

Так прошла минута, вторая, а они всё молчали.

— Всё на месте, — наконец, тихо произнесла мама, открывая глаза и отпуская руку Саша. — Процесс не запущен, и блок полностью цел. Спонтанного разрыва не будет.

— А другого мы не допустим, — вставил Князь. — Контакттировать ни с кем вы не будете ближайшие дни, а вокруг дома стоят специальные заглушки.

— Какие заглушки? — недоуменно переспросила я.

— На тот случай, если Альянс захочет активировать солдата, — устало ответил Саша, возвращаясь ко мне. — Для этого нужен специальный аппарат с гамма-излучением, а заглушки будут его подавлять.

— Ты думаешь, что они попытаются тебя достать? — переспросила я.

— Не знаю. Но рисковать не стоит, — ответил вместо него Князь. — Как только нам удастся убрать искусственную заплатку из твоего сознания, необходимость в этом отпадёт.

— А у вас получится? — хрипло уточнила я, прижимаясь к Сашке.

Эквейт быстро обменялся с мамой взглядами.

— Думаю, у нас должно получиться, — ответила она. — По крайней мере, мы приложим максимум усилий.

— И параллельно с реабилитацией Александра мы будем заниматься с тобой, — вставил Князь.

— Со мной? — я недоуменно захлопала ресницами. — А что со мной не так?

— Забыла про свои новые способности? — насмешливо поинтересовался он. — Будем их развивать и осваивать.

С тех прошло уже восемь дней.

И все эти восемь дней мы работали. Не знаю, когда Князь находил время на нас, может, передал часть обязанностей Дериону и другим помощникам, но эквейт проводил с нами не менее трёх-четырёх часов в день, иногда и больше. Мама же приезжала утром и уезжала только вечером. Мне казалось, что она просто боялась оставить нас одних, зорко следя за каждым нашим движением.

А сегодня они переходили на новый уровень реабилитации. Именно поэтому я так волновалась и не могла сосредоточиться.

Мои способности тоже развивались, хотя и медленно. Князь блок не снимал, а лишь приоткрывал, оставляя небольшую щелочку, но и этого было достаточно для того, чтобы я начинала нервничать и терять контроль.

Я действительно была вроде небольшой камеры, которая могла видеть и слышать, что происходит на другом конце столицы. Правда, это давалось мне очень тяжело — слишком много посторонних шумов, ненужных картинок и сильная головная боль. После каждого сеанса мне приходилось минут десять сидеть, задрав голову вверх, пытаясь унять приступ тошноты, которая противным комом стояла у горла.

О том, чтобы потренироваться с проекцией сознания, речи вообще не было. Я просто не вынесла бы этого физически, что уж говорить об эмоциональном состоянии.

Хотя Князь каждый день говорил, какая я молодец и как быстро у нас всё получается. Я ему не верила. Если честно, то вообще не понимала, что хорошего он нашёл в сложившейся ситуации.

И уже жалела, что когда-то решилась развивать свои способности. Но изменить уже ничего нельзя было.

— Как думаете, что у них там происходит? — тихо поинтересовалась я у Князя, перестав притворяться, что пытаюсь сосредоточиться и войти в транс.

Всё равно ученик из меня сегодня никакой. Как можно ни о чём не думать, когда за стенкой решается судьба любимого человека?

— Если криков нет, то всё хорошо. Хотя... — он неожиданно нахмурился и внимательно взглянул на закрытую дверь.

— Хотя? — тут же испуганно прошептала я.

— Кэтти, я пошутил. Всё у них нормально, — хмыкнул эквейт и ободряюще улыбнулся.

— Точно? А почему они так долго? Почему молчат? Может, нам стоит войти и самим убедиться?

— Нет, мы останемся ждать их здесь. Пойми, мозг — очень чувствительная... часть тела. И спешка тут совершенно не уместна. И у твоей мамы опыта не так много. Вдруг повредит чего.

— Чего повредит? — еще больше испугалась я.

— Ничего не повредит. Кэтти, ты чего такая нервная? Всё хорошо. Это ещё не конец. А только начало восстановительных процедур. Александр сильный и со всем справится. Тем более что у него есть ты.

Страх уступил место смущению.

— Вы правда думаете, что он... — я замаялась, не зная, как сказать.

— Любит тебя? — догадался Князь и откинулся на спинку дивана. — Да, я действительно так думаю. Может, он еще сам не осознаёт это, но Александр любит тебя. И ещё, Кэтти. Твоя мама считает, что если вдруг Альянсу удастся добраться до него, то спасти его ничего не сможет. Я же считаю иначе.

— В каком смысле?

— Я уже много лет прожил, Кэтти, в этом мире и много чего видел и хорошего, и плохого... И знаешь, что понял?

— Что?

— Что сильнее любви нет ничего. На собственной шкуре испытал, когда Эли меня вытащила. Просто помни об этом и не сдавайся, даже когда захочется опустить руки.

— Хорошо.

Но я вспомнила о нашем разговоре только через два дня, когда нам пришлось в спешном порядке бежать из нашего убежища.

— Кэтти, Александр! Быстро собирайте вещи, — задыхаясь от бега, произнесла мама, вваливаясь в нашу квартиру.

Сашка сразу схватился за бластер, а я испуганно замерла с тарелкой в руках посреди гостиной.

— Мам, а что случилось?

— Нам надо уезжать как можно скорее.

— Почему? — всё ещё пыталась допытаться я.

Не хотелось мне осознавать, что наш хрупкий мир рушится.

— О вашем местоположении стало известно. В течение десяти минут дом окружат журналисты, а значит, будет и Альянс. Охрана не сможет всех долго удерживать, так что надо уезжать и как можно скорее. Мобиль ждёт внизу.

— Да, конечно, надо собрать вещи, — засуетилась я, но Сашка меня поймал.

— Кать, некогда, — быстро произнёс мужчина. — Вещи нам потом привезут, это не так страшно. А сейчас нам надо уходить и как можно быстрее.

И всё-таки мы опоздали.

Когда выбежали на улицу, у дома, едва сдерживаемая десятком бойцов личной княжеской охраны, собралась толпа народу, которая, стоило им нас только увидеть, заголосила, выкрикивая один вопрос за другим.

— Ива Бишоп!!

— Ива Бишоп!

— Как давно вы встречаетесь с ивом Переславцевым?

— Княгиня! Как вы относитесь к тайному роману вашей дочери?

— Ива Катрин, вы беременны?

— Как вам удалось избавиться от печати?

— Почему Богиня вас отпустила?

— Ив Переславцев, вы собираетесь узаконить отношения?

— Хита была подделкой?

— Как Князь отнесся к вашему роману?

— Ив Переславцев, это правда, что Альянс собирается обвинить вас в пиратстве?

— Вы уже решили, когда свадьба?

И всё в таком же духе.

— Чёртовы кровососы, — процедила мама, хватая меня за руку и таща в сторону мобила.

Я же рефлекторно схватилась за Сашу, пытаюсь увести его следом, и едва не упала, когда он внезапно словно окаменел и застыл.

— Саш? — недоуменно пробормотала я, оборачиваясь, и испуганно охнула. — Мама...

— Что ещё? — она тоже оглянулась. Но сориентировалась быстро, сразу же дёрнув меня на себя и пряча за спину. — Кэтти, назад, живо! — после чего крикнула одному из охранников. — Князя вызови! Немедленно!

А я во все глаза смотрела на Сашку. Смотрела и не узнавала.

Мужчина стоял сторбившись, опустив руки, сжатые в кулаки, и исподлобья глядя куда-то в пространство. Этот взгляд ничего не выражал, в нём не было ни эмоций, ни чувств — ничего. Черты лица заострились, а губы искривились в некрасивом оскале.

— Саша... Сашенька, — прошептала я, всхлипывая.

— Чёрт, не могу пробраться, — прохрипела мама и подтолкнула меня к мобилу. — Катрина, быстро садись и улетай отсюда.

— Нет!

— Я кому сказала. Ты что, не видишь, что он неуправляем?

И в этот момент Саша повернул голову в нашу сторону.

Наконец, взгляд стал более-менее осмысленным, правда, легче от этого не стало.

«Убить!» — ясно читалось в мёртвых карих глазах.

— Не стрелять! — громко и чётко приказала мама охранникам, которые сразу же ринулись нам на помощь.

Сила приказа — страшная сила. Даже понимая, что надо спасти Княгиню во что бы то ни стало, они замерли, не смея нарушить прямое указание, и сосредоточились на мне.

Меня трогать и защищать не только можно, но и нужно. Правда, беспрекословно подчиняться я тоже отказалась.

Надо сказать, что сила воли у мамы была огромная, и спокойствие она не теряла. Даже когда Саша походкой зомби (когда тело не слушается своего хозяина, и каждое движение приходится делать, прилагая огромное количество усилий) двинулся в её сторону, когда медленно, словно преодолевая боль, достал бластер и направил прямо в её сердце.

Вот только курок всё не нажимал.

Я видела, как Сашка боролся. Как болезненно исказились черты его лица, как дрожала рука. Он не хотел делать этого, но одного желания было мало. Нас обнаружили и теперь

воздействовали на его разум.

— Княгиня, — вновь попытался вмешаться начальник охраны.

«Да, за убийство особы княжеских кровей по головке не погладят», — нервно подумала я и сама ужаснулась своим мыслям.

— Я сказала не лезть и не стрелять, — отрезала мама, не сводя пристального взгляда с Сашки. Капельки пота блестели у неё на лбу, но она не сдавалась и продолжала пробиваться к его сознанию. То, что Сашка так и не выстрелил, уже говорило о многом. — Ну же... давай... помоги мне! Услышь же меня!

— Мама, — шептала я, заливаясь слезами.

В мобиль я так и не села, вообще отказалась куда-либо уходить. Продолжала стоять чуть в стороне и смотреть на самых дорогих для меня людей. Кто победит — машина или человек? Добро или зло?

А бластер всё ещё был направлен маме в грудь.

Где-то там, на заднем плане, шумели журналисты, снимали камеры и шла прямая трансляция в телевизионные эфиры, а здесь решалась судьба.

Надо что-то делать. Я видела, что мама устала и силы уже на исходе, а Саша всё не мог прийти в себя. Рука с бластером дрожала, но не опускалась.

— Сделайте хоть что-нибудь? — взмолилась я, обращаясь к охранникам, которые продолжали стоять рядом со мной, взвинченные до предела.

— Мы не можем. Это его спровоцирует. Для него мы враги.

Они — да, но я — нет.

Эти три шага я сделала по инерции.

Всего три шага — и вот я уже стояла между ними, и пистолет в полуметре, направленный уже в моё сердце.

— Кэтти! Не смей! — процедила сквозь зубы мама.

Но она ничего не может сделать, даже двинуться. Ведь все силы направлены внутрь его сознания, и любое движение могло нарушить то хрупкое равновесие, что сдерживало курок.

— Саш, — прошептала я тихо-тихо, глядя в мёртвые карие глаза. — Помоги нам... Ты же сильный, Сашка. Ты очень сильный... Вернись ко мне.

И ничего... Ни эмоций, ни чувств, ни знака, что мужчина меня услышал. Но и опускать руки я не могла.

— Ты же обещал, что будешь меня защищать и никогда не обидишь... Ты же обещал, Сашка... А свои обещания надо выполнять.

Готова поклясться, что в этот момент что-то промелькнуло в его взгляде. Всего на секунду. Но это уже что-то.

— Они не знают тебя. Никто не знает. И даже эта штука в твоей голове... Разве она может изменить тебя? Сделать другим? Ты же не такой... И я люблю тебя. Люблю очень-очень и хочу, чтобы ты перестал валять дурака, опустил пистолет и стал тем самым мужчиной, за которого я хочу выйти замуж и родить минимум троих детей или четверых. Ещё не решила, — я понимала, что начинаю нести чушь, но и остановиться не могла, каким-то седьмым чувством понимая, что это сейчас может спасти всех нас. — Знаешь, мне кажется, ты будешь замечательным папой. Самым лучшим... Только вернись ко мне.

И он дрогнул.

Рука медленно опустилась, и бластер с глухим стуком упал на землю.

— Катя? — хрипло прошептал он, недоуменно осматриваясь, и я с всхлипом бросилась

в его объятия, крепко обнимая и прижимаясь.

— Сашка! Как же ты меня напугал, — рыдая и сотрясаясь всем телом, бормотала я, не в силах успокоиться и поверить, что всё окончено.

Я даже не сразу услышала, как меня зовёт мама.

— Кэтти, Кэтти, иди сюда, — как-то странно произнесла она, беря за руку и пытаюсь отвести в сторону.

— Мам, что происходит? — спросила я и застыла, увидев, как к Саше подходят охранники.

— Ив Переславцев, вы арестованы, — произнёс один из них, надевая наручники на его запястья.

И я всё-таки грохнулась в обморок.

Глава 18. Выбор

— Это бред, — уже в десятый раз произнесла я, сидя в кабинете Князя и сжимая стакан с водой в руках. — Самый настоящий бред.

Маму мы оставили у неё в комнате. После произошедшего у неё совсем не было сил, она едва держалась на ногах и с трудом разговаривала. Когда мы уходили, ей ставили капельницу.

Я чувствовала себя относительно нормально. Обморок был совсем коротким, и я пришла в себя через пару минут. Наверное, просто перенервничала.

— Кэтти, всё не так просто, — произнёс хозяин кабинета.

— Что не просто? Что? — взвизгнула я и сама скривилась от того, как противно прозвучал мой голос. — Вы же отлично знаете, что произошло! Саша был под давлением, под принуждением. Он не хотел никому причинить вреда.

— Я знаю, — немного устало произнёс эквейт.

Я помнила, как он обнимал маму, как крепко прижимал к себе. Но надо отдать должное, ругать её Князь не стал, понимая, что она не в том состоянии.

— Тогда какого чёрта его арестовали за попытку покушения на Княгиню?

— Потому что это самое покушение видели все жители Эквей и половина населения Альянса в прямом эфире, — ответил он, а я с трудом сдержалась, чтобы не запустить стакан ему в голову.

Нервы совсем расшалились.

— Но умысла не было! Саша не хотел!

Я не могла понять, почему мне приходится объяснять Князю такие простые и элементарные вещи. Князь же и сам всё это знает.

— Час назад ему было предъявлено обвинение в покушении на жизнь наследника Жемчуга.

— Что?

— Отец Финора обратился в суд с заявлением, — вставая с кресла и подходя к окну, произнёс Князь.

— Не может быть... — я всё ещё отказывалась верить в услышанное.

— Мало того, Сарус созвал пресс-конференцию и сообщил обо всём журналистам. В данный момент они все обсуждают, что именно я предприиму — спасу родственника-рецидивиста или поступлю согласно закону.

— Это просто какой-то страшный сон, — прошептала я, тяжело сглотнув. — Но почему он сделал это сейчас? Ведь прошло уже больше недели.

— Потому что запахло жареным. А из Посольства пришла папка с доказательствами причастности Александра Переславцева к пиратской группе, которые называли себя Крылья. Конечно, там нет ни слова о незаконных опытах.

Мне стало трудно дышать, словно это вокруг меня сомкнулось кольцо из недругов, и пути для спасения просто нет.

— Что нам делать? — я подняла взгляд, рассматривая прямую спину Князя.

Только на него была надежда, только он мог что-то сделать и помочь. И я ждала его ответа, как глотка свежего воздуха.

— Поговори с Финором, — неожиданно произнёс эквейт.

— Что? — этого я точно не ожидала.

— Поговори с Финором и убеди его отозвать заявление.

— Это поможет?

— Если всё вместе разрубить нельзя, то будем разбираться по частям. Для начала ты поговоришь с Финором.

— Хорошо. Я поняла, — я вскочила с кресла и бросилась в сторону двери, правда, внезапно остановилась и, обернувшись, спросила то, что так боялась узнать. — Как вы думаете, у нас получится?

Смотреть на Князя было страшно, потому что знала, что прочту ответ в его глазах. Но он и тут не стал мне лгать, говоря всю правду без прикрас.

— Я не знаю, Кэтти.

— Но шанс есть?

— Шанс есть всегда. И мы обязательно его используем.

— Спасибо.

Выскочив из кабинета в приёмную, я чуть не столкнулась с Алексией, которая спешила к Князю.

— Кэтти, — несколько рассеянно произнесла она, останавливаясь и пропуская меня вперёд.

— Вы от Саши? — выдохнула я, хватая её за руку. — Вы сейчас были у него?

— Да. Я только что из тюрьмы и сразу сюда, — молодая женщина тяжело вздохнула и блекло улыбнулась. — Хорошо, что я тебя встретила. Александр просил передать, чтобы ты не волновалась. У него всё хорошо.

— Что может быть хорошего в камере? Ему нужно что-то привезти? Одежда, еда или что-то еще.

Я понятия не имела, что может понадобиться в тюрьме.

— Не переживай, с ним хорошо обращаются, и у него всё есть... всё, кроме свободы, — Алексия потеряла виски и замялась, словно собиралась сказать что-то неприятное. — Кэтти, еще он просил передать тебе... не приходите к нему.

— В каком смысле? — я нахмурилась, не понимая, что означают её слова.

— Не ходи к нему, дорогая. Саша не хочет тебя видеть, — упавшим голосом, закончила она.

— Почему? За что?

— Милая, я понимаю, тебе тяжело, но так действительно будет лучше, — женщина взяла меня за плечи и слегка приобняла. — Вам лучше свести общение к минимуму. Ситуация и так очень сложная. Журналисты, пресса, недовольная толпа, которая жаждет отомстить за Княгиню. Ты же знаешь, как они здесь почитают княжескую семью. А Саша пытался убить Элизабет, а если не станет её, то умрёт и Князь. А это уже покушение на суверенитет Эквей.

— Но... это же глупо. Саша не хотел, — пробормотала я, только сейчас осознав весь масштаб трагедии.

— Они думают иначе. Возле тюрьмы уже начались пикеты. Поэтому тебе лучше там не появляться.

Теперь пришла моя очередь хватать её за плечи и отчаянно шептать:

— Мы вытащим его, обязательно вытащим.

— Я знаю... И спасибо тебе, Кэтти, — неожиданно сказала Алексия.

— За что?

— Саша очень изменился после возвращения. Стал совсем другим, таким чужим, далеким и незнакомым. А ты вернула его к жизни. Ты не подумай, мы не обсуждали ваши отношения. Мой брат вообще очень мало рассказывает и тем более не делится событиями своей личной жизни. Но я вижу прогресс и очень благодарна тебе за это.

Я смутилась и отшатнулась, смущенно потупив глаза.

Когда мы стали встречаться, я всегда волновалась о том, как к этому отнесутся мама, Князь, мои друзья и подруги и совершенно забыла, что у Саши тоже есть семья — старшая сестра, племянники и родители, которые уже давно жили в провинции. А вдруг я им в качестве спутницы жизни Саши не нравлюсь? И как быть?

— Я просто люблю его, — тихо ответила ей.

Других слов у меня не было.

— Знаю и очень рада, что у него есть ты. Ты замечательная девушка, Кэтти, и о лучшей жене для брата я и мечтать не могла.

— Мы пока не думали о свадьбе, — еще больше смутилась я.

Разговор пошёл совершенно в неожиданную сторону. Туда, куда я боялась пока заглядывать.

— Думаю, после снятия обвинений за этим дело не станет. Иначе этому великовозрастному мальчишке придётся иметь дело со мной.

Вид у неё был очень грозный, и я не могла не улыбнуться в ответ.

— Так ты мне обещаешь, что не будешь пока к нему ездить?

— Хорошо, — вздохнув, пообещала я. — Мне пора идти.

— Мне тоже надо к Князю.

Проводив её взглядом, я развернулась и продолжила путь, предварительно достав планшет и набирая знакомый номер.

Финор не отвечал.

Я попробовала еще раз и еще — и никакого результата. То ли он не слышал, то ли у него стояла блокировка на звонки от меня. В любом случае, ничего хорошего из этого не следовало.

— Что же делать? Что же мне делать? — я застыла у лестницы, не зная, как поступить дальше и где искать эквейта, который не хочет со мной встречаться.

Девчонки! А что если попробовать позвонить с их планшета? Вдруг получится?

Уроки уже закончились, так что они должны быть в своих покоях.

Так и оказалось.

— Кэтти! — ахнула Жи-Жи, хватая меня за руку и втягивая в комнату. — Би! Она тут! Всё нормально! Ох, Кэтти, ты как?

— Нормально, — только и успела ответить я, когда вбежала Беатрис и крепко меня обняла, вышибая воздух из лёгких.

— Живая! О, Кэтти, мы видели новости. Это так ужасно! Бедная! Как ты только смогла это пережить? — вскрикнула мне на ухо рыжуля и я едва не оглохла.

— Я правда в порядке.

Меня ошупали, повертели из стороны в сторону, словно не веря, что я говорю правду.

— Как у тебя только смелости хватило? — воскликнула Жаклин. — У меня сердце чуть в пятки не ушло, когда ты встала между ним и Княгиней.

— Он же мог тебя убить! Значит, слухи были правдивыми, — добавила Беатрис.

— Какие слухи? — сразу же напряглась я.

— О том, что Переславцев сходит с ума, — ответила Би.

— Уже сошёл! Ты слышала о том, что он провёл эти годы, дружа с пиратами? — сделала страшные глаза Жи-Жи.

— А еще Александр чуть не убил Финора. Я сама лично видела, в каком состоянии он выходил из больничного крыла. Ужасное зрелище.

— Так, девочки! Стоп! — вскрикнула я, чувствуя, что еще немного — и у меня просто взорвётся мозг. — Это всё неправда. Точнее, не совсем всё.

Я еще больше запуталась.

— Мы понимаем, как тебе тяжело, Кэтти, — сочувственно улыбнулась Беатрис. — В новостях сказали, что вы встречались и даже жили вместе.

— Все совершают ошибки. И твоей вины нет в этом.

— В чём? — сразу же напряглась я.

— В том, что ты ошиблась, и Переславцев оказался чокнутым, — ответила Жаклин.

В этот момент я чуть не забыла, что она моя лучшая подруга, что мы столько пережили вместе. Перед глазами словно красная пелена встала, и я едва смогла удержать себя в руках, чтобы не наброситься на девушку с кулаками.

Наверное, что-то такое отразилось у меня на лице, потому что девушки вдруг замолчали и сделали два шага назад.

— Катрин, ты чего? — прошептала Би.

— Ничего, — быстро отводя в сторону взгляд, ответила ей и сложила руки на груди.

Неужели я тоже могла быть такой? Наивной провинциалкой, которая верила каждому слову, сказанному прессой? Как же быстро они все забыли о том, какой Саша на самом деле, о том, как любили и восхищались им. Одна ошибка — и его готовы растерзать на мелкие кусочки.

Если девчонки уже забыли это, что говорить про остальных. Они ведь все уверены, что он потенциальный маньяк, который пытался убить Княгиню.

— Беатрис, — максимально вежливо и спокойно произнесла я. Со стороны могло показаться, что говорит робот, таким безжизненным был мой голос. Но лучше так, чем срываться на крик и визг. — Ты не дашь мне свой планшет? Мне надо позвонить.

— Да, конечно, — засуетилась подруга, пытаясь улыбнуться, но не могла.

Они понимали, что что-то пошло не так, но никак не могли найти причину. Кто бы мог подумать, что поездка и последующие приключения так изменят меня, отдалив от самых близких людей.

— Спасибо, — произнесла я, беря планшет и набирая знакомый номер.

«Ну же, Финор. Ответь мне, пожалуйста».

Секунды текли, и я всё больше волновалась. Ответа всё еще не было. И когда уже собиралась нажать отмену, эквейт вдруг ответил.

— Би, я же... Ты? — выдохнул он и быстро огляделся. — Подожди секунду.

Я видела, как за его спиной быстро меняется задний фон. Он явно куда-то шёл, словно не хотел, чтобы наш разговор слышали.

— Привет, — слабо улыбнулась я, глядя в жемчужно-серые глаза.

— Здравствуй, Кэтти.

— Как ты? — вежливо поинтересовалась я, разглядывая бледное лицо без единого синяка и ссадины.

— Нормально.

И снова тишина. Тягучая, неловкая и такая гнетущая, что я невольно повела плечами. Девчонки тоже притихли и не мешали нашему разговору.

— Я не могла до тебя дозвониться. Ты поставил блокировку на мои звонки?

— Да, — голос Финора был пустым и каким-то безжизненным. Только взгляд, которым он смотрел на меня, выдавал его истинные эмоции и чувства.

— Мы могли бы с тобой поговорить? При личной встрече?

— Хочешь встретиться? — медленно произнёс он, явно обдумывая моё предложение, и кивнул. — Хорошо. Я готов.

— Ты не мог бы приехать во дворец? Сам понимаешь, я не могу сейчас выходить.

— Понимаю, я тоже не в лучшем положении.

Мне хватило совести покраснеть.

— Прости.

Промолчал, только продолжал смотреть, словно хотел найти что-то во мне и не находил.

— Хорошо. Я приеду. Буду через час на нашем месте, — отрывисто произнёс Финор и отключился.

— Спасибо, — прошептала тёмному экрану и тяжело вздохнула.

Разговор предстоял не из легких.

— Кэтти, всё нормально? — подошла ближе Жаклин.

А ведь я даже не поинтересовалась, как у неё развиваются отношения с Лианом. Хороша подруга, ничего не скажешь, если мне просто всё равно. Можно, конечно, оправдываться собственными проблемами, но я действительно не думала о девчонках, сосредоточившись только на себе.

— Да. Я просто перенервничала. Столько всего произошло.

Но прежней легкости не было. Неужели своим поступком я разрушила четыре года жизни? Мне так не хотелось в это верить, но и найти слов, чтобы изменить сложившуюся ситуацию, я не могла.

У меня был целый час на то, чтобы поговорить с ними, обсудить что-то, а я продолжала стоять, сжимая в руке планшет и чувствуя себя совершенно чужой.

— Я, наверное, пойду, — в конце концов прошептала я.

— Подожди! — вскрикнула Би, бросаясь ко мне. — Так нельзя! Не уходи, пожалуйста. Можешь ничего нам не рассказывать. Совсем ничего. И мы спрашивать не будем, да, Жаклин?

— Да, — энергично закивала головой подруга.

— Просто не уходи. Давай мы тебе расскажем что-нибудь, чай попьём с печеньем, как в старые добрые времена.

Мне сейчас было совсем не до чая, но и отказаться я не могла. Поэтому и осталась.

Наше место...

Это одна из беседок в парке Князя. Она находилась в стороне от основных дорожек и аллей, была укрыта красивыми вьющимися растениями, которые цвели белыми, нежно-голубыми и лиловыми цветами. Они были похожи на земной колокольчик с длинными усиками. А как они пахли, просто не передать словами.

Я подошла к живой изгороди и коснулась пальчиками раскрытых бутонов.

— Они всегда напоминают мне о тебе, — тихо произнёс Финор, стоя у входа в беседку.

Вздрыгнула, но вида не подала, продолжая вдыхать сладкий аромат распустившегося цветка.

— У нас тоже растут цейры в саду. И каждый раз, ощущая их запах, я вспоминаю тебя и эту беседку... Здравствуй, Кэтти.

— Здравствуй, — я всё-таки повернулась к нему и постаралась улыбнуться.

— Я пришёл.

— Спасибо. Я понимаю, как тебе было трудно.

— Ты его любишь, Кэтти? — перебил Финор меня, и я запнулась, не зная, как сказать ему правду, и не ожидая такого резкого перехода.

— Да.

— А я? Ты ведь пришла сюда просить за него, да, Кэтти? Чтобы я забрал своё заявление?

— Да.

— Почему ты думаешь, что я тебя послушаюсь и сделаю это?

— Потому что ты хороший.

Эквейт коротко рассмеялся и отвернулся. Но я успела заметить, как исказилось от боли его красивое лицо.

— Хороший... но не любимый. А если я поставлю тебе условие, Кэтти? Я заберу заявление, а ты выйдешь за меня замуж. Прямо сейчас.

— Ты это не всерьёз, — пробормотала я и нервно рассмеялась.

Только Финор не спешил улыбаться в ответ.

— Почему же? Разве похоже, что я шучу? — сухо поинтересовался мужчина.

Не похоже. Выражение лица решительное, глаза лихорадочно блестят, а уголки губ напряжены.

Нет, не шутка. Он действительно ждёт от меня ответа и прямо сейчас. Времени подумать нет.

— Зачем тебе это? — в конце концов спросила я, опираясь бедром о перила.

— А ты разве не поняла? — эквейт подошел к скамейке и сел, продолжая буравить меня внимательным взглядом. — Я люблю тебя.

Вот, оказывается, что чувствуешь, когда любовь становится обременением, когда чувства другого давят и мешают наслаждаться собственными эмоциями.

Досада, небольшое раздражение и вина из-за того, что не можешь ответить тем же.

— Но я тебя нет. Ты сможешь жить со мной, зная, что я всё ещё люблю другого?

Скривился, как от зубной боли, но упорно продолжал смотреть.

— А сможешь ли ты жить, зная, что упустила последний шанс на спасение Переславцева? — процедил он, закидывая ногу на ногу.

Я дернулась, вцепившись руками в перила, словно хотела сломать их, но не могла.

— Ты жесток, — с трудом выдавила из себя.

— Поверь, что бы ты сейчас ни чувствовала, мне хуже. В десятки раз хуже. Девушка, которую я люблю, выбрала другого... Так что, Кэтти? Готова ли ты принять мои условия?

Секунда, вторая, третья. Я смотрела в его глаза и не узнавала Финора. А может, я никогда его и не знала?

— Я не могу, — едва слышно прошептала я и отвернулась.

— Что?

— Я не могу. Прости, — уже громче ответила ему. — Спасибо за то, что согласился

приехать. А теперь мне пора идти. Ещё раз прости...

Блекло улыбнувшись, я направилась к выходу, изо всех сил стараясь не пуститься в бег.

— Подожди! — окрик Финора застал меня у самого выхода.

С бешено стучащим сердцем я застыла, сжимая руки в кулаки, из последних сил стараясь не разреветься.

— Значит, я до такой степени тебе безразличен? — глухо спросил эквейт.

— Ты мне не безразличен, но я люблю Александра, — всё еще не поворачиваясь и проглотив ком у горла, ответила ему.

— Понятно... Заявление подавал не я, а мой отец.

— Это что-то меняет?

Вздохнул и тихо произнёс:

— Кэтти, сядь, пожалуйста, и мы спокойно поговорим. Я не собираюсь больше ставить тебя перед выбором.

И я послушалась. Села напротив него, скрестив руки на груди.

— Я не собирался подавать на Переславцева, — продолжил Финор. — Мало того, я всячески старался забыть этот инцидент. Как-то не очень приятно знать, что тебя побили на глазах любимой девушки.

— И что помешало?

— Отцу поступило весьма интересное предложение, на которое он не мог ответить отказом.

— Альянс?

— Альянс, — грустно усмехнулся эквейт. — Если я соглашусь помочь тебе, то попаду в немилость собственного Рода и могущественного Альянса.

Звучало не очень хорошо.

— Ты не обязан ничего делать. Спасибо за то, что ты вообще согласился со мной встретиться и поговорить, — быстро ответила ему.

— Я ещё не закончил, Кэтти. Я заберу заявление.

— Но...

— И буду свидетельствовать на суде в защиту Переславцева.

— Почему?

— Потому что не люблю, когда меня используют и к чему-то принуждают. Я свободный эквейт и могу поступать так, как считаю нужным, а не так, как мне хотят навязать. И просто хочу, чтобы ты была счастлива. Даже не со мной.

— Финор, — пробормотала я, но вновь была перебита.

— Благодарить не надо. Ничего не надо, — быстро произнёс он и отвернулся.

— Хорошо.

— Хорошо, — повторил, последний раз на меня глянул, а потом вскочил со скамейки. — Раз уж я здесь, то думаю, мне стоит поговорить с Князем.

— Я тебя провожу, — я тоже вскочила, готовая проводить его, но эквейт не дал.

— Не надо. Я сам.

После чего повернулся и быстро ушёл.

Цель была достигнута, Финор нам поможет. Только отчего мне так грустно и тяжело на душе?

Глава 19. Возможности

А дальше пошло не так весело, как бы мне и всем нам хотелось. И не так быстро. Сашка оставался в тюрьме, где его допрашивали каждый день, и перед зданием проходили митинги и пикеты с призывом наказать его. Я же отсиживалась в замке, пытаюсь прийти в себя и не сойти с ума от страха за жизнь любимого. Пресса гудела, Альянс требовал казнить пирата, а я не знала, куда деться от всепоглощающего чувства безысходности.

Финор действительно в тот же день забрал заявление. Не знаю, что ему пришлось пережить после этого поступка, но эквейт был вынужден съехать из родного дома и поселиться на квартире, которую ему выделил Князь. Наверное, я никогда не смогу отблагодарить его за помощь, которую он мне оказал. Правда, думаю, что от моей благодарности станет только хуже. Ведь Финор ждёт от меня другого. То, чего я дать ему никак не могла.

Минуты складывались в часы, часы в дни. А дни в неделю.

Наверное, это была сама длинная неделя в моей жизни.

— Есть какие-нибудь новости?

Этот разговор с Князем произошёл на следующий день после прихода Финора. В комнате оставаться у меня просто не было сил, поэтому после обеда я сразу пошла к Князю, пытаюсь узнать хоть какие-то новости. Прессе и новостям я уже не верила. Конечно, Князь отдал приказ уменьшить давление и негатив, но лучше не стало.

— Пока ничего нового.

— Как он?

Мне хотелось знать всё. Как Сашка себя чувствует, скучает ли, даже что ел на завтрак.

— В тюрьме защита, которая не даёт до него добраться и вновь попытаться запрограммировать. Так что всё относительно нормально.

— А в суде защита будет?

— В суде тоже. Но до него надо доехать.

— Вы думаете, они попытаются еще раз, — вцепившись в подлокотники кресла, прошептала я.

— Уверен.

— Но надо что-то делать. Каким-то образом предотвратить попытку воздействия. Найти прибор и человека, который за всем этим стоит.

На словах это было так легко — найти, обезвредить, спасти. Жаль, что в жизни так сделать было нельзя.

— Я не могу сканировать Посольство и его работников. Это нарушение конвенции и прямое объявление войны. А это мы себе позволить никак не можем.

— Значит, мы должны просто сидеть сложа руки и ждать очередного удара? Вы же понимаете, что нового приступа он может не выдержать? И не дадут ему прийти в себя, просто убьют, пристрелят, как бешеного зверя! — выкрикнула я и сжалась от боли, которая раздирала душу на части.

— Я этого не говорил.

— Вы просто сидите и ждёте нового удара! — вскочив, ответила ему, чувствуя, как слёзы горячими ручейками стекают по щекам. — Хотите поймать с поличным, выставив Сашу как приманку? Но это просто чудовищно!

— Кэтти, всё не так просто, — тяжело вздохнул Князь, продолжая прятать от меня взгляд. — Прибор находится в Посольстве. А нам туда хода нет. Я не могу отправить туда Дериона с приказом всё обыскать и не могу исследовать сознание каждого из них.

— Ну конечно, что значит жизнь одного, когда на кону судьба тысяч, — горько прошептала я. — Только мне что делать с этим? Какое мне дело до тысячи, когда погибает любимый мужчина?

— Ты можешь меня спокойно выслушать? Мы не можем туда проникнуть, но можешь ты.

— Что?

— Твои способности совершенно иного характера, чем наши с Эли, понимаешь? И отследить их Альянс не сможет. Ты должна попробовать мысленно проникнуть внутрь и побыть подслушивающим и подсматривающим устройством.

Звучало как-то невероятно.

— Но почему это не можете сделать вы?

— Потому что я не подслушиваю, а считываю мысли, твоя мать — эмоции. А это можно отследить, и у них стоят блокировки. Научились закрываться за столько лет. Но твой дар совершенно другой.

— Я не могу. Вы же знаете, что я не могу.

— Знаю, — медленно проговорил Князь, — что твои способности еще не изучены, и если кто и может помочь Александру, то только ты.

— Для этого понадобятся годы, а у нас нет времени, — я попыталась воззвать к его рассудку.

Ведь он помнит, как мне было плохо, что я чуть не умерла, когда способности активировались.

— Ты сейчас ищешь способы отказаться или всё-таки посмотришь в глаза фактам? Кроме тебя Переславцеву надеяться не на кого. Так что думай и принимай решение. Своё мнение я высказал.

Для этого мне понадобилась всего пара секунд.

— Что я должна делать?

— Работать и развивать свой дар. Не бояться и не останавливаться на полпути. Помнить, что только ты стоишь между Александром и смертью, — жестко произнёс Князь.

Но полный смысл его слов дошёл до меня значительно позже.

Когда скрючившись на ковре в комнате, кусала до крови губы и пыталась не сойти с ума от жуткой головной боли.

Жизнь или смерть...

Что может значить какая-то боль, если на кону стоит так много.

У меня перед глазами словно возникли весы. На чаше одной была жизнь Сашки, а на другой — вся боль.

И поэтому я молчала, стонала, дрожала всем телом, скрипела зубами, чувствуя, что еще немного — и они раскрошатся в пыль...

Молчать... терпеть...

Дышать...

Да, надо сосредоточиться на дыхании.

Вдох-выдох... вдох-выдох...

И так продолжалось каждый день по несколько раз, пока я не теряла сознание от боли.

— Кэтти, милая. Так нельзя, — шептала через неделю моих тренировок мама, стоило мне только открыть глаза.

Моя голова привычно лежала на её коленях, а она подносила к пересохшим окровавленным губам бокал с водой.

— Пей, милая, пей. Ты ведь не поможешь Александру, если загубишь себя.

— Всё нормально, — сделав пару глотков, прохрипела я и вновь откинула голову, чувствуя невероятную слабость во всём теле.

Сегодня это была уже третья попытка взять контроль — и опять провальная.

Что-то липкое и противное полилось из носа, но я не сразу поняла, что это кровь. Лишь прикоснувшись пальцами, смогла увидеть алые капли на своих руках.

— Господи, Кэтти. Полежи, я позову врача, — ахнула мама, положив мою голову на ковёр и вскакивая с пола.

Понятия не имею, куда именно она побежала, я видела лишь красные разводы и не могла насмотреться.

Какой красивый, оказывается, цвет, такой бархатный... глубокий.

Все исчезло, кроме этого цвета, исчезли все шорохи и я...

Вновь вспыхнула болью голова, и от неожиданности я захрипела, выгибаясь в спине и цепляясь скрюченными пальцами в мягкий ворс ковра.

Красный... бархат... шторы в кабинете Посла... я видела... слышала... Получилось!

Правда, долго продержаться не вышло, уж слишком ослабленным был организм. Но я поняла, что надо делать и как. Разобралась, наконец, в паутине этого сложного процесса.

Это я вечером и сообщила Князю.

— Всё, Кэтти! Всё! — строго скомандовала мама, продолжая мерить шагами комнату. — Больше никаких экспериментов. Не надо было снимать блок. Ты же так угробишь себя. Взгляни на себя — одна кожа и кости! Вы слышали меня? Я запрещаю!

— У меня получилось, — смотря прямо в лазоревые глаза Князя, прошептала я.

— Кэтти!

— Я видела красные шторы в кабинете Посла и слышала разговор. Ничего особенного, он подписывал какие-то документы. Но я знаю, что надо делать. Я могу...

— Шан! Хоть ты скажи ей! — в отчаянии вскричала мама.

А тот посмотрел на меня и одобрительно улыбнулся, слегка приподняв уголки губ.

— Молодец, Кэтти.

— Князь! О, Господи! Два фанатика! Меня хоть кто-нибудь слышит?

— Мама, у меня получилось, — осторожно повернув голову на подушках, я взглянула на неё. — Порадуйся за меня. Я смогла.

— Порадуюсь... Ты в зеркало себя видела?

— Нет, не хочу пугаться, — попыталась пошутить я, но сил не было.

Язык уже заплетался. Слова с трудом срывались с губ. Хотелось просто закрыть глаза и спать.

— Тебе надо отдохнуть и выспаться, — аккуратно похлопав меня по руке, произнёс эквейт.

— А как же Посол?

— Завтра, Кэтти, всё завтра. Один день ничего не решит, а тебе надо набраться сил.

Его последние слова я уже едва слышала, растворяясь в тумане снов.

Понять принципы работы собственных способностей — это одно, а начать ими

пользоваться — уже другое. Засыпая, я искренне думала, что самое страшное осталось позади. И завтра утром с новыми силами и раскрытыми способностями я спасу Сашку, и мы будем жить долго и счастливо, забыв о тревогах и заботах. Всё как в сказке.

Не получилось.

Для того чтобы овладеть всеми способностями, мне понадобилось не пару часов и даже не целый день, а почти неделя. Целая неделя адской работы над собой и своими навыками. Хорошо, что рядом была мама. Именно её поддержка помогла мне удержаться и довести все до конца, не сдавшись на полпути.

Также посильную помощь оказал Князь. Именно он посоветовал поставить своеобразные «маячки» в Посольстве, реагирующие на определённые слова.

— Ты не можешь всё время быть в транс, — сказал эквейт мне тогда. — Это просто физически невозможно. Гораздо лучше не тратить силы, а запастись ими. Ждать удобного случая, когда сработает «маячок» на нужном слове или фразе, и только потом входить в транс.

Такие «маячки» я училась ставить еще дня два или три. Первое время они у меня просто взрывались, оглушая и вызывая искры перед глазами, потом отказывались активироваться, затем не реагировали на слова.

Но, в конце концов, мне удалось и этому научиться.

Князь вновь оказался прав, это значительно упростило мне жизнь.

Саша оставался в тюрьме уже третью неделю, и нам всё еще нельзя было видеться. Я жила лишь надеждой на то, что разлука близится к завершению, и совсем скоро мы будем вместе. Только это давало мне силы жить дальше и работать.

До первого заседания суда оставалось два дня, а новостей и каких-либо зацепок всё не было. Я каждый час проверяла «маячки», боялась, что могу пропустить что-то важное.

Когда, наконец, один из них сработал. Тот самый, что находился в личном кабинете Посла Альянса.

Дрожа от страха и нетерпения, сделала знак маме и принялась слушать.

Мне казалось, что я готова ко всему, к любому повороту событий, и что бы они ни сказали сейчас, меня будет сложно удивить. Но как я ошибалась.

Когда разговор закончился, мне понадобилась еще пара минут, чтобы прийти в себя и осознать всё это.

— Кэтти? Что случилось? Что ты узнала? — мама села рядом и аккуратно взяла за руку.

— Мне надо поговорить с Князем. Прямо сейчас, — глухо ответила ей, открывая глаза и смагивая непрошеные слезы.

— Что ты слышала?

— Они... ох, мама. Это не объяснишь в двух словах.

И в трёх. Я вообще не знала, как это можно объяснить и рассказать.

— Тогда надо быстрее сообщить всё Шану. Как ты себя чувствуешь? Можешь идти, или пусть лучше он придёт сюда?

Князь у меня на побегушках, надо же, как высоко я, оказывается, взлетела.

— Сюда, если это возможно.

А я у меня будет как раз время, чтобы осмыслить всё услышанное.

— Есть новости? — без лишних предисловий произнёс Князь, входя в комнату вместе с Деррином. — Тебе удалось что-то узнать?

— Да, удалось. Прибор будет использован во время перевозки Саши из тюрьмы в зал

суда. У самого входа. Активирует его, — я задержала дыхание, — отец Финора. Прибор уже у него.

— Значит, всё-таки Сарус, — медленно проговорил Дерион. — Интересно, что за компромат у Альянса на него, если он готов подставить собственную шкуру.

— Это не компромат... Сарус даст команду Саше бежать в определённое место, в котором он будет находиться вплоть до того момента... Через три дня мама должна присутствовать на торжественном открытии нового корпуса больницы. Александр должен будет её там убить. Начнётся паника. Княгиня мертва, Князь последует за ней. Сашу поймают, — с каждым словом слёзы всё сильнее текли из моих глаз. — Из-за того, что он является братом Алексии, Дериону и его семье будет отказано в доверии. Их сошлют в провинцию. Алекс еще слишком мал для того, чтобы править, нужен будет наместник. А кто лучше подойдёт для этой роли, как не муж приёмной дочери Князя и его отец? Сарусу нужен трон.

Произнесла я и застыла, ожидая реакции на столь жуткое сообщение. Ведь это так больно, когда тебя предают близкие люди, которым ты доверял.

Но последовавшая за моими словами реакция была совершенно иного характера, чем я ожидала.

— Значит, всё-таки Сарус, — медленно проговорил Князь, задумчиво потирая гладкий подбородок.

— Этого стоило ожидать, — спокойно ответил ему тёмный эквейт.

И ни капли удивления, ужаса и возмущения на совершенных лицах.

— Вы что, знали? — ошарашенно спросила у них и перевела взгляд на маму, которая стояла чуть в стороне, сложив руки на груди. — Всё время знали?

— Не совсем, — тихо ответила она, понимая, какие чувства я сейчас испытываю. — Мы подозревали, но не знали, что именно Сарусу будет поручено лично привести аппарат в действие. Он сильно рискует.

— А если он решит передать его другому? — встревожилась я.

— Видишь ли, в чём дело, Кэтти, — хищно улыбнулся Князь, присаживаясь в кресло и откидываясь на спинку. — Сарус является подданным Эквей.

— И что? — растерялась я, совершенно не понимая, куда именно он клонит.

Что хорошего в том, что тебя предаёт твой подданный? Тот, кому ты доверял.

— А то, моя дорогая, что в его голову я могу влезть в любой момент.

А ведь точно, Сарус не входит в Альянс, и на него запрет не распространяется.

— Но разве Альянс не подстрахует? — недоверчиво уточнила у них. — Ведь это очень безответственно и глупо. Отдавать прибор, зная, что его могут считать.

— Конечно, обезопасят, — вмещался Дерион. — Есть у них такой специальный чип, который вживляется в кожу головы. Он и заглушает воздействие способностей Князя.

— Но тогда...

— Очень чувствительный чип, очень чутко реагирующий на определённого рода колебания. Вследствие чего недолговечный, — продолжил тёмный эквейт и даже улыбнулся.

— Его можно отключить? Это значит, что мы можем им помешать?

— Мы помешаем им в любом случае, — ответила мама. — Я уж точно умирать не собираюсь в ближайшие пару десятков лет. Осталось только решить, как далеко мы зайдём в своём желании наказать виновных, — произнесла последнюю фразу, мама как-то странно взглянула на мужа.

— Эли, — предупреждаяще пробормотал Князь. — Мы уже с тобой неоднократно говорили по этому поводу.

— О чём говорили? — тут же спросила я, чувствуя, как сердце тревожно сжимается.

Они явно что-то от меня скрывали. Что-то очень важное.

— Ни о чём, рабочие вопросы — ответил Князь и тут же перевёл разговор в другое русло. — Ты умница, Кэтти. Я очень тобой горжусь. То, что ты сделала, под силу не каждому человеку.

Но лесть и похвала не срабатывали, и тревога не уходила. Уж слишком многозначительно они переглядывались.

— Что будет с Сашей?

— Милая, с ним всё будет хорошо, — мама подошла ко мне и крепко обняла, пытаюсь вернуть душевное равновесие. Я чувствовала, как от неё исходят волны спокойствия и надёжности.

— Но вы что-то от меня скрываете, — сопротивляясь изо всех сил, прошептала я.

Снова непонятные гляделки, от которых кровь стыла в жилах.

— Понимаешь, в чём дело, Кэтти, — медленно проговорил Князь. — Я больше не могу терпеть постоянные нападки со стороны Альянса. И собираюсь это пресечь, наказав истинных виновных.

— Но как?

— С помощью Александра.

— Я не понимаю.

— Скоро ты обо всём узнаешь, просто доверься нам, — ответил высший эквейт, вставая. — И верь в него. Не забывай, что Переславцев намного сильнее, чем ты думаешь.

Весь оставшийся день я думала над словами Князя и никак не могла понять, что именно они хотят проверить, и для чего им нужен Сашка. Мечтать о том, что меня поставят в известность, не приходилось. Кто в трезвом уме расскажет государственные тайны ребёнку, хоть и восемнадцатилетнему? Никто. Значит, надо было додуматься самой, но не получалось. Я всю голову сломала. Но ответа так и не нашла.

А ночью мне опять приснилась забытая жёлтая дорога и зелёный дракончик, который грустно смотрел на меня, паря над булыжниками.

— Что думаешь делать, Кэтти? — спросила рептилия, стоило мне только подойти к ней поближе.

— Не знаю.

— Ты получила своего Железного ддрдрдрровосека?

— Он в плену, — печально ответила я и протянула руку для того, чтобы коснуться ярких чешуек на его спине.

Прохладные и такие гладкие.

— У злой волшебницы?

— Хуже. У Гудвина.

— Но серррдце ведь у тебя.

— Какое сердце? — нахмурилась я.

— Его. И если серррдце у тебя, то ддрдрдрровосек обязательно к тебе верррррррнётся.

— Правда?

— Конечно. Они всегда возррррращаются. Надо только быть сильной. И верррррррить в него, несмотря ни на что.

Опять вера. Почему они все напирают на веру? Как будто я сомневаюсь в чём-то. Но это не так. Я всегда верила в Сашу и знала, что он самый лучший. Разве может что-то свернуть меня с собственных убеждений?

Оказалось, что может. В этом я убедилась на следующий день, когда в прямом эфире показали, как Сашка вновь сошёл с ума и сбежал в неизвестном направлении.

Глава 20. По заслугам

Не знаю, сколько прошло времени после того, как показали сюжет с побегом в прямом эфире. Для меня оно просто остановилось, как и весь мир.

Я помню каменное лицо Сашки, когда он расшвыривал охрану и убегал; как кричали от страха и разбегались в разные стороны зеваки; как от жуткого грохота закладывало уши. Я смотрела на картинку и ждала выстрела в спину... вот сейчас... еще немного. Но они не стреляли, позволяя мужчине скрыться за поворотом.

Ведущие еще что-то говорили, рассказывали, но я не слышала.

Отключив панель, села на кровать, невидящим взглядом смотря прямо перед собой.

Как же так? Как такое вообще возможно? Ведь Князю было известно, что именно Сарус нападёт. Он же обещал мне, что с Сашкой будет всё хорошо...

Ложь. Опять ложь...

Они использовали Сашу как наживку для того, чтобы подобраться к Альянсу.

Волна жгучей, неприкрытой ненависти проснулась в самом сердце и быстро пронеслась по всему телу, затуманивая сознание и окрашивая всё вокруг в ярко-красный цвет.

Ненавижу!

Как же я их всех ненавижу. Альянс, Князь, Богиня — разницы никакой. Все они манипуляторы, которым наплевать на чувства других. В приоритете лишь собственная выгода.

— Кэтти?...

Я и не заметила, как в комнату вошла мать и застыла в дверях, растерянно обводя взглядом комнату, которая была моим жилищем во дворце вот уже три недели.

Оказывается, в период своего крайнего бешенства я успела каким-то чудом разбить стеновую панель и разнести полку с сувенирами. Длилось это состояние всего пару секунд, но ущерб был грандиозный — везде валялись мелкие осколки.

Сейчас ненависть никуда не делась, но я уже успокоилась, немного пришла в себя и включила мозг.

— Зачем ты пришла? — ледяным тоном спросила у неё.

Мама... она ведь тоже всё знала. С самого начала была в курсе того, что Князь и Дерион задумали. Вот из-за чего были эти непонятные гляделки, которые не давали мне покоя.

Знала, но не сказала. Конечно, что значит счастье дочери, когда на кону весь мир.

— Кэтти, всё не так, как кажется. Я понимаю, ты злишься. Но...

— Вы использовали Сашку! И меня использовали! — перебила я её. — Опять!

— Катрин! — она попыталась достучаться до меня, но всё было бесполезно.

— Ненавижу! Как я вас всех ненавижу! — процедила сквозь зубы и быстро стёрла слёзы, подступающие к глазам.

Нет, хватит! Я не буду больше плакать. Даже если сердце разрывается на части.

Мама дернулась, а в голубых глазах промелькнула боль. Мне даже стало стыдно за свои слова... Всего пара секунд раскаянья — и вновь вернулась злость.

— Александр сам согласился нам помочь, — спокойно сказала мама.

Вот зря она Сашку вспомнила. Это для меня как красная тряпка для быка.

— А у него был выход? Разве он мог сказать «нет»? И не надо говорить, что это для всеобщего блага. Вы сломали наши жизни!

— Ты всё не так поняла. Александр мог отказаться, принуждать его никто бы не стал, — твёрдо ответила мать. — Кэтти, ты серьёзно думаешь, что эти недели Переславцев сидел на попе ровно и ждал, когда ты его спасёшь?

Хм, интересный вопрос. Я даже немного растерялась от неожиданности.

— Катрин, ты забываешь, что Александр мужчина и воин, который никогда не сдаётся... Ну, почти никогда, — быстро поправилась она и продолжила. — Всё это время он тоже тренировался и добился потрясающих результатов. Если честно, я сама не ожидала, что у него получится.

— В каком смысле?

— Этот прибор на него больше не действует.

— Что? — ахнула я.

Первое чувство — счастье. Ведь Сашка свободен, у него получилось противостоять той заразе, которую внедрил в него Альянс. Больше не надо бояться и вздрагивать от каждого шороха.

Второе — замешательство. Если у него всё получилось, и Князь знал об этом, то тогда зачем мои тренировки? Зачем эти мучения на пределе сил и возможностей? Только для того, чтобы в кратчайшие сроки пробудить и обуздать мой дар? Жестоко.

А потом уже недоумение.

— Тогда получается, — медленно произнесла я, — что никакого воздействия не было?

— Совершенно верно, — поняв, что опасность миновала, мама, которая всё время нашего разговора стояла у двери, подошла ближе. — Александр сделал вид, что находится под контролем. Дал мятежникам то, что они хотели.

— Но зачем?

— Для того чтобы вывести нас на главных и наказать.

— А если всё раскроется? Они же убьют его.

— Теперь всё зависит только от него. Нам остаётся только верить в него и в то, что Александр со всем справится.

Верить...

Да, остаётся только верить.

День прошёл в тревогах и страхах за любимого. За ним и бессонная ночь, когда я вздрагивала от любого шума.

Наступило утро, и снова гнетущая тишина, которая давила и мешала нормально дышать. Словно весь мир замер, ожидая конца этой жуткой истории.

Я боялась включать новости, прекрасно понимая, что увижу там одни сплошные лживые обвинения, в которых не было ни грамма правды. Умом понимала, что так надо, что надо играть свою роль до конца, но сердце думало иначе. Знать, что Сашку объявили в розыск, а за его голову обещали невероятные суммы денег, было невероятно тяжело. Не представляю, как сейчас справляются со всем этим его родители и Алексия.

И как, интересно, Князь собирается из этого выпутываться? Как он будет обелять имя Переславцева в глазах всей планеты, которая уже повесила на него клеймо «пират и убийца»?

Но в то же самое время я осознавала, что Сашка сильный. Другой бы просто не выжил, а он смог. И мне надо верить...

Ох, как хотелось мне встать и броситься ему на помощь. Сделать хоть что-то, чтобы помочь Саше в его нелегком деле. Но я также понимала, что любое моё неосторожное

действие может отвлечь его и пойти во вред. Поэтому и продолжала ждать и молиться.

Рядом со мной практически всё время находились мама и Индин. Сестрёнка не давала мне грустить, забираясь на колени и втягивая в свои игры.

— Мам, что будет с Финором? — спросила я сразу после завтрака.

— А что будет с Финором? Он не принимал участия в деятельности своего отца и наказанию не подлежит.

— Саруса ведь казнят?

— Если его вина будет должным образом доказана, он получит заслуженное наказание, — дипломатично ушла от ответа мама.

— И как Финору жить? Отца казнят, а на имущество наложат арест, — я помнила статьи закона о предательстве на Эквей. — Что с ним будет дальше?

Но маму мои сомнения не трогали.

— Он останется жив, и это самое главное. Парень умный, способный. Он найдёт применение своим навыкам.

— То есть ты просто не знаешь?

— Я думаю, что Князь его не оставит. И вообще, Кэтти, тебе стоит меньше о нём думать.

— Почему?

— Неужели ты не понимаешь, что все его чувства могли быть лишь игрой, навязанной отцом.

Я об этом не думала, и разве имело это смысл?

— Даже если и так, он не должен отвечать за ошибки своего отца, — твёрдо произнесла я в ответ.

— Какой ты еще ребёнок, — мама покачала головой, но больше ничего говорить не стала.

Ближе к обеду она отнесла Индин спать, а я поняла, что больше просто не могу ждать. Для чего, спрашивается, мои способности, если я не могу их применить?

Мне только и надо было немного тишины, покоя и одиночества для того, чтобы настроиться на нужную волну и войти в транс.

Все движения выверены и отточены.

Сесть на пол в позу йога, сложить руки на коленях, закрыть глаза и глубоко дышать. Стараясь не думать ни о чём.

Сердце постепенно замедляло свой стук и стало биться всё реже и тише...

Дыхание стало глубоким и ровным...

Настроиться... найти... среди гула незнакомых голосов, среди шума и криков. Найти самого дорогого и родного человека...

Резь в глазах от яркого света, который бил из окна, уши слегка заложило, но это ненадолго.

— ... всё готово? — нетерпеливо спросил Посол, стоя у раскрытого окна.

— Так точно. Как я и говорил, верные мне люди будут в охране Княгини на церемонии открытия. Они проведут пирата и помогут осуществить задуманное, — ответил сидящий в кресле Жемчужный эквейт.

— Не слишком ли легко всё получается, Сарус?

— Князь не может контролировать всех. Недовольные его браком и женой были всегда. Эта землянка не достойна такого высокого звания, мало того, она даже не смогла родить ему

наследника. Мы очень щепетильны в этих вопросах, господин Посол. Вы сами говорили, что рыба начинает гнить с головы, вот и нам давно пора эту голову поменять. Эквею нужен новый сильный правитель, который сможет возвести наш народ к былому величию, принять все блага цивилизации и...

— И полностью войти в Альянс, — закончил Посол и повернулся, с презрением рассматривая Сашку, который молча стоял у двери с совершенно стеклянным взглядом. — Этому обязательно здесь находиться?

— Будет лучше, если пират останется на виду. Для нашего общего спокойствия.

— Он полностью под контролем?

— Совершенно верно. Бездушная марионетка, которая будет играть по нашим правилам.

— Мы слишком самоуверенны, Сарус, Князь умён и хитёр. Мне с трудом верится, что он будет молча стоять в стороне и наблюдать, как мы убиваем его Единственную.

— Как бы велики его способности ни были, пробраться сюда он не сможет, — жестко усмехнулся эквейт. — Всему есть границы.

— И всему есть конец. Даже жаль, Князь был великолепным противником. Я буду по нему скучать.

Вздвогнув и едва не вскрикнув от острой боли, что десятком раскалённых иголок впиалась в голову, я вынырнула из транса и оперлась руками о пол, пытаюсь восстановить дыхание.

Значит, план остаётся в силе. Они собираются устроить покушение на маму. Но тогда почему Князь бездействует, неужели будет рисковать ею?

Стиснув зубы и собрав волю в кулак, я попробовала еще раз проникнуть в ту комнату. Да, было трудно. Мне не хватало опыта и сил, но и сдаваться я не собиралась.

Два раза меня просто вышвырнуло, и закрепиться не удалось. Но я упорная, вытерла потные ладони о тонкую ткань платья, сделала небольшую дыхательную гимнастику для успокоения, и на третий раз внезапно всё получилось.

Снова знакомая комната, Сашка, Посол, Сарус и еще какие-то люди и эквейты. Всего человек пять, не больше. Саша продолжал стоять на прежнем месте, а остальные столпились у планшета, о чём-то переговариваясь.

Я всмотрелась в лицо любимого, пытаюсь найти хоть какие-то изменения, хоть что-то, что говорило бы, что это мой мужчина. Но он оставался всё таким же холодным и бездушным. Как его называл Сарус? Марионетка? Идеальное сравнение.

Внезапно всё изменилось.

Я услышала непонятный грохот, стук и шум.

Дверь распахнулась, и на пороге возник испуганный охранник.

— Княжеские прихвостни, — выдохнул он.

Мгновение тишины.

Первым пришёл в себя Посол.

— Убить, — коротко бросил он.

Один из эквейтов сразу же достал бластер и направил его в грудь Александра.

Выстрел и мой крик слились воедино.

Меня снова выбросило, на этот раз окончательно.

Нет! Нет, нет, нет! Всё не может так закончиться!! Просто не может! Неправда!!!

Я упала, молотя кулаками по полу, задыхаясь от ужаса и шока, не в силах вытерпеть эту боль, которая сжигала меня изнутри.

— Кэтти? Кэтти! Милая, что с тобой?

Меня подняли, обняли, крепко прижимая к груди, что-то сбивчиво повторяя, но я ничего не слышала. Словно Катрин Бишоп больше не было на этом свете, ничего не было.

Без Сашки этот мир казался пустым и таким чужим.

А дальше всё как в тумане. Я чувствовала только боль в сердце, жила этой болью, полностью игнорируя то, что происходит вокруг.

Меня куда-то несли, кто-то пытался поговорить, достучаться до моего сознания, но я ничего не понимала и не чувствовала. Единственное, что мне сейчас хотелось — умереть и воссоединиться с Сашкой. Только это имело смысл.

А потом и это исчезло. Я будто растворилась в этом зыбком тумане, стала одной из крохотных капелек тумана, кружа над пустым и холодным миром.

Сложно сказать, сколько длилось это состояние. А потом я внезапно услышала голоса. Сначала едва различимые, представляющие собой лишь гул и шум на периферии сознания. Но с каждой секундой он становился всё более чётким и понятным.

— Нам пришлось вколоть ей успокоительное.

— С ней всё будет хорошо? — встревоженно произнёс знакомый женский голос.

Мама...

— Сильное физическое и эмоциональное истощение. У вашей дочери произошёл нервный срыв. Ей сейчас необходим отдых и покой. И максимум положительных эмоций.

— Но что могло его вызвать?

— Сложно сказать. Но что бы это ни было, оно едва не убило вашу дочь.

Новость о собственной гипотетической смерти не встревожила. Было просто всё равно. Наверное, мне опять что-то вкололи, потому что разум вновь затуманился, и сознание ускользнуло, погружаясь в темноту.

Приходила я в себя долго.

Сначала ощутила непонятную тяжесть во всём теле. Мне сложно было даже пошевелить пальцем. В голове царил полный сумбур, и мысли текли вяло и медленно. Где я? Что со мной? Отчего так болит сердце?

— Проснулась? — мягко поинтересовался мужской голос.

Быстро открыла глаза, пытаюсь сфокусировать взгляд.

— Саш? — прохрипела я и попробовала сесть.

Но он мне не дал, мягко уложил на подушку и невесомо поцеловал в лоб.

— Тшшш, лежи спокойно, тебе сейчас надо отдыхать.

— Ты здесь? Ты жив!?

— Я жив, и со мной всё хорошо. В отличие от некоторых. Если бы ты знала, как меня напугала, Катя. Я возвращаюсь во дворец, а мне говорят, что ты едва себя не убила.

— Я видела выстрел, — ответила ему и вздрогнула от картины, что вновь встала перед глазами.

Он сразу помрачнел.

— Так я и думал. И почему ты никогда не слушаешься? Тебе же запретили пользоваться способностями в одиночку, без страховки.

Но я и сейчас его не слышала. Судорожно схватив за руку, лихорадочно всматривалась в его лицо и пыталась поверить, что это всё не сон.

— Ты жив, — только и смогла я вновь прошептать. — Ты здесь.

— Меня не так-то легко убить, помнишь? Особенно, когда дома ждёт любимая девушка.

И не делай такие глаза, — тихо рассмеялся он, беря меня за руки. — Мне давно надо было признаться, какое место ты занимаешь в моей жизни. Но я так боялся поверить.

— Люблю тебя, — прошептала я, несмело улыбнувшись.

Нет, сегодня точно какой-то день подарков и сюрпризов.

— И я тебя, — поцеловав мою ладошку, ответил он, возвращая мне улыбку.

— Но что произошло?

— Нам надо было поймать их с поличным, всех вместе. Мы и поймали. Всю банду. Всех предателей, которые готовили покушение на Элизу. Теперь им не удастся отвертеться.

— А как быть с твоим обвинением? Князь оправдал тебя?

Сашка вздохнул:

— С этим сложнее. Мне предстоит пройти длительное лечение в специальной клинике, которая находится на Анжу, в самом дальнем городе Эквей. Для того чтобы исключить возможность повторения срыва и просто успокоить общественность. Готова ли ты уехать в такое захолустье вместе со мной? — тихо и серьёзно спросил мужчина.

— С тобой куда угодно. Неужели всё действительно закончилось?

— Как сказать. Всё только началось. Князь запустил процесс выхода Эквей из Альянса. После дипломатического скандала и попытки государственного переворота с участием членов Посольства отказать ему никто не посмеет.

Эквей выходит из Альянса. Да это событие века!

— И что же будет дальше?

— Сложно представить. Но думаю, что всё будет хорошо.

— А как же быть со школой и девочками?

— Выход из Альянса — процесс долгий и займёт не один год. Хорошо, что Эквей не стал его колонией. Твои подруги успеют доучиться. А что будет дальше, покажет время. В конце концов, прямые договоры с Землей и другими планетами никто не отменял. И закрываться Эквей не будет.

— Не верится, что всё так закончится, — с сомнением вновь прошептала я.

— Ты ошибаешься, Катя. Для нас всё только начинается, — и навис надо мной, ласково целуя в полуприкрытые губы. — Целая жизнь для нас двоих.

— Звучит потрясающе, — улыбнулась я, обнимая его за шею, и сама потянулась за поцелуем.

6 лет спустя

Жизнь на Эквей текла своим чередом. Как Князь и хотел, планета вышла из Альянса. И это несмотря на все уговоры, парочку угроз и невероятное количество подкупов вперемешку с обещаниями лучшей жизни.

Как это повлияло на нашу жизнь? Лично мне стало легче дышать. И Саше, наверное, тоже. Никогда не думала, что буду так относиться к неродной планете, но теперь моим домом стал Эквей.

Лечение Александра закончилось еще четыре года назад, кошмары прекратились еще раньше. Я еще помню, как мокрый от пота он вскакивал среди ночи, дрожа и сжав руки в кулаки. Но, слава богу, всё позади.

Мама давно зовёт нас в столицу. Честно говоря, уезжать мы не спешили. За эти годы Анжу стал нашим домом, и возвращаться в шумную Аквали совершенно не хотелось.

Это был небольшой уютный городок, очень тихий и спокойный. Здесь не было красивых отелей и пятизвездочных гостиниц, тут не ходили толпы богатых туристов с камерами. Путь с Анжу до столицы занимал примерно сутки, поэтому народ предпочитал отдыхать поближе к Аквали.

И это нас всех устраивало.

Школа для девочек продолжала своё существование. Почти сразу после объявления о выходе из Альянса Князь начал переговоры непосредственно с Землей о заключении нового договора. Условия были практически те же, только заморочек стало меньше.

Мама и Князь продолжали царствовать, их ежедневно показывали по телевизору. Конечно, я скучала, но возвращаться не хотелось. Индин готовилась пойти в первый класс. Это маленькое синеглазое чудо с золотистыми кудряшками покорило весь Эквей и доставляло кучу проблем родителям. Мама чуть ли не ежедневно жаловалась на её проказы.

Несмотря на отдалённость, к нам часто приезжали гости. Не только мама с Индин, но и Жаклин с мужем и семьёй. Подруга вышла замуж за Леона сразу после выпуска и стала настоящей примерной мамочкой и женой. Но самое главное, ей нравилась такая жизнь, что бы противники Отбора ни говорили.

Примерно два года назад к нам перебрались родители Саши. Жить в соседнем доме со свекром и свекровью оказалось не так страшно. Они боготворили внуков и часто забирали их к себе, давая нам с Сашей возможность отдохнуть.

Также к нам часто приезжала Алексия с детьми. Правда, в последнее время без Алекса. Парень, которому уже исполнилось двадцать лет, поступил на службу в Академию и еженедельно тренировался с Князем, готовясь когда-нибудь принять у него титул и власть.

Сашка почти стал тем прежним Александром Переславцевым, который разбивал девичьи сердца одной только своей улыбкой. Но я знала, как на самом деле ему тяжело держать эту маску неунывающего оптимиста.

По факту лечение в специализированной клинике оказалось чем-то вроде комплекса оздоровительных процедур — йога, массаж, бассейн, медитация и прочее. Я не вдавалась в подробности. Надо отдать должное, Сашка всё вынес стойко и даже ни разу не пожаловался на бесцельно потраченное время. Потом ему даже понравилось.

Сейчас муж работал в анжуйском отделе полиции. Там закрыли глаза на его тёмное прошлое, сделав акцент на шпионской деятельности и спасении Княгини.

Свадьба у нас была скромная и только для двоих, мы даже не стали приглашать родителей и друзей. Быстро забежали перед отъездом на Анжу в Храм, где нас поженили, потом так же быстро поспешили на корабль. С новым статусом ничего у меня в жизни не изменилось, я была всё такая же, и Сашка был всё тот же. Но теперь мы были официально парой. А через год родился Лиам, кареглазый темноволосый мальчуган с улыбкой своего отца.

Богиня больше не беспокоила. Теперь, когда мы выполнили все её пожелания, она решила оставить нас в покое. И я была этому рада. Сны с дракончиком и дорогой, вымощенной желтым кирпичом, иногда еще снились, но не часто.

От моего дара ничего не осталось. Увидев смерть Александра, я испытала такое эмоциональное и душевное потрясение, что выгорела дотла. И нисколько не жалела об этой утрате.

Из всех знакомых и родных людей, меня больше всего волновала Би. После окончания школы подруга работала в одном из отелей Аквали и недавно получила повышение, став заместителем директора. На все мои замечания, что не в этом счастье и надо исправлять ошибки, она отмалчивалась. Но как Би ни храбрилась, я знала, что это всего лишь маска. Сколько раз я пыталась с ней поговорить, но Беатрис отказывалась меня слушать, утверждая, что время еще не пришло. Но годы шли, а ситуация не менялась.

— Мама! Мама! Смотри! — ко мне подбежали Лиам и малышка Фейт.

Оба держали в ручках листы, на которых неумело детскими ручонками были нарисованы зверушки.

— Очень красиво. Вы молодцы! — я присела, обнимая их и целуя в макушки. — Мне очень нравится.

— А когда папа придёт? — Лиам выбрался из моих объятий и отошёл на шаг.

Малыш считал себя настоящим мужчиной. А мужчины не терпят нежности. В отличие от него, Фейт росла очень сильной и нежной девочкой, которая любила, когда её берут на руки и крепко обнимают. Я понимала, с чем это связано, и сердце в который раз кровью обливалось.

— Скоро. Очень скоро. Вот папа вернётся с работы, и мы сразу пойдём ужинать.

За эти годы я в совершенстве овладела искусством кулинарии и к услугам роботов практически не прибегала. На работу я не выходила, предпочитая посвящать всё время мужу и детям. Я знаю, что феминистки назвали бы меня дурой, но я не видела ничего в этом зазорного. Каждый выбирает свой путь. А для меня самым главным была семья.

— Ура! Фейт, побежали еще что-нибудь нарисуем.

Малышка глянула на меня серьёзными серыми глазами и убежала за братом. Я некоторое время смотрела им вслед, а потом вновь повернулась к окну. На душе скребли кошки, и я никак не могла понять причину своего беспокойства.

Через полчаса пришёл Сашка. Муж привычно притянул меня к себе и сладко поцеловал, прогоняя все тревоги и печали.

— Как прошёл день? — отдышавшись, спросила у него и оправила воротник рубашки. Муж категорически отказывался носить открытые жилетки, предпочитая более привычную одежду.

— Без происшествий. А у вас?

— У нас тоже. Дети успели несколько раз поругаться и тут же помириться. Всё как всегда. Иди, мой руки, и будем ужинать.

— Хорошо, — чмокнув меня в нос напоследок, муж направился в ванную.

Внезапно раздался звонок в дверь.

— Ты кого-то ждёшь? — недоуменно переспросил он.

— Нет. Может, соседка. Иди, я открою.

Не глядя в видео-домофон, до такой степени я расслабилась, считая, что нам ничего угрожать не может, пошла открывать дверь.

— Ты? — прохрипела я, хватаясь за горло, и с ужасом глядя на застывшего на пороге жемчужного эквейта.

— Я хочу видеть свою дочь, — вместо приветствия заявил мужчина.

И сердце тут же ухнуло вниз.

Изумруд, бирюза и хризолит.

Вот уже шестой год именно из этих трёх цветов и состоит моя хита.

Именно этим обстоятельством, а точнее, отсутствием другого более важного для меня цвета, я и объясняла все свои поступки, которые привели к таким последствиям и к той жизни, в которой, собственно, и оказалась.

Кэтти всегда говорила, что это глупости и надо действовать по совести, а не в угоду Богине. Слушать своё сердце, оно ведь не обманет. Но разве подруга могла понять, в какое затруднительное положение я сама себя загнала?

Эквей — знаменитая водная планета, популярнейший курорт для избранных, с четким набором правил и законов. Здесь нельзя выйти замуж за мужчину, если цвет хиты не совпадает с его родом. Мало того, юные эквейтины воспитаны в таком духе, что они никогда не посмотрят в сторону другого мужчины. Но я же землянка, противоречие и пренебрежительное отношение к нормам и законам у меня в крови.

И кто виноват в сложившейся ситуации?

Конечно, я сама. Правда, часть ответственности лежит на Финоре, но это другой вопрос. Ведь именно я приняла такое сложное и непростое решение — не вовлекать его в нашу общую проблему.

Во-первых, не стоило влюбляться в парня своей лучшей подруги. Совсем не стоило. И реветь в подушку длинными ночами, вспоминая как они танцевали и смеялись вместе, тоже было паршивой идеей. Надо было забыть его. Но нет, я продолжала изо дня в день изводить себя, лелея образ красивого эквейта в своём сердце, и совершенно отказывалась довериться голосу разума. Один плюс во всём этом был: как показала практика, актриса из меня получилась отличная, потому что никто ничего не заподозрил.

Во-вторых, не надо было рассчитывать и втайне мечтать о том, что жемчужный цвет появится в собственной хите. Потому что Богиня тоже была против нашего союза. Хотя в хите Кэтти он тоже не появился, но это ничего не меняло.

В-третьих, не надо было становиться ему лучшим другом. Звонить, разговаривать, пытаться утешить. Я ведь искренне считала, что если буду находиться рядом с ним, то мне будет легче. Не стало. Всего этого мне было мало. Эти беседы по душам тревожили душу и не давали расслабиться. Вместо того чтобы забыть Финора, я всё больше и больше влезала в это болото, пока не накрыло с головой.

В-четвёртых, не надо было с ним спать. Совсем! А если и спать, то перед этим надо было подумать о контрацепции. Но страсть так затуманила рассудок, что о контрацептивных уколах я просто забыла. Это были лучшие моменты в жизни. Моменты, когда я была самой счастливой на свете. Это совершенно ничего не могло изменить. Радовало меня только одно — в одной постели мы оказались по обоюдному согласию.

Самое смешное, что я ведь даже провожала Финора, когда он после казни отца за государственную измену улетал из столицы.

— Я просто не могу здесь оставаться, Би, — произнёс он. — Быть сыном предателя, чувствовать на себе обвиняющие взгляды и не иметь возможности сказать что-либо в ответ. Да и не осталось тут ничего, что могло меня удержать. Мама умерла при родах, отец казнён, всё имущество конфисковано, а Род отвернулся.

«А как же я? Как быть со мной?» — безмолвно кричало сердце. А я лишь понимающе кивала и улыбалась.

— Спасибо, что пришла проводить. Би, ты тот лучик света, который не дал мне сойти с ума. Спасибо, — он крепко обнял меня на прощание, прижимая к себе.

Не знаю, откуда, но у меня возникла мысль, что он что-то недоговаривает или боится мне сказать. Но я была так занята собственным горем, что не стала акцентировать на этом внимание.

Как же мне хотелось попросить его взять меня с собой, но я так боялась отказа, что промолчала. Помахала ему платочком и ушла, уверенная, что точка в наших отношениях поставлена и надо учиться жить дальше без всяких сероглазых эквейтов.

Оказалось, что никакая это не точка, а жирная такая запятая. Через три дня я узнала, что беременна.

Проблема была в том, что аборт на Эквей сделать нельзя. В связи с большим упадком рождаемости эту процедуру упразднили лет пятьдесят назад. Мне оставалось только рожать. Но я и не собиралась убивать ребёнка. Он же был наш. Частичка любимого мужчины.

Но быть матерью-одиночкой без мужа — еще больший шок для эквейской общественности.

Адреса и данных Финор мне не оставил, хотя при большом желании я могла его найти. Вот только желания не было. Что бы я ему сказала? Жениться на мне он всё равно не мог. Мы бы стали изгоями, а ему и так досталось после суда над отцом.

Можно было выйти замуж, но кто согласится воспитывать чужого ребёнка и признавать его своим? Вопросы, сомнения и ни одного ответа.

Я уже совсем отчаялась, когда неожиданно поняла, что надо делать. Когда родители ребёнка погибали, его не сдавали в детский дом. Открою страшную тайну: здесь, на Эквей, вообще не было детских домов. Беспризорников, которые в лохмотьях бегали и просили милостыню, тоже не было. О детях заботился Род. Всегда.

А кто у меня был в качестве рода, если я родилась на земле? Правильно, такие же землянки, как и я. Поэтому я и решила просить помощи у подруг. Жаклин я сразу отринула, она жила с мужем в столице, а это было слишком близко, и её муж вряд ли бы согласился на такое, как и его семья. Оставалась Кэтти, к ней я и обратилась за помощью.

— Ты что? — переспросила она.

Мы пили чай в её доме. Александр был на работе, поэтому я не таясь могла ей рассказать правду. Почти всю правду.

— Я беременна, — охотно повторила я и сжала в руках кружку с ароматным напитком.

— Ты вышла замуж? — всё еще отказывалась понимать Кэтти и быстро осмотрела мою хиту, которая так и осталась без изменений. — Или нет?

— Я не замужем.

Надо отдать должное — выдержка у подруги была колоссальная. Кэтти помолчала, а потом осторожно поинтересовалась:

— Би, во что ты влезла?

— Почему сразу влезла? Всё нормально, — нервно откликнулась я и поставила чашку на стол, чтобы случайно не разлить ничего.

— Нормально — это выйти замуж и родить ребёнка, а не просить нас его взять на воспитание, — заметила она.

— Так ты поможешь мне?

— Кто отец, Би? — подруга никак не хотела отступить.

— Какое это имеет значение? Его цвета в хите нет.

— Он отказался от ребёнка? — возмущенно ахнула Кэтти.

— Он не знает, — закусив губу, призналась я и отвела взгляд. Мне всё ещё больно было вспоминать Финора и всё, что с ним было связано.

— Беатрис, так нельзя! Ты должна сказать. Так будет правильно.

«Скажи мне то, что я не знаю...»

— Нет. Ему сейчас и так тяжело. Не хочу сваливать на него еще и новость о грядущем отцовстве. Ты знаешь, что ждёт эквейтов, которые отринут наказ Богини? Всеобщее порицание и изгнание. Я не хочу, чтобы это коснулась его и... ребёнка. Ты хоть представляешь, что будет с малышом? Его будут считать прокаженным, недостойным общения. Я не могу обречь его на такие страдания.

Как бы жутко это ни звучало, но Кэтти знала, что я права.

— Ты хочешь, чтобы мы с Сашей взяли его на воспитание? То есть усыновили?

— Нет. Это не усыновление. В законе Эквей есть пункт о том, что родственники берут на себя заботу о детях своих близких. У нас один Род — мы земляне.

Кэтти понимающе кивнула, но и соглашаться не спешила:

— А что будет потом, Би? Ты подумала о том, что будет дальше?

— Я закончу школу экстерном, устроюсь на работу, встану на ноги и заберу ребёнка.

— Мальчик или девочка? — тихо уточнила подруга.

— Не знаю. Ты же помнишь, что пол определить нельзя.

— Но ты должна рассказать отцу ребёнка. Даже если он откажется, мужчина должен знать.

— Хорошо. Обещаю, как только придёт время, я обязательно расскажу.

И вот уже более пяти лет время никак не приходило. Моя принцесса жила вдали от меня, называла мамой не только меня, но и совершенно чужую тётю. А со мной общалась только по видеосвязи каждый день.

Никогда не понимала матерей-кукушек, которые рожали и бросали своих детей на чужих людей. Кто бы мог подумать, что сама стану такой же.

При прямом содействии Княгини нам удалось провести процедуру введения в род Фейт. Теперь она официально являлась воспитанницей Переславцевых. А я была мамой на расстоянии. Той, что приезжала по праздникам и привозила огромное количество подарков ей и сыну Кэтти, Лиаму. О Финоре я ничего не слышала и не искала. Зачем рвать себе сердце, когда на душе и без того кошки скребут.

Но так больше продолжаться не могло. Я была невероятно, просто безумно благодарна Кэтти и Саше, но понимала, что надо выходить из порочного круга. Особенно теперь, когда я получила долгожданное повышение.

* * *

— Где список на бронь с Земли? — открыв перед собой всю входящую документацию на сенсорном рабочем столе, поинтересовалась я у Селесты.

— Списка еще нет, — быстро отчиталась девушка и застыла рядом.

— Как нет? Сегодня какое число? Корабль с Земли прибудет через два месяца, а списка

забронировавших номера еще нет? Они не боятся, что у нас просто не окажется свободных мест к тому времени, когда они проснутся?

— Не знаю, ива.

Устало потеряв переносицу, я попыталась сориентироваться по времени.

День сегодня был крайне сложный.

Сначала постояльцы из 113 разгромили номер для молодожёнов, устроив бурные разборки. Потом был небольшой потоп в 93. Парочка резвилась в джакузи и забыла выключить воду. Теперь еще эта задержка с бронью с Земли. Опять будут ссылаться на сложности с Альянсом, который после выхода Эквей из своего состава всячески пытался вставлять нам палки в колёса.

— Хорошо, Селеста, я сама с ними свяжусь. Ты можешь быть свободна.

К концу рабочего дня я чувствовала себя абсолютно разбитой и уставшей, единственная мысль грела душу: через неделю я смогу поехать на Анжу и забрать мою девочку домой. Почти все бумаги были готовы, а формальности улажены. Я даже смогла выбить ей место в детском саду возле отеля, и мне не терпелось ей об этом сообщить.

В общем, я была так вымотана, что совершенно не обратила внимания, когда меня кто-то окликнул на пути к выходу из отеля.

— Би! Би, подожди! — меня неожиданно схватили за локоть и развернули к себе.

— Что? — нахмурившись, начала говорить я, пока не взглянула на остановившего меня мужчину. — Финор?

Самое отвратительное было то, что он не только изменился за эти годы, но и чертовски похорошел. Если раньше я считала его очень красивым эквейтом, то сейчас ему можно было присудить премию — мистер Ослепительность. Мужчина расширился в плечах, став еще более внушительным, лицо немного осунулось, но это ему шло. Жемчужные волосы заплетены в многослойную косу, открывая высокий гладкий лоб. Но самое главное — его глаза. Они были все того же потрясающего жемчужного-серого оттенка, и в них царила жизнь.

Совсем как глаза Фейт.

— Привет. Ты не представляешь, как я рад тебя видеть, — улыбаясь, произнёс он и неожиданно крепко меня обнял.

От него еще и пахло так же сладко, как и раньше. Этот запах пробудил воспоминания, которые не должен был пробуждать, и они, наконец, привели меня в чувство.

— Ты что здесь делаешь? — выкарабкавшись из его объятий, потрясённо произнесла я. Быстро поправила пучок, который немного сбился в сторону, и нервно улыбнулась.

— Живу. А ты?

— Работаю.

— Ты? Здесь? В этом отеле? Невероятно! Всё как ты мечтала. Я за тебя рад, — Финор продолжал улыбаться и не сводить с меня лучистых серебристых глаз.

— Я тоже за себя рада.

— Какие еще новости?

— Всё отлично. Работаю, — прижимая планшет к груди, я улыбнулась и нервно передёрнула плечами, мечтая в этот момент оказаться где-нибудь в другом месте.

«Бежать. Бежать как можно скорее, пока я не сошла с ума от всей этой ситуации. Почему он появился здесь? И почему именно сейчас, когда до исполнения моей мечты осталось совсем немного?»

— Ты знаешь, нам обязательно надо встретиться и поговорить, вспомнить прошлое.

— Конечно, отличная идея, — фальшиво улыбнулась в ответ.

«Никогда! И ни за что!»

— Правда? Я скучал по тебе, Би.

«Конечно, скучал, как по подушке для слёз, на которой можно было поплакаться о несправедливости судьбы и Богини в том числе».

— Да, да, я тоже. Ты знаешь, мне пора. Меня ждут. Была рада тебя видеть, — пожала ему руку, широко улыбнулась и поспешила к выходу.

Кровь в ушах стучала как барабан, сердце билось как сумасшедшее, и было трудно дышать. Отчего-то я была уверена, что приезд Финора будет только началом моих неприятностей.

Даже мордашка Фейт не смогла вернуть мне душевное равновесие. Я смотрела на малышку и замечала в ней сходство с отцом: разрез и цвет глаз, улыбка, форма лица, цвет кожи. Единственное, что у неё было от меня — это рыжие волосы.

— Мама расстроена? — тихо спросила дочка.

— Немного устала, — улыбнулась ей. — Как прошёл твой день?

— Хорошо. Мы с мамой Кэтти играли, а еще Лиам сломал мой замок.

— Я уверена, он так больше не будет. Ты начала собирать вещи?

— Нет, — она сразу отвела взгляд и закусил губу: явный признак, что дочка от меня что-то скрывала.

— Фейт, что-то не так?

— Я не знаю. Тут мама хочет с тобой поговорить.

И на экране появилось лицо Кэтти.

— Привет, — я улыбнулась подруге. — Как у вас дела и что с вещами Фейт?

Подруга невесело хмыкнула.

— Умеешь ты уловить суть, Би. Фейт не хочет уезжать, — тяжело вздохнув, созналась подруга.

Сердце ухнуло вниз и сжалось от боли.

— Что значит, не хочет? Мы же столько об этом говорили, она так радовалась, что мы будем, наконец, вместе.

— Она и сейчас рада, Би. Малышка безумно тебя любит и очень скучает. Но произошло то, о чём я тебя предупреждала. Она привыкла жить на Анжу с нами и не хочет уезжать. Сейчас ей очень тяжело. Фейт не знает, как быть. С одной стороны чувства к тебе, а с другой...

— К вам, — я натянуто улыбнулась и вздохнула. — Вас она тоже очень любит, и вы для неё больше семья, чем я. Ты и знаешь её лучше меня.

— Неправда... Точнее, вполне возможно, но я уверена, что вы быстро наверстаете упущенное. Фейт еще слишком мала, она и не вспомнит, что разлучалась с тобой.

— Ты пытаешься доказать, что я хорошая мать.

— Ты хорошая мать, кто бы что ни говорил. Я же вижу, как каждый раз разрывается от боли твоё сердце, когда ты вынуждена оставлять Фейт у нас. Да, вы живёте не вместе, но ты не забываешь о ней. И малышка это чувствует.

— Спасибо, Кэтти.

В отель я пришла за полчаса до начала рабочего дня. Оставив документы в кабинете, спустилась вниз в бар. Вчера я легла спать поздно и чуть не проспала. Поэтому осталась без завтрака.

— Доброе утро, что желаете? — медленно и чётко произнёс андроид, стоило мне только сесть на стул.

— Кофе, двойной и крепкий, без сахара и сливок.

— Твои привычки не меняются, — хмыкнув, произнёс Финор и сел рядом. — Доброе утро, Би.

— Ты что здесь делаешь?

— Живу, я тебе уже об этом говорил.

— Да, конечно.

Во мне сейчас боролись два желания: сбежать или остаться. И я не знала, что лучше.

— А ты всё так же пьёшь эту гадость? Мне чай и пирожное «Эвели», — Финор сделал заказ и вновь взглянул на меня. — Твои любимые.

— Спасибо.

Было приятно, что он помнил, но я всё равно не понимала, с чего вдруг такая любезность. Или всё дело в моей хронической подозрительности?

— Знаешь, это можно считать чудом. Я как раз думал, куда бежать и что делать, чтобы найти тебя, узнать, как сложилась твоя жизнь.

— Зачем? — механическая рука поставила передо мной большую кружку, и я тут же за неё спряталась, вдыхая горький и терпкий аромат.

— Ты единственная, кто остался со мной после того, что произошло. Единственная, кто поддерживал и помогал.

— Мы же друзья, — кофе был горьким и обжёг губы и язык, но я всё равно продолжала пить.

— Изумруд, бирюза и хризолит, — неожиданно произнёс он, продолжая меня рассматривать. — Ты с кем-нибудь встречаешься?

Вот этого вопроса я от него точно не ожидала.

— А какое это имеет значение? — сразу же напряглась я.

— Не хочу, чтобы у тебя были проблемы, когда я приглашу тебя на ужин.

— Не встречаюсь и от ужина вынуждена отказаться.

— Почему? — удивился эквейт и принялся методично барабанить длинными пальцами по барной стойке. Этот стук невольно сбивал с мысли.

— Очень много работы.

— И ты не можешь найти полчаса для старого друга?

— Прости, — чашка с глухим стуком встретилась с блюдечком. А я быстро встала со стула. — Мне пора. Летучка через десять минут, надо подготовиться.

— Беатрис, — Финор вскочил следом и схватил меня за руку. — Такое ощущение, что ты на меня за что-то злишься, но я не могу понять за что? Я что-то сделал не так?

— Нет, прости, — быстро ответила ему и попыталась улыбнуться. — Трудная неделя, столько всего навалилось.

— Так как насчёт ужина?

— Хорошо, — сдалась я. — А теперь мне пора.

Сказав это, я поспешила к выходу, а в спину мне донеслось.

— Я буду ждать, Беатрис.

Понятное дело, что на работе сосредоточиться у меня так и не получилось. Мысли летали высоко, а глаза то и дело искали часы, отсчитывая заветные мгновения.

«Может, забудет или будет занят», — пыталась успокоить я себя, но не получилось.

Финор ждал меня в холле.

— Пошли? — он ловко подхватил меня за руку и повёл в сторону выхода.

— Пошли.

Это было странное ощущение. Раньше, шесть лет назад, мы с ним никуда не ходили и вообще нашу дружбу старались не афишировать, поэтому всё это было для меня в новинку.

Ресторанчик, который выбрал эквейт, находился на центральной улице Аквали и располагался недалеко от княжеской резиденции.

Мы сели за уютный столик на веранде и сделали заказ.

— Итак, как твои дела? — сцепив пальцы в замок, спросила я у него.

Было гораздо легче спросить его, чем пытаться рассказать о своей собственной судьбе.

— Возвращаюсь на Аквали. В данный момент ищу дом, поэтому и живу в гостинице.

— Понятно. Чем занимаешься?

Финор неожиданно смутился и отвёл взгляд.

— Да так... всего понемногу. Ничего интересного.

— Ничего интересного, но ты решил купить домик на Аквали. И за какие деньги? Я работаю как проклятая и наскребла лишь на квартиру. Симпатичную двухкомнатную квартиру. А ты решил купить дом и остановился в элитном отеле на недельку.

— Швыряю деньги направо и налево? — понимающе улыбнулся эквейт.

— Совершенно верно, — ответила ему, неосознанно теребя мочку уха.

Поняв, что он следит за моими движениями, тут же опустила руку.

— Номер снимал не я, — ответил Финор.

— Жена? — как можно безмятежнее поинтересовалась у него.

— Я не женат, — быстро ответил он, и улыбка сразу потухла.

«Про Кэтти вспомнил», — догадалась я и помрачнела.

— Что же ты так, такой красивый, завидный мужчина — и до сих пор не женат. Или требования слишком завышены? — попыталась пошутить я, чтобы хоть как-то сгладить этот неловкий момент и тишину.

— Рядом с тобой они все меркнут, Би. — усмехнулся он. — Ты ведь тоже не замужем.

— Работа.

— И у меня работа. Копил на домик в столице.

— И накопил. Так ты мне расскажешь, кем ты работаешь?

Мужчина некоторое время изучал моё лицо, а потом неожиданно мягко улыбнулся и ответил:

— Расскажу, на следующем свидании.

— У нас не свидание, — быстро поправила его я, — а встреча старых друзей.

— Близких друзей, — кивнул эквейт. — Не могу понять: ты изменилась и в то же время осталась всё той же. Такая странная двойственность.

— Все меняются.

— Да, наверное. А вот и наш заказ.

Мы просидели в ресторанчике до самого вечера. Потом Финор проводил меня до дома, поцеловал в щеку и растворился в темноте ночного города.

А в квартире меня ждала уже сонная Фейт, которая не ложилась спать без моего виртуального поцелуя и пожелания спокойной ночи.

Был у нас такой ежедневный ритуал, которому мы неуклонно следовали всю её жизнь. Это помогало мне чувствовать себя нужной.

* * *

Следующим утром Финора я не встретила, и день прошел в относительной тишине и спокойствии. Нам, наконец, прислали список брони с Земли, и я могла вздохнуть спокойно. Я думала, что эквейт пошутил, когда говорил о втором свидании, но это оказалась не так.

— Красивые цветы для красивой девушки, — вручая мне букет пёстрых анемонов, улыбнулся Финор.

А я не знала, куда деться от смущения. Вокруг сновали мои подчиненные, которые бросали в нашу сторону заинтересованные взгляды и понимающе улыбались. Страшно представить, какие слухи рождались в этот момент в их головах.

— Тебе не стоило.

— Стоило. Тебе приятно и мне приятно. Так ты готова?

— К чему? — пряча в букете алеющие щеки, спросила у него.

— Как к чему? — широко улыбнулся он. — Во-первых, у нас свидание. Во-вторых, ты же хотела знать, чем я занимаюсь. Вот я и хочу тебе показать.

— Ну, тогда пошли.

Шоком номер два для меня стало, когда через два квартала мы свернули в сторону самого шикарного ювелирного магазина в столице.

— А здесь мы что делаем? — растерянно рассматривая яркие вывески и огромные прозрачные витрины, спросила я.

— Здесь мы по работе.

— Ты шутишь?

— Би, пойдём скорее, — и затащил меня внутрь. — Нас уже ждут.

Нас? Ждут? Я совершенно запугалась.

Эквейт всегда славился своими драгоценными камнями и ювелирами, которые могли творить самые настоящие произведения искусства. К сожалению, ничего из этого мне не было по карману.

— Ив Финор, — почтенно склонила голову девушка, стоило нам только войти внутрь. — Мы рады вас снова видеть.

— Я тоже. Она на месте?

«Кто она? Надеюсь, он не собирается знакомить меня со своей невестой?»

— Да. Только сегодня доставили. Это просто невероятно, никогда не видела ничего подобного, — восторженно сложила руки эквейтина.

— А что происходит? — не выдержала я.

— Пойдём, — и, схватив за локоть, снова потащил — на этот раз вглубь зала, пока мы не остановились у большой витрины, где лежало одно из самых красивейших свадебных ожерелий, которые я когда-либо видела.

Изумруд, бирюза и хризолит в обрамлении оранжевых камней и тонкой сеточки из золота и платины.

— Этот камень называется падпараджа или оранжевый сапфир, — тихо произнёс Финор. — Очень редкий и дорогой камень даже для Эквей. У вас на Земле он ещё называется «цветом лотоса».

— Невероятная красота, — проведя подушечками пальцев по витрине, прошептала я.

— А само ожерелье называется Беатриче... — Финор встал у меня за спиной и уже на ухо произнёс: — Его создал я.

— Ты? — я всё-таки оторвала взгляд от этой красоты и резко повернулась, встречаясь взглядом с серьёзными серыми глазами, которые были так невероятно близко от моих. — Ты это создал? Но как?

— Как обычно создают ювелирные изделия, — улыбнулся он, и я рассмотрела сеть мелких морщинок в уголках его глаз. Раньше их не было. — Руками и специальными инструментами. Я ювелир, Би. А это моё творение, названное в твою честь.

— Мою? — всё ещё отказывалась понимать я.

Всё это казалось слишком удивительным и потрясающим, чтобы быть правдой.

— Да. Когда мне впервые принесли эти камни — падпараджа — и я увидел их цвет, то сразу вспомнил о тебе и твоих волосах. А потом и про хиту.

— Изумруд, бирюза и хризолит, — ахнула в ответ и повернулась, новым взглядом оценивая ювелирное произведение искусства.

— Совершенно верно. Так это ожерелье и появилось. Благодаря тебе.

— Невероятно. А ещё работы есть?

— Пока нет. Выставка запланирована через две недели.

— У тебя будет своя собственная выставка?

Это стало новым шоком. А я была уверена, что больше удивить просто невозможно.

— Да, — смущенно улыбнулся он, когда я встала к нему лицом, опираясь бедром о витрину. — И её венцом станет Беатриче.

— Поздравляю. Я очень за тебя рада.

— Спасибо. Но у меня к тебе ещё одна просьба, — произнёс он и неожиданно замялся.

— Какая?

— Ты не могла бы его надеть?

— Зачем? — сглотнув стоящий у горла ком, переспросила я.

— На выставке принято показывать подобного рода украшения на девушке. А я не могу представить Беатриче на ком-то другом кроме тебя, — произнёс Финор и уже тише добавил: — Только тебя.

Вот так и разбиваются мечты. Ему всего лишь нужна модель для своей работы. Именно поэтому он хотел меня найти, а я уже почти поверила в сказку. Думала, что он скучал по мне. Глупая, столько лет прошло, а я ещё во что-то верю.

— Би? Что-то не так? — Финор обеспокоенно заглянул мне в глаза, а я быстро улыбнулась.

Ничего, я уже привыкла держать марку и здесь смогу.

— Всё нормально. Твоё предложение очень лестное, Финор, и такое неожиданное, но я согласна выполнить его. Для меня это честь — быть музой автора.

— Ты побелела. С тобой точно всё нормально? — не отступал он.

— Да.

А дома, попрощавшись с Фейт, я включила планшет и нашла информацию о выставке, которую устраивал известный в узких кругах ювелир Финор Дрейк.

— Дрейк? — недоуменно пробормотала я, по десятому разу читая объявление. — Почему Дрейк? Или он так шифруется?... Хотя какое мне до этого дело.

* * *

Но, как оказалось, самое страшное было впереди.

Финор не появлялся третий день, и я не могла понять причину. Девочки на ресепшен говорили, что эквейт меня искал два дня назад, но мы так и не встретились. А после он вовсе исчез и из номера выписался.

Координаты не оставил, что уж говорить о записке. И я никак не могла понять причин такого неожиданного поведения.

Мне уже хотелось идти в тот самый магазин и там про него спрашивать.

— Пойду завтра. А оттуда сразу в порт, надо забирать Фейт, — в конце концов, решила я, возвращаясь домой.

Но стоило мне только зайти, как раздался звонок от Кэтти.

— Привет. Что-то случилось? — я взглянула на побледневшее лицо подруги, которая смотрела на меня так странно, как никогда в жизни. — Кэтти, что с Фейт?

— Би, понимаешь, тут такое дело... — начала она неуверенно и тревожно оглянувшись.

— Что с ней? — на меня накатила паника и страх. — Что с моей девочкой?

— С ней всё нормально. Беатрис, Финор прилетел.

— Что? — вскричала я, прижимая руку ко рту.

Нет, не может быть. Это неправда. Он не мог узнать, никак не мог.

— Прилетел сюда и требует встречи с Фейт. Я не знаю, что делать, Беатрис.

— Господи... Но как? Как он узнал? — прохрипела я, как только голос вернулся.

— Ты меня спрашиваешь? Я вообще понятия не имела, где он пропадал все эти годы. В отличие от тебя, — Кэтти явно злилась, но потом успокоилась и быстро произнесла: — Финор сказал, что искал тебя в отеле. Ему разрешили подождать в кабинете, там он случайно и увидел голограмму Фейт, а также билеты на Анжу, которые ты оставила на самом видном месте.

— О Господи, — вновь прошептала я, оседая на пол. — Не может быть. Только не так.

— Беатрис, что теперь делать?

— Я не знаю.

— Тогда срочно выезжай к нам. Я не дам ему разрешение видаться с Фейт до твоего приезда, но, ради Бога, поторопись.

— Да, да, конечно.

Путь до Анжу на частном сверхскоростном корабле, за аренду которого я отдала всю месячную зарплату, занял пятнадцать часов. Это были самые длительные часы в моей жизни. Я не могла ни есть, ни спать, ни сидеть. Просто ходила из угла в угол и пыталась понять, как оказалась втянутой в эту ситуацию и как теперь мне из неё выпутаться.

И вот он, дом Переславцевых.

— Привет, — я быстро закрыла за собой дверь и обняла подругу. — Как вы тут?

— Как в осаде, — улыбнулся Александр. — Финор очень часто заходит в гости.

— Он видел Фейт? — сразу же спросила я.

— Нет. Без тебя мы не можем принять такое решение, еще неизвестно, как она отреагирует на эту встречу. Но попыток Финор не оставляет, — ответила Кэтти. — Я говорила, что надо было давно ему рассказать.

— Что теперь об этом говорить, — ставя чемодан на пол, пробормотала я и вздрогнула от звонка в дверь.

— Вот и наш гость, — вставая с дивана, усмехнулся Саша, его эта ситуация, судя по всему, не беспокоила. — Пойду, открою.

— А я чай заварю, — тут же произнесла Кэтти и направилась в сторону кухни.

— А я?

Я застыла посреди гостиной, не зная, куда бежать.

— Ты остаёшься здесь и разговариваешь. Поняла меня? — велела Кэтти.

Саша впустил эквейта и тоже ушёл на кухню.

— Привет, — пробормотала я, пряча руки за спину и стараясь смотреть ему прямо в лицо.

Но как было тяжело встречаться с ним взглядом.

— Уже здесь? Оперативно, — сухо ответил мужчина, проходя в комнату.

— Если ты думаешь, что я буду извиняться, то ошибаешься, — сразу перешла я в наступление, вспомнив, что лучшая защита — это нападение. — Ты вообще подумал, что творишь, появляясь здесь? У тебя нет никаких прав.

— Ты мне их просто не дала, — Финор совершенно спокойно уселся на диван и вновь взглянул на меня.

— Они тебе были не нужны, — сразу ответила ему.

— Правда? И откуда такая информация? — насмешливо уточнил он, закидывая ногу на ногу.

— Из собственного личного опыта.

— Надо же, какой у тебя интересный опыт, если ты можешь принимать решение за кого-то другого.

— Я спасала её, — присаживаясь в кресло, заявила я и скрестила руки на груди. Стоять, возвышаясь над ним, показалось глупым.

— Угу. От меня?

— От общества.

— Ограждая и пряча её от меня, — повторил Финор.

— Да. Скажи мне честно, что бы ты сделал, узнав, что я беременна?

— Отвёл бы тебя в Храм.

— Вот именно, — я победоносно улыбнулась. — На мне нет жемчужной хиты! А ты знаешь, что значит брак против воли Богини? Изгнание и всеобщее порицание. Я спасла нашу дочь от этого.

Эквейт некоторое время молча меня изучал, а потом неожиданно хмыкнул:

— Какие великие цели! Я бы, может, их понял и принял, за одним исключением: когда состоялся суд, я официально попросил Князя отлучить меня от рода. Я больше не жемчуг. И жемчужная хита ко мне не имеет никакого отношения.

— Что? — прошептала я, расширенными от ужаса глазами смотря прямо на него.

— Что слышала. Я мог жениться на тебе и признать Фейт, и это ничего бы в моей жизни не изменило.

— Я тебе не верю... нигде не было информации, — я замотала головой, отказываясь признавать правду. Он не лгал. Я видела это по его глазам.

— Потому что я просил её не афишировать. Но это факт, соответствующий документ лежит в архиве. Я теперь Финор Дрейк и никак иначе.

Финор Дрейк. То имя в газете. Это всё объясняет.

— Господи...

— Вот так вот. Оказывается, все твои благие намерения оказались всего лишь прахом.

Я тряхнула головой.

— Ничего подобного. Я бы всё равно за тебя не вышла.

— Какая причина на этот раз? — язвительно поинтересовался эквейт.

— Ты не любил меня. Никогда не любил и продолжал сходить с ума по Кэтти.

— Ой, — вышеупомянутая персона как раз вошла в гостиную с чаем, но передумала и вернулась назад. — Я позже приду.

— Ты мне нравилась, Би, — бросив взгляд в сторону ушедшей девушки, заявил Финор и вновь посмотрел на меня.

— А я тебя любила. Больше всего на свете любила.

Признание далось мне легко, и стыда я не испытывала, как и боли.

— Я не знал, — ответил эквейт, внимательно меня разглядывая.

— Конечно, не знал или не хотел знать. Тебе же была нужна лишь жилетка для слёз и подружка для постели.

— Не перегибай, Би. Хочешь знать правду? Я хотел попросить тебя поехать со мной.

Я не стала говорить ему, что всё это ложь, лишь спросила:

— И почему передумал?

— Не хотел подвергать тебя изгнанию. У тебя другая жизнь впереди. Поклонники, муж, дети. Мне казалось, что так будет лучше для тебя... Видишь, какие мы молодцы, оба думали сделать как лучше, а получилось как всегда, — горько усмехнулся он.

— Сейчас это не имеет никакого значения, — упрямо повторила я. — У меня были причины скрывать от тебя рождение Фейт, и извиняться за них я не намерена.

— Почему ты мне не сказала сейчас? Когда мы встречались? У тебя была уйма возможностей.

— А зачем? — пожала плечами в ответ. — У тебя была такая прекрасная, замечательная жизнь без нас.

— Опять решаешь за меня. Я хочу видеть Фейт, — твёрдо заявил Финор.

— Зачем?

— Я её отец.

— Её отцом является Александр.

— И две матери. Разве это правильно, Би?

— Не тебе решать, что правильно, а что нет. Ты ей никто, — вскипела я.

Понимала, что грубо и говорить этого не стоило, но и удержаться не могла.

— Твоими стараниями, Беатрис, — жестко оборвал меня Финор, и я невольно сжалась, увидев, как сталью блеснули его серые глаза. — Может, хватит жить прошлым и поговорим о будущем.

— Каким будущем?

Мне это самое будущее уже не казалось прекрасным и солнечным.

— Нашем.

— У нас нет никакого совместного будущего, — попыталась возразить я.

— Есть. У нас есть дочь, и у нас есть будущее. Агент нашел мне прекрасный дом в Аквали, и я хочу, чтобы мы жили там все вместе.

— Ты издеваешься?

— Я серьёзен как никогда, Беатрис. Я не прошу тебя спать со мной. Дом очень большой, мы можем даже не встречаться, но это намного лучше твоей квартиры.

Ну вот, он уже мою квартиру обижает.

— Если ты думаешь...

— Я подам в суд, — вновь перебил меня он.

— Что? — ахнула я.

— И будет грандиозный скандал, который совершенно не понравится твоему уважаемому начальству. Ты потеряешь работу и средства к существованию, а денег у меня много. Ты же знаешь.

— Ублюдок, — прицедила сквозь зубы и сжала кулаки от бессилия.

— Я предлагаю тебе нормальный вариант, который устроит нас обоих.

— Только тебя, — вскричала в ответ. — Ты думаешь только о себе.

— Ошибаешься, Би. Я думаю о нашей дочери и хочу, чтобы у неё была нормальная, полноценная семья — мама и папа. Умерь свою гордыню и взгляни на ситуацию под другим углом.

— Ты меня шантажируешь.

— А ты меня по-другому не слушаешь!

У меня даже дар речи пропал от такой наглости.

— Разрешите? — Кэтти мило улыбнулась и вошла в гостиную, ставя на журнальный столик поднос с чаем. — Би, Финор прав.

— Что? Ты с ним заодно.

От подруги я не ожидала такого предательства.

— Пойми, он уже есть в жизни Фейт и твоей. Не усугубляй это, договоритесь мирно.

— Он мне угрожает.

— И я его понимаю, — вздохнула подруга. — Другого выхода ты ему просто не даешь.

— Ну, знаете... это уже наглость.

— У Фейт и так будет стресс в связи с переездом. Пусть она порадуется встрече с родным отцом. Это так важно для малышки.

Кэтти была по больному, зная, что ради дочери я пойду на многое.

— Я не знаю, как она воспримет...

— Она уже знает, — произнесла Кэтти. — И очень хочет с ним познакомиться.

— Вот видишь! Ты в полном меньшинстве, — победоносно ухмыльнулся Финор.

— Своих дам ты тоже будешь водить в этот дом? — вспыхнула я.

— Я не буду водить женщин, ты не будешь водить мужчин, — тут же парировал он.

Как будто мне есть, кого приводить.

— Я так понимаю, выхода у меня нет? — сдаваясь, произнесла я и покачала головой.

— Выход есть всегда. Мы просто должны работать вместе ради нашей девочки.

Вот уже полторы недели мы жили в этом доме. Я, Финор и Фейт.

Это были странные полторы недели. Если бы мне кто-то когда-нибудь сказал, что я окажусь в такой ситуации, то я бы подняла его на смех. Но факт оставался фактом: мы жили втроём и даже неплохо уживались.

Все мои мысли и, что скрывать, надежды на то, что Фейт не найдёт общий язык с отцом, провалились. Да, это эгоистично и малодушно с моей стороны, но я не хотела, чтобы они сблизились. Правда, надо отдать должное, это состояние длилось у меня недолго — всего пару минут. Потом мне стало стыдно за себя и свои желания. Но я так долго мечтала, чтобы Фейт была только моей, а теперь мне приходилось делить её с эквейтом.

Они действительно нашли общий язык, общаясь на какой-то недоступной мне волне. Играли, разговаривали, шутили и веселились. Временами я даже начинала чувствовать себя чужой на этом празднике жизни. Лишь одно меня по-настоящему радовало: Фейт действительно невероятно быстро адаптировалась к новой жизни. И с удовольствием проводила время с Финором, пока я была на работе. Поэтому в садик мы решили её пока не отдавать.

Дом, который купил Финор, действительно был очень красивым. Двухэтажный, с шестью спальнями, большой столовой, двумя гостиными, двумя кабинетами (один из них Финор уступил мне), оснащённый самыми современными слугами-роботами. Около дома собственный небольшой парк, Фейт обожала там гулять и собирать цветы.

Для меня же совместное проживание с Финором стало испытанием. Нет, мы не скандалили, не ругались, не выясняли отношения. Ради нашей принцессы мы улыбались, общались, играли вместе и делали это не через силу. С Финором было интересно, он даже показывал мне эскизы своих работ и поделился новостью, что следующую коллекцию посвятит Фейт. Я видела, как загорались от счастья его глаза, когда он смотрел на дочь, и начинала испытывать угрызения совести за то, что лишила их друг друга.

Но находиться с этим эквейтом рядом, видеть его каждый день, слышать голос, чувствовать аромат тела и не сходить с ума становилось всё тяжелее.

В конце концов, я стала нервной, дёрганной, на работе подчинённые обходили меня стороной, а директор вообще посоветовал уйти в отпуск и отдохнуть, подлечить нервы.

В какой-то момент возникла мысль закрутить роман с кем-нибудь и спустить пар.

Но я не могла.

От одной только мысли, что меня может коснуться кто-то кроме Финора, мне становилось плохо.

Ночами было ещё тяжелее, я долго не могла уснуть, ворочаясь с одного бока на другой, а когда засыпала, мне снились такие яркие и запоминающиеся сны, что утром было стыдно смотреть эквейту в глаза.

— С тобой всё нормально? — поинтересовался Финор утром за завтраком.

— Что? — я перестала ковырять кашу в тарелке и недоуменно на него взглянула.

Фейт ещё спала, и мы были одни. Сегодня выходной, на работу идти не нужно.

— Я спрашиваю, как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — откликнулась я и вновь взглянула на кашу.

Аппетита не было.

— Ты какая-то молчаливая с утра. Плохо спала?

«Отвратительно».

— Наверное, просто устала.

— Может, тебе взять отпуск?

И видеть его не только утром и вечером, но вообще целый день. Не уверена, что смогу это пережить.

— Я подумаю, — уклончиво ответила ему.

— Если ты так пытаешься отказаться, то зря стараешься.

— Отказаться от чего?

— От показа. Ты мне обещала, что наденешь Беатриче на презентацию. Забыла?

«Да, действительно забыла. Неужели уже сегодня?» — но вслух произнесла другое:

— Нет, я помню. Не переживай, будет тебе манекен.

Ему ответ совершенно не понравился.

— Би, может, ты заболела? Давай я вызову врача?

— Нет, не стоит.

Самое паршивое, что я стала в него влюбляться. Не в образ красивого эквейта, которым он был. А в заботливого, сильного мужчину, который обожал играть с дочкой, периодически готовил потрясающую еду (в отличие от меня), заменяя роботов, рассказывал удивительные истории и улыбался так, что у меня перехватывало дыхание.

— Уверена?

— Да.

Как и в том, что мне ничего с ним не светит. Он красивый, успешный, самый замечательный мужчина на свете, а я... Кто я? Обычная землянка, которая солгала ему и продолжала бы лгать, если бы не случай. Та, что скрыла от него рождение дочери и отказывалась давать разрешение на общение с ней. Куда ни глянь — кругом я виновата.

Я нервно улыбнулась, взяла тарелку с недоеденной кашей и отнесла её к разделочному столу, понимая, что в меня больше и кусочка не влезет. Чего я точно не ожидала, так это что он пойдёт следом и встанет за моей спиной.

Обернувшись, сдавленно охнула, попав в плен его рук и серьёзных серых глаз.

— Может, поговорим?

— А разве мы не разговариваем? — опустив взгляд, ответила ему вопросом на вопрос.

Но Финор не дал мне спрятаться от него. Мягко взял за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза.

— Долго прятаться будешь?

— Я не...

— И ершиться. Спряталась за маску железной леди и пытаешься увериться, что на самом деле такая.

— А я и есть такая, — грустно улыбнулась ему. — Резкая, ершистая и вредная. Ты просто не знал.

— Ошибаешься. Я помню совсем другую Беатрис, яркую, неунывающую девушку-солнце, которая всегда улыбалась... и глаза которой светились счастьем.

— Это было давно.

— Нет. Ты просто спрятала её в глубине своего сердца и не даешь мне взглянуть на неё.

— Зачем тебе на неё смотреть?

Хитрая улыбка и быстрое прикосновение мягких губ, от которых сразу подкосились колени, я бы упала, не успеет он меня подхватить.

Поймал, удержал и сжал крепко, продолжая целовать.

И тут...

— Пап? Ты зачем маму кусаешь? — раздался сзади полный возмущения голос Фейт.

— Хм, — пробормотал он, сразу отодвигаясь и смущенно улыбаясь. — Доброе утро, милая, ты уже проснулась?

— Мам? — Фейт перевела взгляд с отца на меня.

— Всё хорошо. Папа помогал... Вода не в то горло попала, вот он меня и спасал, — улыбнулась я малышке, чувствуя, как полыхают щеки.

— А-а-а. Завтракать?

— Договорим после показа, — многообещающе улыбнулся Финор и пошёл кормить ребёнка.

Роботы уже накрывали на стол, а я продолжала стоять, вцепившись руками в столешницу, и не знала, что делать и куда бежать. И хотела ли я бежать?

* * *

Ожерелье было тяжелым.

Когда девушки положили эту красоту мне на грудь и плечи, я удивленно выдохнула. Надо же, а с виду и не скажешь.

— Удобно? — защебетала эквейтина, продолжая что-то поправлять, пытаюсь довести до совершенства.

— Да, — я улыбнулась в ответ и честно призналась: — Но долго я в этом не простою.

— Долго не придётся, ива Беатрис, всего час.

— Это радует.

— Хотите взглянуть на себя в зеркало?

— Да, зря я что ли столько мучилась, — улыбнулась и позволила подвести себя к огромной зеркальной стене. — О-о-о.

На меня смотрела древнегреческая Богиня. Платье из белоснежной ткани красиво облегло фигуру и воздушными складками спадало вниз. Плечи были обнажены, а на них искрило и сверкало ожерелье — золото, платина и драгоценные камни. Золотисто-рыжие волосы собраны в высокую причёску, и обнажённая шея кажется длиннее, чем обычно. Профессиональный макияж делал глаза ещё больше и выразительнее.

— Вы такая красивая.

— Спасибо.

Но обольщаться не спешила. Это всё лишь для того, чтобы показать работу Финора, не больше.

— Показ уже начинается, я вас позову. Никуда не выходите.

— Хорошо, — улыбнулась я девушке, продолжая изучать собственное отражение в зеркале.

Сколько я так простояла — сказать сложно.

Внезапный шорох за спиной заставил меня недоуменно отвести взгляд и повернуться...

...Острая головная боль, а дальше темнота.

Проснулась я от противного писка. Где-то совсем рядом что-то не переставая пищало.

«Наверное, будильник», — догадалась я и попыталась поднять руку, чтобы выключить его.

Но рука не поднималась.

Недоуменно нахмурившись, я попыталась открыть глаза. Но они тоже открылись не с первой попытки. А когда всё-таки вышло, едва не ослепла от яркого, слишком резкого света. На глазах выступили слёзы, и я вновь зажмурилась, пытаясь вспомнить, что произошло. Я помнила себя и зеркало, а потом вдруг темнота.

Я что, упала?

Успокоившись, вновь попробовала открыть глаза. На этот раз свет был не такой яркий.

Всё вокруг было серым.

Где я? Что происходит?

С трудом повернув голову, увидела какие-то приборы и мониторы.

Больница? Я в больнице? Но что произошло?

А следующим шоком для меня стал Финор.

Мужчина сидел на стуле, обхватив себя руками, и спал. Выглядел он странно: весь какой-то лохматый и взъерошенный.

— Фи...фи... Фино... — попробовала произнести я, но с губ срывались едва слышные шипящие звуки.

Но он услышал. Вздрогнул, сел и быстро взглянул на меня.

— Богиня, Би, ты очнулась, — вскрикнул он, хватая за руку и жадно целуя в пересохшие губы. — Подожди, я позову врача. Только не засыпай.

И убежал.

Засыпать я точно не собиралась. Мне надо было срочно узнать, что произошло.

Через пару минут он вернулся уже с врачами, которые не дали мне слова сказать. Принялись осматривать, ощупывать и задавать странные вопросы, на которые не ждали ответа. И никто так и не объяснил, что произошло.

— Что?.. — смогла выдохнуть я, когда осмотр закончился.

И Финор меня понял. Побелел, нахмурился, пряча взгляд, а потом глухо произнёс:

— На тебя напали. Сильно ударили по голове и украли ожерелье.

— Ох... Его... на-аш-ли?

— Би, какое, к Богине, ожерелье? — прохрипел он, глядя на меня совершенно безумным взглядом. — Мне всё равно, что с ним будет. Пусть его алги сожрёт. Ты едва не погибла. Три дня врачи боролись за твою жизнь.

— Фейт? — ахнула я.

— Кэтти с ней.

Кэтти, да, точно. Она же приезжала в столицу специально на выставку.

— Ох, Би, как же ты нас напугала, — Финор упал передо мной на колени, взял мои ладони в свои и руки и нежно поцеловал. — Больше никуда тебя не отпущу. И одну не оставлю. Никогда. Слышишь?

— Д-да... Кто... сде-елал?

Финор вновь помрачнел.

— Би, не стоит.

— Хочу... знать.

— Это Валения их навела. Одна из продавщиц. Тайком провела их на выставку, и с её помощью они и сбежали. Собирались разобрать Беатриче на камни и распродать по частям. Их вовремя успели поймать. Но это совершенно неважно, понимаешь? Главное — это ты.

Я растерянно смотрела на него, не понимая, к чему он ведёт.

— Ты и Фейт — это всё, что у меня есть в этом мире. И я вас никуда не отпущу, так что

можешь закрываться или не закрываться, но ты никуда не денешься.

Но я и не хотела никуда деваться. Только быть с ним, смотреть в его глаза и слушать голос.

— Выйдешь из больницы, и мы пойдем в Храм. И не говори мне про планы, чувства и долг. И вообще, я тут подумал и решил, что хочу еще дочку или сына. С твоими солнечными глазами. И Фейт нужна компания, а то ей скучно одной. Как ты на это смотришь?

Кивнула, чувствуя, как горят щеки от слёз, что текли из глаз.

— Вот и умница. Я люблю, когда ты соглашаешься, — выдохнул совершенно счастливый Финор и стёр мои слезинки.

Я тоже была уверена, что впереди нас ждёт только счастье.

Больше книг на сайте - Knigolub.net